

ДЖЕК ВЭНС

ДЖЕК ВЭНС
ПЛАВУЧИЕ
ТЕАТРЫ

БОЛЬШОЙ
ПЛАНЕТЫ

Русский перевод
Александра Фета

ДЖЕК ВЭНС

ПЛАВУЧИЕ ТЕАТРЫ

ДЖЕК ВЭНС

Великолепные

ПЛАВУЧИЕ ТЕАТРЫ

в нижнем

течении Висселя на Юге

фестона XXIII

БОЛЬШОЙ ПЛАНЕТЫ

Русский перевод
Александра Фета

ПЛАВУЧИЕ ТЕАТРЫ БОЛЬШОЙ ПЛАНЕТЫ

Showboat World

Copyright © 1975 by Jack Vance
Translation copyright © 2015 by Alexander Feht

Published by agreement with the author
and the author's estate.

Переводчик выражает благодарность Джеку Вэнсу (автору), Игорю Борисенко, Инне
Ослон и многим другим за полезные пояснения, замечания и советы.

Language: Russian

Cover photo: *Byurisa Bay* by William Sokolenko © 2011

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher.

Printed in the United States of America by CreateSpace and Feht, Inc.

ISBN-13: 978-1517589639

ISBN-10: 1517589630

Из «Путеводителя по населенным мирам»

Большая Планета занимает орбиту, ближайшую к желтой звезде Федре — мир диаметром 40 тысяч километров, средняя плотность которого чуть меньше 2, а поверхностная сила притяжения немного превышает земную.

Судя по всему, ядро Большой Планеты — остекленевший конгломерат кальция, кремния, алюминия, углерода, бора и различных окисей — в процессе охлаждения покрылось корой, впоследствии накопившей космические отложения нынешних поверхностных слоев, отличающиеся, подобно ядру, ничтожно малым содержанием тяжелых элементов. Следует отметить, что плотность всех трех внешних планет той же системы чрезвычайно высока.

Примерно половина Большой Планеты покрыта океанами, и климат здесь мало отличается от земного, но месторождения металлических руд почти не встречаются, в связи с чем любой металл редок и стоит очень дорого.

Большая Планета находится за пределами сферы действия земных законов и была заселена мигрантами, не терпевшими ограничений или твердо намеренными жить согласно неортодоксальным поведенческим нормам: нонконформистами, анархистами, беглецами, раскольниками, мизантропами, извращенцами и душевнобольными. Всех их безразлично приютили чудовищные просторы Большой Планеты.

В нескольких изолированных районах существует нечто вроде цивилизации, хотя непременно в том или ином более или менее необычном варианте. В других местах, за окраинами таких общин, закон заменяют лишь местные традиции — там, где вообще есть какие-нибудь традиции, что вовсе не обязательно. Обычаи и привычки обитателей Большой Планеты бесконечно разнообразны, так как на протяжении веков диверсификация гетерогенных изолированных популяций состоявших в кровном родстве индивидуумов приобрела чрезвычайно причудливый, даже гротескный характер.

Земные мудрецы давно изучают условия Большой Планеты, анализируют их, спорят о них. Сотни ревнителей нравственности настаивали на применении дисциплинарных мер с тем, чтобы на

Большой Планете был установлен законопорядок земного образца, но последнее слово всегда оставалось за защитниками существующего положения вещей: «Большая Планета открывает перед нами дразнящую воображение перспективу запредельной страны, где настойчивость, находчивость и отвага важнее умения соблюдать утонченные условности. Ради того, чтобы завоевать свободу, первопоселенцы принесли огромные жертвы. Тем самым они волей-неволей предопределили судьбу своих потомков, в связи с чем в наши дни новые поколения разделяют идиосинкратические убеждения предков или даже доводят их до новых крайностей. Кто может судить о том, хорошо это или плохо? Кто может дать всеобщее определение справедливости, правильности, правды? Если на Большой Планете будут внедрены земные законы, если ее великолепное разнообразие будет подавлено и задушено, инакомыслящие снова лишатся своих приобретений, им снова придется переселиться и найти убежище в еще более далеких солнечных системах. Большая Планета — дикий мир, где творится множество злодеяний, но принудительное упорядочение жизни приведет лишь к вытеснению зла, а не к его искоренению. По сути дела, Большая Планета олицетворяет проблему человечества, для которой нет однозначного решения».

РЕКА ВИССЕЛЬ
и ее притоки,
Юг фестона XXIII,
БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

Глава 1

Там, где полноводный Виссель впадает в Догадочный залив, вырос город Кобль, пристанище морских рыбацких лодок, речных барж и знаменитых плавучих театров этого обширного речного бассейна — таких, как «Золотой фантазм Фиронзелле», «Памеллисса», «Мелодичный час», «Очарование Миральдры», «Огнехрустальная призма», «Два Варминия» и прочие заведения не менее высокой репутации.

Плавучие театры блуждали вверх и вниз по течению Висселя, осмеливаясь заплывать на север до Стеклодувного мыса и даже дальше — до Скивари и до самого Гаркена. В связи с характером их деятельности, владельцами плавучих театров неизбежно становились люди особого типа: тщеславные, жадные и отличавшиеся некой разновидностью проницательной находчивости, поддающейся определению только посредством описания их поступков. Помимо этих профессиональных качеств, между ними часто не было ничего общего. Лембюриэль Боук носил одежду в черную, красную и коричневую полоску, а голову украшал трехъярусным чепцом пантолога-фундаменталиста; он выщелачивал кожу до снежной белизны и говорил глухим басом, словно доносившимся из погреба. Умбер Струн был настолько же экспансивен, насколько Боук был замкнут в себе. Он красноречиво применял по отношению к себе тщеславные похвальные эпитеты, а по отношению к конкурентам — еще более изобретательные унижительные выражения. Даррик Данкзи носил рапиру на ремне и пару заточенных крюков в поясной сумке — что позволяло ему быстро ставить на место недостаточно учтивых собеседников, тогда как Гарт Пеплошторм предпочитал томно-элегантную снисходительность. Элевсис Мюнт испытывал страсти к жилетам и панталонам из надушенного шелка; его манера выражаться свидетельствовала о богатой палитре эмоций, причем переливающая через край пылкость его натуры находила выход в любви как к женщинам, так, в равной мере, к мужчинам и детям, что время от времени ставило его в неловкое положение. Фантаст Фринг был проницателен, терпелив и скуп; Аполлон Замп гордо расхаживал по палубам, как некий легендарный герой, и сразу тратил все, что зарабатывал. Так обстояли дела на реке Виссель.

В том, что касается плавучих театров как таковых, самыми замечательными и великолепными считались «Золотой фантазм Фиронзелле» и «Очарование Миральдры», причем соперничество их

хозяев — Гарта Пеплошторма и Аполлона Зампа, соответственно — давно стало притчей во языцех. Для развлекательных постановок Зампа были характерны подвижный темп, яркие эффекты, внезапные потрясения и впечатляющие контрасты; он придавал большое значение фарсу, пантомиме, фокусам и жонглированию, экзотическим танцам и воспроизведению на сцене выдающихся жестокостей. Гарт Пеплошторм предлагал вниманию зрителей более неторопливые и замысловатые фантазмагорические феерии. Несмотря на пренебрежительные и чванливые манеры, Замп был придиричивым режиссером, требовавшим от актеров как виртуозности, так и способности быстро приспосабливаться и выступать в различных амплуа, тогда как основой популярности спектаклей Пеплошторма служили таланты известных и успешных специалистов. Замп умел приводить свои жизнерадостные постановки в соответствие с интересами и вкусами местной аудитории; Пеплошторм сосредоточивался главным образом на трагических сюжетах, таких, как «Эмфирио», «Лукас и Портмена», «Синий гранат» и «Царство Железного Короля». Актеры Пеплошторма носили роскошные костюмы, его декорации гипнотически завораживали, его преданность правдоподобию — особенно в том, что относилось к пылким эротическим сценам и к изображению отправления правосудия — намного превосходили достижения тех, кто пытался удовлетворить зрителей любительскими имитациями и воплями за кулисами.

Пеплошторм нередко отправлялся в рискованные плавания вверх по течению Висселя, до Лантина и дальше, а также по крупнейшим притокам Висселя — Суанолю, Вержансу и Мёрну. Замп, как правило, давал представления в селениях Нижнего Висселя, иногда поднимаясь по Мёрну — то есть там, где у публики были знакомые ему предрассудки, и где стоимость тех или иных товаров¹ была хорошо известна.

Однажды, когда «Миральдра» стояла на якоре у городка Крысиный Фитиль, молодая рыжеволосая исполнительница пантомим принялась дразнить Зампа, упрекая его в излишней осторожности. «Пшш! — фыркнула она, игриво подергивая его аккуратную светлую козлиную бородку. — Почему мы вечно слоняемся вдоль одних и тех же набивших оскомину берегов? Вверх-вниз, вверх-вниз, из Тамета в Париковск, оттуда опять к Ветербургу и назад в Кобль, чтобы выплавить² прибыль».

Аполлон Замп беспечно рассмеялся и осушил бокал вина — парочка только что начала обедать в каюте Зампа на корме «Ми-

¹ Основной валютой на всей Большой Планете служило железо, наименее редкий из металлов. Железный грош, весом примерно в полграмма, соответствовал дневному заработку человека, занятого неквалифицированным физическим трудом.

² «Выплавление денег»: на жаргоне Большой Планеты — процесс обмена различных финансовых обязательств, драгоценностей и товаров на железо.

ральдры»: «Если это позволяет мне пировать в обществе очаровательной подруги, зачем что-либо менять?»

Актриса, выступавшая под именем Лаэль-Росса, повела плечами и скорчила капризную гримаску: «Тебе всегда и на все нужны причины?»

«Разумеется! Если они существуют».

«Нет никаких причин — кроме того, что неплохо было бы взглянуть на новые лица и побывать в незнакомых местах. Разве не странно, что Аполлон Замп, самый отъявленный головорез из всех, что разгуливают по палубам плавучих театров, выбирает только самые безопасные маршруты?»

«В этом нет никакой тайны! Я галантен и пикантен только потому, что обстоятельства позволяют мне оставаться таковым. В противном случае я превратился бы в зануду, подобного сборщику мидий из Крысиного Фитиля. Открою тебе один секрет, — Замп многозначительно поднял указательный палец и чуть наклонился вперед. — Я не требую лишнего от моей старой доброй подруги, Судьбы. Я никогда ее не испытываю — именно поэтому мы с ней весело шагаем в ногу по дороге жизни».

«Может быть, твоя старая добрая подруга, Судьба, просто слишком скромна и вежлива, чтобы вступать в пререкания, — предположила Лаэль-Росса. — Давай проверим, что она о тебе думает на самом деле. Впереди — Ветербург, жалкая горстка грязных лачуг, где все расплачиваются друг с другом маринованной рыбой. Смотри, вот мой талисман: с одной стороны на нем эмблема моих предков, на другой — нимфа-покровительница Коракис. Я подброшу талисман. Если сверху выпадет Коракис, мы проплывем мимо Ветербурга до Фьюдурта или Ювиса — или даже до Лантина на Стеклодувном мысу. А если нет, встанем на якорь в Ветербурге. Ты согласен?»

Замп покачал головой: «Невозможно не учитывать, что у Судьбы есть причуды; например, ей ничего не стоит повернуть талисман той или иной стороной вверх».

«Все равно — посмотрим, что получится!» — Лаэль-Росса подбросила крутящийся диск из желтоватой кости; тот упал на стол ребром, прокатился по вошеному дереву и остановился, тихонько прислонившись к фляге с вином в почти вертикальном положении.

Замп возмущенно уставился на талисман: «Ну, и что теперь? Как это понимать?»

«Спроси кого-нибудь другого. Я не умею толковать знамения».

Замп поднял брови: «Знамения?»

«Тебе лучше знать — ведь это ты идешь по жизни рука об руку с сестрицей-Судьбой».

«Мы шагаем в ногу, — ответил Аполлон Замп, — но это не значит, что мы исповедуемся друг другу на каждом шагу».

Уже давно стемнело. Лаэль-Росса незаметно вернулась к себе в каюту на нижней палубе, в то время как Аполлон Замп, опрокинувшийся, пожалуй, на пару бокалов больше, чем следовало, сидел, откинувшись на спинку тяжелого кресла из резного пфалакса. Выдалась теплая ночь; оконные створки были открыты — морской бриз заставлял покачиваться пламя подвесных светильников, и по стенам плясали тени. Замп поднялся на ноги, обозревая свою каюту — помещение, которому мог бы позавидовать любой: мебель из массивного пфалакса, сервант, уставленный стеклянными флягами, мерцающими отражениями пламени, прекрасная постель в алькове, под зеленым покрывалом. Потолочные балки поддерживались подкосами из тамарака, вырезанными изящными завитками; под ногами темные дубовые доски палубы блестели воском, один огромный светильник висел над трапезным столом, другой — над письменным столом. В этот поздний час вскрылись и беспрепятственно общались различные уровни сознания Зампа. Образы всплывали из памяти, приобретали почти осязаемую объемность и что-то предвещали, исполнившись потаенным смыслом — если бы только он сумел догадаться и уловить этот смысл! В оконных створках искалось отражение его персоны. Замп пригляделся к нему поближе: да, он хорошо знал этого субъекта и высоко ценил его, но в то же время он казался ужасным, странным, чужим. Отражение было приземистым, с выпирающими ягодицами и перекошенной, ползущей во все стороны одеждой. Светлые кудри стали неопрятно длинными и растопырились, голубые глаза тупо сосредоточились на кончике длинного бледного носа. Оскорбленный этой карикатурой, Замп с достоинством выпрямился; по субъекту в оконной створке пробежали волны; на мгновение он исчез, а затем снова появился, глядя на Зампа с таким же возмущением — как если бы с его точки зрения внешность Зампа была не менее отвратительной, чем зазеркальный призрак в глазах самого Зампа... Аполлон Замп отвернулся. Если таковы были предзнаменования или намеки, позволявшие проникнуть в суть вещей, он больше не испытывал ни малейшего желания к ним приглядываться.

Замп вышел подышать ночным воздухом и поднялся на квартердек. Темные речные воды неспешно скользили мимо, убежденные в неуклонности своего пути. В воде дрожали тусклые отражения нескольких желтых огней в окнах припозднившихся обитателей Крысиного Фитиля.

Замп поглядывал вокруг с автоматической бдительностью владельца. По-видимому, на корабле все было в порядке. Замп подошел к гакаборт и облокотился на него. В тусклом зареве гакабортного огня он заметил небольшого быкообраза, плотно припавшего к выступу руля — свет отражался в трех глазах непрошеного пассажира тремя желтыми звездочками. Замп и быкообраз молча смотрели друг на друга. Замп попытался заставить животное спрыгнуть в

воду усилием воли. Но быкообраз еще упрямее прижался к рулю. Зампу пришлось в полной мере продемонстрировать непрекращаемый авторитет. «Пошел вон! — тихо сказал он. — Слезай с руля, мокрый мерзавец! Нырять в любимую грязь и барахтаться там в свое удовольствие!»

Трехглазый взор животного стал еще напряженнее и настойчивее. Зампу пришло в голову, что быкообраз, со своей стороны, тоже пытается заставить Зампа прыгнуть в реку усилием воли. «Вот еще! — пробурчал Замп. — Какая чепуха! Ну и сиди тут, сколько влезет! Я ухожу — но только потому, что меня ждут другие дела!»

Спускаясь по лестнице, он задержался, чтобы снова взглянуть на Крысиный Фитиль. Сегодня труппа «Очарования Миральдры» давала комическое представление под наименованием «Пьяный рыбак и говорящий угорь», с «Балетом цветов» в качестве интерлюдии, исполненной восемью девушками-мимами в трико с многочисленными оборками; кроме того, состоялось состязание в борьбе между театральным профессионалом и местным чемпионом, а в акробатическом финале участвовали все восемь девушек, оркестр, два жонглера, три танцора-шпагоглотателя и шесть шутов-гимнастов. Программа была тщательно подготовлена в соответствии с традициями местных жителей — подобно населению большинства общин Большой Планеты, они рассматривали свое селение как единственный оазис здравомыслия в необъятном сумасшедшем доме обреченного мира. Аудитория состояла из трехсот двенадцати мужчин, женщин и детей; сбор составил более четырех тысяч унций плавниковой смолы, каковую — согласно текущему курсу, опубликованному в «Деловом вестнике» — можно было обменять в Кобле на девяносто пять железных грошей. Достаточный дневной улов — не очень много, но и не слишком мало. Завтра Замп собирался поднять якорь и дрейфовать вниз по реке — почему нет? Что было такого в верховьях Висселя, кроме нескольких забубенных поселков, настолько нищих, что их не тревожили даже кочевники-разбойники из степи Тинзит-Ала? Лантин на Стеклодувном мысу стал достаточно процветающим торговым центром, и несколько редких визитов, нанесенных туда «Миральдрой», принесли удовлетворительный доход. Тем временем, Аполлон Замп не становился моложе... Странно! Что заставило поселиться у него в голове эту совершенно не относящуюся к делу мысль? Замп еще раз обвел глазами речную гладь, спустился к себе в каюту и лег в постель.

Глава 2

Замп проснулся, когда косые лучи Федры уже позолотили дубовые доски пола каюты. Вода хлюпала под кормой, так как южный ветер поднимал рябь, бегущую против течения; якорный канат провис, судно беспокойно рыскало из стороны в сторону. Замп со стоном потянулся, выбрался из постели, дернул шнурок колокольчика, чтобы ему подали завтрак, и запахнулся в утренний халат.

Стюард Чонт расстелил белую скатерть на огромном столе из пфалакса, налил в пиалу чай и поставил под рукой, у кресла, корзинку с фруктами, после чего подал рагу из тростниковых порхунчиков в поджаристой корочке.

Неторопливо и задумчиво закусив, Замп поручил стюарду позвать боцмана Бонко — дюжего пузатого субъекта с длинными руками, короткими кривыми ногами и шишковатой лысой головой, украшенной, однако, щетинистыми черными бровями и усиками под расплюснутым комковатым носом. Вежливые и уступчивые манеры Бонко никак не согласовались с его угрожающей внешностью. Помимо выполнения навигационных обязанностей, боцман подвизался в качестве корабельного борца, а также выступал в ролях палачей в драмах, требовавших изображения пыток и казней.

«Как идут дела?» — поинтересовался Замп.

«Свежий южный ветер дует прямо в лоб. Вниз по реке можно продвинуться только на буксире, то есть пришлось бы нанимать тягловый скот».

Замп недовольно покачал головой: «Береговая тропа к югу от Крысиного Фитиля — не тропа, а грязное месиво. Квэйнер уже починил ведущий вал?»

«Еще нет, капитан. Вал все еще нуждается в лощении. Кроме того, Квэйнер считает, что следует заменить сальник».

Вчера вечером, прокатившись по столу, талисман остановился на ребре! «Что ж, — решил Замп, — поднимай паруса! Если мы не можем плыть на юг, направимся на север и воспользуемся попутным ветром. Уже много лет мы не давали представления в Ювисе, в Фьюдурте и в Порт-Фитце».

«Насколько я помню, в Порт-Фитце у нас в свое время возникла небольшая проблема, — осторожно заметил Бонко. — В связи с тем, что исполнительница главной роли надела рога».

Замп крикнул: «Эти разгильдяи слишком неуступчивы в том, что касается соблюдения обычаев. Тем не менее, я не хотел бы оскорбить еще какой-нибудь из их тотемов. Может быть, не следует заплывать на север дальше Ювиса. Поднимай паруса и якорь, однако».

Бонко отправился отдавать распоряжения. Через несколько минут Замп услышал, как заскрипели подъемные шкивы и затрещал якорный кабестан — огромное судно ожило под напором ветра.

Поднявшись на квартердек, Замп смотрел на удалявшийся за кормой Крысиный Фитиль. В низовьях Виссель был глубок и настолько широк, что западный берег превратился в едва заметную дымчатую полоску. Яркий солнечный свет и бодрящий ветер успокоили Зампа — зловещие опасения, вызванные ночным наблюдением за отражением, испарились, вчерашние хмельные размышления казались не более, чем воспоминанием о сновидении. Единственной существующей и возможной действительностью было *настоящее*: танцующие на воде блики солнечного света и ветер, приносящий гниловатый запах илистых берегов, подмытых течением, влажных тростников, ложбинника и черной ивы. Грот и фок всколыхнулись и напряглись на подтянутых гитовах; Бонко отправил дозорного на марсовую площадку. Корабль величественно рассекал речную рябь.

«Жизнь — приятная привилегия! — думал Замп. — Особенно в образе и подобию меня самого, лучшего и благороднейшего импресарио на Висселе». Гарт Пеплошторм? Разве он имеет какое-нибудь значение? Не больше, чем бедолага-рыбак, который ежится от ветра в шаланде и разинул рот, глядя на стремительно плывущую мимо «Миральдру». Замп приветствовал встречного благосклонным взмахом руки. Кто знает? Может быть, в свое время этот рыбак вспомнит великолепный корабль и его галантного капитана, придет со всей своей семьей, чтобы полюбоваться на представление, и заплатит железный грош... Рыбак не ответил на приветствие и продолжал оцепенело глазеть на роскошное судно. Замп опустил руку. Подобная деревенщина могла с таким же успехом завалиться на борт «Золотого фантазма», если бы мимо проплывала эта скрипучая баржа мошенников с их показной бутафорией... Безвкусно разукрашенный плавающий дворец Пеплошторма снялся с якоря в Кобле за две недели до отплытия Зампа, и с тех пор они еще не видели друг друга. Что ж, Пеплошторм мог делать все, что ему заблагорассудится — его решения и поступки были несущественны. Аполлон Замп занялся инспекцией судна.

У Зампа была характерная размашистая походка. Он все еще был крепок и силен, хотя в связи с благополучным прозябанием среднюю часть его торса уже никак нельзя было назвать подтянутой. У него были длинные ноги, слегка сгибавшиеся в коленях на каждом шагу; он немного сутулился, выставляя голову вперед, его голубые глаза блестели, светлые волосы развевались на ветру, ари-

стократический нос гордо поворачивался то в одну сторону, то в другую.

На площадке средней надстройки практиковались акробаты и жонглеры, а дрессировщики и повелители насекомых отрабатывали номера под отгороженными сеткой навесами вдоль бортов. На баке труппа мимов репетировала интерлюдии и скандалила с шутами, желавшими попробовать новый трюк и требовавшими освободить для них место на верхней палубе. Собственно на сцене Дильдекс, имитатор поножовщины и поединков с применением метательных ятаганов, когтей-напалечников и заточенных крюков, бегал, прыгал и кувыркался, следуя размеченным мелом шаблонам.

Замп взобрался по вантам в «воронье гнездо», но не обнаружил в корзине дозорного никаких подушек, бутылок, музыкальных инструментов или нижнего белья — время от времени ему доводилось находить все эти недозволенные, отвлекающие внимание средства времяпровождения. На проушине в конце оттяжки, соединявшей фок-мачту и грот-мачту, были заметны признаки износа. Этой оттяжкой пользовались канатоходцы, демонстрируя головокружительные подвиги без подстраховки. Если бы оттяжка оборвалась во время представления, профессиональная репутация Зампа могла пострадать, в связи с чем следовало безотлагательно обсудить этот вопрос с Бонко.

С насеста на макушке мачты открывалась картина жизнерадостной деятельности на всех участках верхней палубы; возникало впечатление, что команда и труппа не нуждались в дополнительной стимуляции. Но Замп прекрасно знал, что это не так. Среди его спутников на борту «Миральдры» было более чем достаточно вечно недовольных ворчунов. Одни завистливо рассказывали об идиллических условиях плавания в театрах соперников; другие, обуреваемые алчностью, непрерывно требовали все больше и больше железа. Здесь, в «вороньем гнезде», Замп мог игнорировать досадные пустяки и наслаждаться видом, простиравшимся до бесконечных горизонтов Большой Планеты. Далекая расплывчатая линия — горы; легкая тень воздушно-голубого оттенка — еще одна гряда, выше первой; шелковистый наплыв, напоминающий полоску серой бумаги, подмоченную бледно-голубыми чернилами — третий хребет, неизвестных пропорций. Проблеск на западе — скорее всего, море, а дымчато-сиреневый след вдоль немыслимо далекого берега, возможно, свидетельствовал о песках пустыни. На юге перспектива постепенно превращала лениво петляющий Виссель в мерцающую серебристую нить; на севере остроконечный утес красноватого кремнистого сланца скрывал дальнейшие блуждания реки по степи Тинзит-Ала — все дальше и дальше — куда? Мимо Ветербурга и Фьюдурта, огибая Стеклодувный мыс, вдоль подножия Мифийских гор, через болота Дохлой Клячи к Гаркену, затем по Лукавому Краю и через теснину Мандаманских Ворот в Бездонное озеро — там начиналось легендарное королевство Сойванесс, где

люди жили в усадьбах, ели с чугунных тарелок и не позволяли чужеземцам проникать в их страну, чтобы никто не зарился на их богатства и не нарушал безмятежный покой их приятной жизни. Все эти места упоминались в «Речном справочнике». Но кто мог сказать с уверенностью, что опубликованная карта — не плод воображения ее составителя? Замп знал нескольких людей, плававших на север до самого Гаркена, но существование дальнейших городов и весей подтверждалось лишь отметками на карте. Замп многозначительно кивнул самому себе. Довольно мечтать о сказочных мирах! Действительность окружала его здесь, по берегам Висселя, от Кобля до Крысиного Фитиля и, может быть, до Ювиса; здесь он добывал металл — щепотка железных опилок на ладони весомее воображаемых стальных гонгов и чугунных котлов.

Замп спустился по вантам, вернулся на кварталдек, бросился в плетеное кресло и задумался, мрачно поглядывая на речную гладь.

К полудню ветер успокоился, и судно едва продвигалось вверх по течению; Замп был вынужден бросить якорь на ночь посреди фарватера.

Наутро снова подул настойчивый муссонный ветер, и плавучий театр бодро рассекал речную рябь. В полдень дозорный заметил на горизонте Бугор Готпанга, а через некоторое время и городок Готпанг — ноздреватый нарост каменных хижин на крутых каменных склонах Бугра. Каменная стена на вершине окружала монастырский двор с каменными арочными галереями по периметру, утопающий в древней роще мадурских апельсиновых деревьев. Там прозябало братство монахов-ценобитов, известное под наименованием «актуариев»; они определяли, кому и когда следовало родиться или умереть в местной общине. Лет десять тому назад Замп давал представление в Готпанге, но оно не принесло существенной прибыли, и с тех пор он не навещал это селение. Сегодня он мог причалить в Готпанге и хоть что-то заработать — или снова бросить якорь посреди фарватера и не заработать ничего. Замп решил остановиться в Готпанге.

Он освежил в памяти сведения о местной общине, пользуясь «Речным справочником». Справочник рекомендовал не упоминать о смерти и о каких-либо болезнях или несчастных случаях, а также никоим образом не допускать, что появление на свет детей возможно без сотрудничества актуария.

Причал в основании Бугра отгораживал маленькую удобную гавань; на ровной площадке у пристани было достаточно места для пары складов, трех таверн и небольшого рынка. К вящему раздражению Зампа, у причала уже пристроился плавучий театр «Два Варминия», принадлежавший некоему Оссо Сантельмусу, предлагавшему вниманию публики то, что Замп считал не более чем балаганным фарсом, перемежавшимся цирковыми трюками дрессировщиков и балладами менестреля, аккомпанировавшего себе на гита-

ре. Сантельмус извлекал дополнительный доход благодаря азартным играм и торговле тонизирующими средствами, лосьонами и целебными мазями, а также посредством предсказания будущего в установленной с этой целью палатке.

Замп угрюмо приказал пришвартовать «Миральдру». Присутствие конкурента, как правило, не мешало владельцу другого судна получить достаточный сбор — по сути дела, прибытие двух плавучих театров в одну гавань нередко способствовало привлечению публики. У Зампа были все основания ожидать, что стоянка в Готпанге не станет убыточной.

Как только спустили трап, Замп — как того требовал этикет — поднялся на борт «Двух Варминиев», чтобы засвидетельствовать почтение Оссо Сантельмусу. Два антрепренера уселись за столом в кормовой каюте, чтобы побеседовать, вооружившись бутылкой коньяка.

Сантельмус не мог сказать ничего хорошего ни о Готпанге как таковом, ни об актуариях: «Они ежегодно издают по три новых декрета. Нынче мне сообщили, что я не могу рекламировать «Чудотворную купель» в качестве омолаживающего эликсира, придающего неотразимую привлекательность. Более того, мне запретили предсказывать будущее, не получив заранее прогноз, утвержденный местным бюро планирования и расписаний».

Замп с отвращением покачал головой: «Мелочные чиновники вечно пользуются любой возможностью оправдать свое существование!»

«Верно. Тем не менее, жаловаться бессмысленно. Опыт научил меня справляться с крючкотворами. Теперь я предлагаю «Чудотворную купель» всего лишь как лосьон, успокаивающий раздражение кожи и оказывающий умеренное слабительное действие после приема внутрь. А в своей палатке я призываю мертвых с того света и чревоуещаю их голосами — что приносит примерно тот же доход, что и прорицания. Но забудем о неприятностях и поговорим о чем-нибудь воодушевляющем. Как вы оцениваете ваши шансы в Морнуне?»

Замп удивленно уставился на собеседника, широко открыв голубые глаза: «Мои шансы — где?»

Сантельмус налил ему еще коньяку: «Не притворяйтесь, друг мой! Между нами уклончивость ни к чему. Я тоже взял курс на Лантин — хотя сомневаюсь, что мои скромные представления, развлекающие публику попроще, воспламят воображение посланника короля Вальдемара. Подозреваю, что выбор падет либо на вас, либо на Гарта Пеплошторма».

«О чем вы говорите? Не имею ни малейшего представления!» — развел руками Замп.

Настала очередь Сантельмуса удивленно вытаращить глаза: «Неужели вас не известили о знаменитом конкурсе? О нем объявили на конклаве в Кобле — с тех пор и месяца не прошло!»

«Я не участвовал в конклаве».

«И правда! Теперь я припоминаю. Гарт Пеплошторм вызвался передать вам эти сведения».

Замп со стуком опустил на стол граненую стопку: «Так же, как вульп³ из небезызвестной басни вызвался сообщить фермеру о дыре в ограде птичника».

«Ага! — воскликнул Сантельмус. — Видимо, Пеплошторм не удосужился поделиться с вами новостью?»

«Даже не попрощался — но я заметил, как его судно полным ходом спешило вверх по течению».

Сантельмус несколько раз скорбно кивнул — как если бы он рассматривал масштабы человеческой низости как неразрешимую загадку: «Все очень просто, хотя оглашение этой прокламации на конклаве оказалось для всех полной неожиданностью. Вы, конечно, слышали о короле Вальдемаре и его государстве, Сойванессе, что за Бездонным озером?»

Замп ответил ни к чему не обязывающим жестом: «Нельзя сказать, что мы с ним давние приятели».

«Вальдемар сравнительно недавно вззошел на престол, но уже успел прославиться капризной щедростью, граничащей с расточительством. В последнее время он задумал устроить Большой Фестиваль в Морнуне, в связи с чем объявил конкурс развлекательных ансамблей всего Далькенберга, выступающих к северу, к югу, к востоку и к западу от Бездонного озера. Непосредственно нас с вами касается то обстоятельство, что через неделю в Лантине королевский арбитр выберет плавучий театр, которому предстоит представлять на фестивале Нижний Виссель».

«Неужели? И какой приз обещают победителю?»

«Руководителю труппы, завоевавшей первое место на конкурсе, будут пожалованы дворянская грамота, усадьба в Морнуне и целое сокровище — несколько сундуков металла. Соблазнительная перспектива даже для такого старого прожженного шарлатана, как я!»

«Не преуменьшайте свои заслуживающие всяческого уважения таланты! Но разве не было, по меньшей мере, наивно доверить Гарту Пеплошторму передачу мне уведомления о конкурсе?»

«Теперь это выглядит непростительным упущением, — признал Сантельмус, поглаживая подбородок. — На конклаве королевская прокламация вызвала громкие споры; одни говорили одно, другие — другое. Гарт Пеплошторм заметил: «Представьте себе,

³ Вульп: небольшой прожорливый хищник; часто встречается в Далькенберге, то есть в южной части Центрального фестона XXIII.

как обрадуется наш уважаемый коллега, Аполлон Замп, когда узнаёт о предстоящем конкурсе и о возможности получить щедрую награду! Прошу вас, предоставьте мне возможность сообщить ему эту приятную и неожиданную новость!» Никто не возражал, и Гарт Пеплошторм тут же удалился — все предполагали, что он торопился вас найти».

«Он найдет меня в Лантине», — сухо обронил Замп.

Сантельмус глубоко вздохнул: «Значит, вы приняли бесповоротное решение. Вы намерены соревноваться в надежде получить первый приз в Морнуне».

Замп протестующе поднял руку: «Не спешите с выводами! Морнун — далеко на окраине диких степей. Зачем искушать судьбу, привлекая к себе внимание тинзит-алайских разбойников?»

Сантельмус вкрадчиво усмехнулся: «И вам не терпится узнать, удастся ли Гарту Пеплошторму избежать тех же опасностей?»

Замп опорожнил стопку и снова решительно поставил ее на стол: «Все мы время от времени устраиваем друг другу мелкие подвохи. Тем не менее, своекорыстная подлость Пеплошторма, продемонстрированная у всех на глазах, преступила границы дозволенного! Я намерен дать ему отпор».

«В принципе, я тоже терпеть не могу, когда людям делают гадости за спиной, — заявил Сантельмус, поднимая флягу с коньяком. — Почему бы нам не выпить еще капельку-другую, чтобы тем самым подчеркнуть наше согласие по этому вопросу?»

«Не откажусь».

Глава 3

За Готпангом широкий Виссель лениво петлял по Сарклентинской топи. По берегам к воде клонились пурпурные и сиреневые древовидные папоротники с гроздьями споровых стручков на концах длинных перистых листьев. Многочисленные каналы и соединенные протоками заводи терялись за сливающимися в сплошную череду островками зеленого и черного тростника; всюду порхали стайки черных дроздов, над самой поверхностью речной ряби носились с резкими выкриками лысухи и гагары.⁴ Ветер налетал порывами, но не ослабевал полностью — что вполне устраивало Зампа, так как здесь, среди болот, не было береговых троп для тяглового скота или бурлаков, а корабельный механик, Элиас Квэйнер, все еще не починил передачу между воротом и валом гребного винта.

«Миральдра» тихо плыла вверх по течению, почти не оставляя кильватерную струю, хотя движение тяжелого судна все равно взбаламучивало донный ил, и коричневатая речная вода слегка мутнела за кормой. Замп работал у себя в каюте, приспособливая старинную музыкальную комедию к талантам своей труппы. В сумерках судно пришвартовалось к полусгнившей пристани заброшенного селения. Три молодых акробата отправились изучать призрачно-бледные развалины хижин и потревожили болотного огря⁵ — тот гнался за ними, шелкая пастью, по всему причалу. Замп попробовал поймать это ценное животное грузовой сетью, но огрь испустил ужасную вонь, вырвался и скрылся в тростниках.

Ночь прошла спокойно под присмотром пылающих звезд; наступил прохладный, безмятежный рассвет, и Федра взошла на безоблачный небосклон.

⁴ На Большой Планете изначально не было никаких птиц. Всех птиц, в том числе домашних, привезли с Земли, так же как и многие растения. В большинстве своем птицы и растения, однако, быстро претерпели эволюционные изменения и породили новые успешные разновидности.

⁵ Огр — представитель туземной фауны Большой Планеты; встречается множество различных подвидов и пород этого хищника. Как правило, огрь достигает двух метров в высоту; у него две короткие ноги и длинная узкая голова из переплетенных жил хряща, с четырьмя рогами. Черный спинной щит огря спускается от затылка почти до самых ступней, а его брюхо защищено дюжиной плотно сложенных когтистых рук. Издали огря можно принять за гигантского прямоходящего жука.

Замп взобрался в «воронье гнездо», надеясь обнаружить признаки начинающегося ветра; но его взору открылись лишь бескрайние болота, поросшие тростниками, пестрящее пятнами гнилотной плесени ведьмино дерево неподалеку и безмятежно-зеркальная речная гладь.

Через час Элиас Квэйнер⁶ сообщил, что теперь можно было пользоваться воротом. Замп тут же приказал запрячь корабельных волов; пристегнутые к спицам вóрота, волы послушно побрели по кругу шестиметрового диаметра. Вода вскипела за гребным винтом; судно двинулось вперед. Еще через два часа проснулся южный ветер. Паруса туго надулись, подгоняя плавучий театр на север.

К реке подступила гряда низких холмов — в ее приютился городок Порт-Оптимо. По причинам, известным только им самим, обитатели этого прибрежного населенного пункта говорили на никому не понятном тайном языке и притворялись, что не понимают общеупотребительный диалект. Время от времени Замп давал представления в Порт-Оптимо, но здешние спектакли не приносили практически никакой прибыли, ибо каждый раз, когда владелец театра пытался торговаться с местными жителями по поводу стоимости товаров, которыми те платили за вход, они отказывались понимать его доводы. Сегодня дул свежий попутный ветер — Замп решил не останавливаться.

На следующий день судно миновало города Ветербург и Фвьиль, а ближе к вечеру пришвартовалось во Фьюдурте — в месте впадения Суаноля в Виссель. Как правило, Замп не плавал на север дальше Фьюдурта, первоначально основанного купцами в качестве перевалочного пункта для грузов и товаров, доставленных вниз по течению Суаноля с Бартельмийского нагорья; отсутствие в этом городе каких-либо загадочных предрассудков или капризных запретов было, само по себе, почти уникальной особенностью.

Здесь представление труппы Зампа принесло полный сбор — публика воодушевленно аплодировала новой музыкальной комедии.

Наутро судно Зампа снова направилось на север; весь день его окружала унылая равнина, плоская и почти безжизненная, если не считать редких кочек дрока и порослей голого гранатового кустарника. Вечером на фоне заката появилось синеvато-серое очертание Стеклодувного мыса — за ним к Висселю присоединялся другой большой приток, Лант. Кочевники сторонились этих мест, и Замп решил, что судно могло безопасно провести ночь, будучи привязано к толстому сучковатому стволу приливника, спустившего корни в реку с западного берега.

⁶ Квэйнеры — каста механиков, инженеров, архитекторов и строителей; их услуги пользуются спросом по всему Дашькенбергу.

На протяжении всего следующего дня ветры дразнили Зампа, налетая короткими порывами то с одной, то с другой стороны на лихорадочно хлопавшие и тут же бессильно опадавшие паруса. Замп уже приготовился провести еще одну ночь на реке, но ближе к вечеру стал крепчать свежий бриз. Замп приказал дозорному занять место на верхушке мачты, и огромный тупой нос плавучего театра снова принялся подминать под себя речную рябь, вздымая бледную пену.

С заходом солнца, однако, ветер снова ослабел, и теперь его едва хватало на то, чтобы противостоять течению — а до Стеклодунного мыса и Лантина оставалось еще больше десяти километров. Раздраженный капризами погоды, Замп распорядился пристегнуть волов к вороту. «Миральдра» снова двинулась вперед, расталкивая спокойно блестящую, как шелк, воду.

Замп держался ближе к западному берегу, чтобы судно не сносило направо течением Ланта. Темная масса Стеклодунного мыса нависла над головой, и на ее дальнем склоне появились мерцающие огни Лантина. Замп круто повернул налево, чтобы воспользоваться вихревым противотечением, вызванным впадением Ланта в Виссель; «Миральдра» тихонько проскользнула вдоль лантинского причала и пришвартовалась, почти уткнувшись носом в корму «Золотого фантазма».

В каюте Пеплошторма было темно; по сути дела, весь его театр спал — горели только клотиковый огонь на верхушке мачты и несколько полуприкрытых потайных фонарей на бортовых поручнях.

Как только швартовы бросили на причальные тумбы, Замп ушел к себе в каюту и нарядился в самый роскошный костюм: бледно-голубые бриджи с пуфами, подобранные складками на коленях, черный сюртук с наплечниками и белую рубашку с воротником и манжетами, прихваченными застегками из железной фольги. Он вынул из шкафчика прекрасную синюю шляпу, почистил ее щеткой и отложил в сторону. За пазуху капитан засунул чистый носовой платок и футлярчик с ароматическими шариками. Причесав светлые кудри, Замп отрезал несколько строптивых волосков, торчавших из козлиной бородки, нахлобучил шляпу на голову и промаршировал на берег.

Правила вежливости требовали, чтобы Замп нанес визит Гарту Пеплошторму на борту «Фантазма» — обязанность, от выполнения которой Замп охотно уклонился бы. Но зачем напрашиваться на презрительные насмешки соперника? Показное соблюдение приличий могло послужить подспудным и, в конечном счете, более удовлетворительным средством самоутверждения, нежели пренебрежение этикетом.

Замп взошел по трапу на борт «Золотого фантазма Фиронзелле» и, остановившись, посмотрел по сторонам. Вместо того, чтобы сторожить трап, вахтенный сидел у клетки для убийц и точил ляды с заключенным. Больше никого на палубе не было. Вахтенный не-

охотно поднялся на ноги и неторопливо направился к Зампу — удивленный таким отсутствием уважения и дисциплины, тот ожидал его, подняв брови. На борту «Очарования Миральдры» дела делались по-другому.

Матрос узнал Зампа и почтительно прикоснулся ко лбу кончиками пальцев: «Добрый вечер, сударь! Боюсь, что маэстро Пеплошторм развлекается на берегу. По сути дела, я был бы не прочь поменяться с ним местами».

Замп отреагировал на сообщение холодным кивком: «И где, потвоему, его можно было бы найти?»

«По поводу его местопребывания можно только строить догадки — более или менее обоснованные. Достопочтенные лантинские обыватели утоляют жажду в пяти тавернах, из коих самой высокой репутацией пользуется «Хмельной стеклодув». Логично было бы предположить, что маэстро Пеплошторма следует искать именно в этом заведении».

Замп снова огляделся: «Надо полагать, маэстро Пеплошторм дает ежедневные представления?»

«Так точно, сударь — причем я никогда еще не видел, чтобы он уделял столько внимания деталям. Спектакли заслужили положительные отзывы».

Из клетки послышался голос: «Эй, надзиратель! Который час?»

«Какое тебе дело? — отозвался вахтенный. — Тебе все равно некуда спешить». Ночной сторож подмигнул Зампу: «Кровожадная bestия, каких мало! Не желаете ли познакомиться? Маэстро Пеплошторм уплатил за него десять железных грошей. Религиозные предубеждения не позволили гражданам Лантина отрубить ему башку».

Замп подошел к клетке, заглянул в нее и увидел заросшее черной бородой лицо с парой блестящих глаз: «Впечатляющий субъект. В чем заключались его преступления?»

«Разбой, грабежи, всевозможные зверства и убийства. Тем не менее, в общем и в целом, парень что надо».

«В таком случае, где мое пиво?» — поинтересовался узник.

«Всею свое время!» — отрезал вахтенный.

Замп спросил: «Таким образом, маэстро Пеплошторм намерен поставить трагедию?»

«В ближайшее время у нас будут показывать «Эмфирио» — скорее всего, в связи с конкурсом. Заключение отказывается учить свою роль, упрямая скотина! Тем не менее, на его месте я тоже не проявлял бы особого интереса к выступлению на сцене».

«Надзиратель! — снова возмутился узник. — Мне пора промочить горло!»

«Подождешь. Ты запомнил реплики?»

«Запомнил, запомнил... — проворчал убийца. — И что теперь? Придется повторять вслух?»

«Таковы указания маэстро Пеплошторма».

Бородатый разбойник продекламировал — монотонно и презрительно: «Принц Орхельстайн, как подло ты меня предал! Имя твоё опозорено отныне и навеки! Никогда тебя не полюбит Руземунда, как бы ты ни украшал себя жемчугом и блестящим железом! Мой призрак, промозглый и ужасный, встанет между вами, как только ты попытаешься заключить её в объятия! Лишай же меня жизни, Орхельстайн... Что там дальше? Я забыл».

«Гм! — прокомментировал вахтенный. — Далеко не убедительный стиль исполнения. И все же, почему бы я отказал тебе в кружке пива?»

«Спокойной ночи вам обоим!» — сказал Аполлон Замп и спустился по трапу. Он прошёлся по набережной, где оранжевые факелы пылали перед ларьками, торговавшими жареной беложивицей, розовыми леденцами в кульках и шашлыками из опаленных на гриле мидий. Дальше вдоль причала темнели силуэты других плавающих театров; Замп не мог с уверенностью распознать их в темноте, но ему показалось, что ближе всех пришвартовалась «Хризанте», принадлежавшая Лемьюриэлю Боуку.

Поперечная вывеска над набережной оповещала о местонахождении таверны «Хмельной стеклодув» — сооружения из бурых стеклянных кирпичей и ссохшихся бревен. Замп зашел туда и оказался в просторном помещении, озаренном двадцатью стеклянными фонарями: красными, синими и зелеными. На скамьях за длинными столами и в разделенных перегородками альковов теснились горожане в халатах до колен и плоских широкополых шляпах, а также приезжие из состава команд и трупп плавающих театров. Теплый воздух дрожал от восклицаний, смеха, звона бокалов и подымающего пиликания, которое здесь называли музыкой. Яркий свет фонарей искрился, отражаясь от бесчисленных стеклянных безделушек и побрякушек. У керамической стенки с нишами, пышущими раскаленными углями, поджаривалась, медленно вращаясь на вертеле, половина говяжьей туши. Обнаженный до пояса повар, покрасневший и блестящий от пота, поливал мясо соусом из поддона, вырезая длинным ножом куски, заказанные посетителями. На возвышении в дальнем конце помещения сидел ансамбль — четыре кочевника в красных с коричневыми узорами шароварах, черных кожаных куртках и черных бархатных шапочках набекрень. Пользуясь концертиной, визгливым скриделем, глухо постукивающим двусторонним барабаном и гитарой, они заиграли быструю синкопированную мелодию, под которую матрос, изрядно нагруженный пивом, торжественно пытался станцевать джигу — без особого успеха.

Гарт Пеплошторм пристроился в одном из боковых альковов: статный темноволосый человек постарше Зампа, серьезный и блед-

ный, излучавший утонченную, элегантную самоуверенность. Рядом с ним сидела молодая женщина впечатляющей внешности. Длинный черный плащ создавал у нее за плечами драматическую диагональ; каскад блестящих волос — таких же светлых, как у Зампа — сдерживался мягким черным беретом и обрамлял ее лицо, бесхитростно заканчиваясь свободными локонами на уровне подбородка. «Очаровательная особа!» — подумал Замп, хотя ее надменно-аристократические манеры привлекали его не больше, чем томная изощренность Пеплошторма.

Поправив манжеты и одернув сюртук, чтобы подать себя в лучшем виде, Замп приблизился к алькову, снял шляпу, церемонно поклонился и, к своему удовлетворению, заметил, как недовольно поднялись темные брови Гарта Пеплошторма: «Добрый вечер, маэстро Пеплошторм!»

«Добрый вечер, маэстро Замп», — Пеплошторм не предпринял никаких попыток представить коллеге свою молодую спутницу; та покосилась на Зампа с высокомерным презрением, после чего устеремила взор на кочевников-музыкантов.

«Не ожидал встретить вас в Лантине, — продолжал Замп. — Насколько я помню, в Кoble мы обсуждали течь в шпунтовом поясе вашего судна, и уже на следующий день мне сообщили, что вы направились в Догадочные доки, чтобы произвести ремонт».

Гарт Пеплошторм с улыбкой покачал головой: «Кто-то позабылся за ваш счет, предоставив вам заведомо ложные сведения».

«Вполне возможно, — согласился Замп. — Я человек бесхитростный, и занял респектабельное положение исключительно благодаря стремлению к совершенству. Многие распространяли у меня за спиной бесстыдную клевету и плели трусливые интриги — но какие выгоды это им принесло? Никаких! Я игнорирую завистников. Пусть они смотрят мне вслед и скрипят зубами, мне все равно».

«Хорошо вас понимаю! — заявил Пеплошторм. — Вы целиком и полностью заслужили свою репутацию. Ваши дрессированные насекомые приводят в восторг несмышленных детей, и по всему Висселю нет уродов отвратительнее тех, что плавают под вашими парусами. Тем не менее — что привело вас так далеко на север? Общеизвестно, что вы боитесь высунуть нос за окраины Кобля».

Замп ответил равнодушным жестом: «Особой необходимости плыть в Лантин, разумеется, не было. Несколько месяцев тому назад я получил от короля Вальдемара приглашение выступить на фестивале в Морнуне и предложил ему провести ряд состязаний, чтобы выбрать труппу, готовую заменить моих актеров в том случае, если я буду слишком занят. Само собой, мое предложение было принято, и теперь я прибыл, чтобы присутствовать на конкурсе и рекомендовать представителям короля Вальдемара достоинства

спектаклей тех владельцев плавучих театров, которые этого заслуживают».

Гарт Пеплошторм возвел глаза к потолку и насмешливо покачал головой. Тем временем Замп привлек внимание официанта: «Принесите мне кружку доброго эля. Кроме того, подайте этой очаровательной даме и маэстро Пеплошторму все, что им потребуется».

Молодая женщина безразлично пожала плечами. Гарт Пеплошторм молча указал на опустевшую бутылку — официант поспешно удалился, чтобы принести эль и вино.

Замп сказал: «По пути я встретил маэстро Сантельмуса. Насколько мне известно, в Лантин спешат несколько плавучих театров, дающих представления на уровне «Двух Варминиев» и «Золотого фантазма». Будет забавно узнать, что о них подумает арбитр».

Легкая усмешка Гарта Пеплошторма стала напряженной: «Значит, вы не будете участвовать в конкурсе?»

Замп решительно отверг такую возможность: «Я знаменит, богат, молод и здоров — чего мне не хватает? Пусть другие гоняются за призрачными сокровищами и славой. Но послушайте, Гарт Пеплошторм, где ваши манеры? Почему вы не представите меня своей спутнице?»

Пеплошторма этот вопрос явно позабавил; бросив взгляд на соседку-красавицу, он ответил: «Потому что я с ней не знаком. В таверне не было свободных мест. Я спросил ее, не могу ли я присесть у нее за столом, и она великодушно разрешила мне к ней присоединиться».

Молодая женщина поднялась на ноги: «Теперь вы можете пользоваться всем столом по своему усмотрению». Холодно наклонив голову, она пересекла трактирный зал и вышла на набережную.

Замп проводил взглядом ее изящную фигуру: «Любопытное создание!»

«Любопытное? — Гарт Пеплошторм пожал плечами и поднял брови, словно недоумевая по поводу низменных стандартов Зампа. — Мне она показалась весьма привлекательной».

«В этом я полностью с вами согласен, — возразил Замп. — Но разве не странно встретить такую аристократку здесь, в Лантине? Надо полагать, она не дочь какого-нибудь стеклодува?»

«Я как раз намеревался навести справки по этому вопросу, когда вы прибыли, — укоризненно заметил Пеплошторм. — А теперь, если позволите, я вернусь к себе на корабль. Желаю вам всего наилучшего, Аполлон Замп!»

Два антрепренера обменялись вежливыми прощальными жестами, и Гарт Пеплошторм покинул таверну. Замп тут же подозвал

официанта: «Дама в черном плаще, сидевшая за этим столом — вы знаете, кто она?»

«Нет, сударь. Она снимает комнаты на «Дворе старейшин» и ежедневно ужинает у нас. Говорит со всеми свысока, как благородная наследница, и платит полновесным железом. Больше о ней ничего не известно».

«Короче говоря, таинственная незнакомка».

«Можно выразиться и так, сударь».

Замп посидел в таверне еще час, слушая степную музыку и наблюдая за тем, как приплясывают взбрыкивающие ногами стеклодувы.

Требовалось принять какое-то решение. Прибытие Зампа в Лантин продемонстрировало Пеплоштору тщетность его жалких попыток обмануть конкурента. Разумно ли сделать следующий шаг и попытаться счастья, чтобы получить приглашение в Морнун? Добиться успеха было бы приятно; проигрыш грозил жгучим разочарованием — несмотря на то, что Замп ни в коем случае не намеревался пускаться в долгое рискованное плавание вверх по течению, до самого Бездонного озера.

Аполлон Замп решил. Он примет участие в конкурсе, но спустя рукава, не слишком серьезно. Его основным соперником оставался, конечно же, Гарт Пеплошторм, в связи с чем напрашивались два возможных способа одержать победу. Замп мог использовать все свои способности и ресурсы с тем, чтобы поставить спектакль, очевидно превосходящий потуги противника — или же Замп мог сделать все возможное для того, чтобы обеспечить провал представления Гарта Пеплоштора. Оба варианта надлежало рассмотреть со всех точек зрения.

Замп поразмышлял еще пару минут, заплатил по счету и покинул таверну. Торговцы на набережной уже гасили факелы, грузили складные ларьки на тачки и увозили их. Река скрылась в тумане, налетевшем с севера и окружившем клубящимися ореолами огни на верхушках мачт пришвартованных судов. Завтра, несомненно, в Лантин должны были прибыть не только «Два Варминия», но, скорее всего, и другие плавучие театры, ни один из которых не вызывал у Зампа существенных опасений. «Золотой фантазм Фиронзелле», однако, нельзя было списывать со счетов. Гарту Пеплоштору, несмотря на его изнеженное изящество и подлое двоедушие, удавались замечательно успешные зрелища — закрывать глаза на этот нелегальный факт было бы непростительной ошибкой.

Глубоко задумавшись, Замп вернулся к своему плавучему театру, заметив по пути, что в каюте на корме «Золотого фантазма» горел огонь — там, конечно, сидел Гарт Пеплошторм, погруженный в свои собственные расчеты.

На следующий день, как и ожидал Аполлон Замп, прибыли театр «Два Варминия» Оссо Сантельмуса, а за ним, один за другим, «Привидение Психопомпоса» и «Повелитель Висселя». Сантельмус не преминул подняться на борт «Миральдры», чтобы пропустить стаканчик чего-нибудь покрепче и обменяться сплетнями с Зампом: «Явились почти все уважаемые театры — предстоит напряженное состязание».

«Разумеется! — откликнулся Замп. — Тем не менее, мне все еще не хватает некоторых сведений. Например, когда и где состоится конкурс? Как он будет проводиться? И кто нас рассудит?»

«Если бы вы получили первоначальное приглашение, вам не пришлось бы задавать эти вопросы, — заметил Сантельмус. — От нас просто-напросто ожидается, что мы будем давать представления здесь и сегодня, а о результатах нам сообщат впоследствии. Надо полагать, вы уже подготовили интересную новую программу?»

«На это у меня не было времени, — развел руками Замп. — Придется предложить вниманию королевского арбитра одну из готовых музыкальных комедий».

«На сцене «Двух Варминиев» тоже не ожидается никаких новинок, — сказал Сантельмус. — Я могу выиграть только в том случае, если остальные театры потонут в гавани, так что какой смысл стараться?»

Замп снова наполнил стопки коньяком: «Вы слишком пессимистично смотрите на вещи».

Сантельмус печально покачал головой: «Все мои триумфы в прошлом. Помню, какой успех имела моя «Ванна красоты»! Я нанял двух сестер. Когда я предлагал кому-нибудь из публики попробовать чудесное действие ванны, первой вызывалась сидевшая в зале уродливая сестра. Она поднималась на сцену и залезала в ванну, где уже пряталась, свернувшись калачиком, красивая сестра. Я наливал в ванну рюмку моей «Радужной эссенции», и на сцену восторженно выскакивала сестра-красавица. Этот трюк приносил существенный доход».

«Почему же вы перестали им пользоваться?»

«Обстоятельства изменились. Сестры считали, что их заработок недостаточен, и в один прекрасный день решили мне досадить и поменяться ролями. Публика смотрела во все глаза, и я никак не мог предотвратить скандал: красивая сестра залезла в ванну, а на сцену выскочила образина с изрытым оспинами лицом и носом до подбородка. С тех пор у меня пропало всякое желание заниматься такими фокусами».

«Мне приходилось подвергаться подобным унижениям, — сочувственно отозвался Замп. — В Лэнглине, на Суаноле, звук «р» считается оскорбительно неприличным. Как только я начал высту-

пать с приветственной речью, меня закидали камнями — местные жители тайком пронесли их в зал именно с этой целью».

«По меньшей мере, жизнь артиста нельзя назвать скучной, — Сантельмус поднялся на ноги. — Что ж, мне пора заняться своими делами».

Выйдя на палубу, два капитана-антрепренера не могли не обратить внимание на громкие декламации и звуки музыки, доносившиеся со стороны «Золотого фантазма». Сантельмус понимающе кивнул: «Гарт Пеплошторм репетирует вовсю — уж он-то позаботится о каждой мелочи. Но кто или что производит такой ужасный грохот?»

«Не имею представления, — пожал плечами Замп. — По-видимому, потребовался какой-то ремонт».

Как только Сантельмус спустился по трапу, Замп взобрался в «воронье гнездо», откуда он мог наблюдать за всем происходящим на палубах «Золотого фантазма». Судя по всему, у Пеплошторма, так же как у Зампа, возникли трудности, связанные с валом гребного винта. На квартердек подняли лебедками огромный агрегат из пропитанного смолой скиля, установив его на козлах так, чтобы его можно было очистить скребками и выправить. Не кто иной, как механик Зампа, Элиас Квэйнер, стоял неподалеку и обсуждал проблему со своим родичем, механиком «Золотого фантазма».

Замп спустился на палубу; когда Квэйнер вернулся, он вызвал механика в кормовую каюту: «Как обстоят дела с ведущим валом Пеплошторма?»

«Ничего страшного. Просто он немного покособился — достаточно нагреть вал горячим паром и зафиксировать его на некоторое время в выпрямленном положении».

«А гребной винт?»

«Винт отвезли в док для повторной чистовой обработки. Мастер Пеплошторм собирается в далекий путь на север и требует, чтобы все судовое оснащение было в наилучшем состоянии».

Замп вынул из шкафчика бутылку лучшего коньяка, щедро наполнил стакан и протянул его Квэйнеру: «Вы, конечно же, понимаете, зачем мы сюда прибыли?»

«Ходят слухи о предстоящем конкурсе в Морнуне».

«В данном случае слухи соответствуют действительности. Думаю, что нет необходимостишний раз напоминать о том, что финансовый успех «Миральдры» способствовал бы благосостоянию всех, кто работает у нас на борту».

Элиас Квэйнер — коротышка с серьезными голубыми глазами и красновато-коричневой шевелюрой, украшенной типичным для его сословия хохолком — осторожно ответил: «Надо надеяться, что так оно и будет — в общем и в целом».

Замп с не меньшей осторожностью развил свою мысль: «Для того, чтобы победить, мы должны стараться изо всех сил — или позаботиться о том, чтобы провалился Пеплошторм».

«Одно не мешает другому».

«Вы совершенно правы... Насколько я понимаю, приводной вал Пеплошторма — массивный компонент большого диаметра?»

«Точно шестнадцать дюймов в диаметре — так же, как у нас».

«То есть диаметр отверстия в ахтерштевне должен быть не меньше?»

«Должен быть почти таким же».

«И что делается для того, чтобы вода не проникала в это отверстие, когда вал удален?»

«С этой целью, как правило, устанавливается заглушка».

«Снаружи?»

«Да, это проще всего — и надежнее, чем изнутри».

«Как можно было бы вытолкнуть эту заглушку?»

Элиас Квэйнер поджал губы: «Несколькими способами. Например, резким сильным ударом».

«Насколько трудно нанести такой удар?»

«Совсем не трудно. Человеку, поставившему перед собой такую задачу, достаточно встать на руле и размахнуться кувалдой».

Замп поднял стакан: «За ваше здоровье и за здоровье Бонко — у него сильная правая рука! В свое время мы снова обсудим этот вопрос. Тем временем — никому ни слова! В частности, ничего не говорите вашему кузену на борту «Золотого фантазма!»

«Хорошо вас понимаю».

Кто-то постучал в дверь каюты. «Войдите!» — отозвался Замп.

Вошел стюард Чонт с ярко-желтым конвертом в руках: «Это только что передали с набережной — для вас».

Открыв конверт, Замп вынул из него лист желтой бумаги. На нем было написано следующее:

«Достопочтенному Аполлону Зампу

Я обращаюсь к вам от имени короля Сойванесса, Вальдемара. В связи с тем, что ваш пользующийся высокой репутацией плавучий театр, «Очарование Миральдры», находится в гавани, вас приглашают к участию в завтрашнем конкурсе.

Процедура такова: владелец каждого театра представит программу, которую он считает наилучшей. На каждом представлении будет анонимно присутствовать наблюдатель-арбитр; он выберет, по своему усмотрению, наиболее выдающийся спектакль. Программы будут следовать одна за другой, начиная с полудня. Первое представление состоится на борту «Двух Варминиев», на северном конце причала, после чего

спектакль начнется на следующем судне, и так далее, поочередно. Так как «Миральдра» пришвартовалась на южном конце причала, ваше представление состоится в последнюю очередь.

На следующее утро владелец театра, победившего в отборочном состязании, получит соответствующее извещение; кроме того, наименование театра-победителя будет вывешено на доске объявлений перед таверной «Хмельной стеклодув».

Рекомендуется завтра не взимать плату за вход; кроме того, чтобы всем было удобно присутствовать на любом из представлений, каждый следующий спектакль должен начинаться не раньше, чем по прошествии пятнадцати минут после окончания предыдущего.

Победитель завтрашнего конкурса может надеяться на получение щедрой награды в Морнуне! Пусть каждый постановщик сделает все от него зависящее, чтобы не ударить лицом в грязь!

Скреплено гербовой печатью династии Бохунов».

На желтом листе была выдавлена красная сургучная печать, изображавшая двух заключенных в кольцо грифонов, схвативших друг друга клювами за хвосты.

Замп передал письмо Элиасу Квэйнеру; тот прочел его дважды, тщательно запоминая каждое слово — такова была привычка всех Квэйнеров: «Значит, наша программа начнется по окончании спектакля Пеплошторма?»

«Насколько я понимаю, таковы инструкции. Наш ведущий вал надежно закреплен?»

«Исключительно надежно».

«Пеплошторм одарен чертовски плодотворным воображением. Не теряйте бдительность ни на минуту! Боюсь, придется приказать команде оставаться на борту на протяжении всего остающегося дня и всей ночи».

«Разумная предосторожность».

Состязание началось с попури Оссо Сантельмуса, мало чем отличавшегося от обычного ассортимента его номеров. Клоуны кривлялись и кувыркались под громкую музыку, прерывавшуюся ударами тарелок и удивленными возгласами тромбона; фокусник заставлял неодушевленные предметы отращивать крылья и летать над сценой; Сантельмус собственной персоной выступил с сатирическим монологом и устроил правдоподобную имитацию драки между двумя вульпами и гротокком.

Следующее представление, на сцене «Повелителя Висселя», оказалось несколько более претенциозным: вниманию публики предложили «Легенду Мальганаспского леса» в шестнадцать картинках. Владелец «Привидения Психопомпоса» поставил балет «Двенадцать девственниц и похотливый людоед Буффо». Пример-

но в четыре часа пополудни зрителей развлекал комический спектакль «Газильдо и его злосчастные гуттаперчевые идиоты» на сцене «Огнехрустальной призмы». Когда Федра уже опускалась к горизонту, озаряя корабли и набережную слепящим отражением в гладких водах Ланта, труппа «Шантриона» исполнила жутковатую бурлеску «Званный ужин огря».

Затем развеселившиеся не на шутку горожане Лантина, не привыкшие к такому изобилию бесплатных развлечений, поспешили занять все свободные места под шатром на корме «Золотого фантазма Фиронзелле», где дисциплинированный оркестр Гарта Пеплошторма, состоявший из восьми музыкантов, исполнял, в качестве увертюры, бравурную мазурку.

Гарт Пеплошторм вышел на сцену и стоял, улыбаясь, в круге света, образованном дюжиной софитов, в костюме из роскошного темно-синего бархата, в ярко-белой батистовой рубашке и в головном уборе сарклентинского мага. Он держался любезно и непринужденно. Разведя руки в стороны, Пеплошторм тем самым подал условный знак, и оркестранты сразу перестали играть — за спиной маэстро занавес слегка раздвинулся, позволяя «подглядеть» толику декораций: «Дорогие друзья, многоуважаемые граждане Лантина! Мне доставляет огромное удовольствие предложить выступление моей труппы вниманию опытной аудитории, известной своим умением отделять плевелы от зерна, если можно так выразиться. Обещая не оскорблять ваш интеллект и ваш безупречный вкус тривиальным фарсом, бессмысленными сальто-мортале или непристойным кривлянием. О нет! Для того, чтобы вы могли приятно провести вечер, мы исполним драму «Роркваль» в оригинальной версии без купюр, в том числе сцену ужасной смерти предателя, Ибэна Зирля».

Послышался глухой удар. Аполлон Замп, стоявший на носу «Миральдры», тревожно поморщился. Звук был несколько громче, чем он ожидал. Но Пеплошторм не прервал самозабвенную речь, и уже через несколько секунд боцман Бонко взобрался по лестнице из темной мутной воды и встал за форпиком, оставляя на палубе мокрый след. Боцман подал Зампу знак, подняв большой палец, после чего вытащил из воды трос с привязанной на конце драгоценной стальной кувалдой, каковую он тут же отнес в шкиперскую кладовую и запер на замок. Замп снова прислушался к замечаниям Пеплошторма:

«Все мы слышали об условиях этого единственного в своем роде соревнования. Искренне надеюсь, что наш трагический спектакль вызовет у благородного арбитра из Морнуа — личность которого нам неизвестна — те возвышенные чувства, какие мы всем сердцем постарались в него вложить, применяя все наши таланты и возможности. Итак — «Роркваль»!»

Занавес раздвинулся, открывая взорам публики один из самых великолепных ансамблей сценических декораций Гарта Пеплошторма.

«Мы находимся в храме Далари. Жрицы приветствуют принца Орхельстайна музыкой и песнопениями. Они появляются из теней за колоннами храма, исполняя ритмичный волнообразный священный танец...»

Бонко присоединился к Зампу на носу: «Как идут дела?»

«Корма оседает. Но Пеплошторм еще в ус не дует».

«Принц Орхельстайн еще не знает, — декламировал нараспев Гарт Пеплошторм, — что его избрали ритуальным супругом богини Софрэ...»

Замп комментировал: «Пеплошторм озадачен... Он уже подозревает неладное... Ага, наконец он понял, что судно тонет!»

«Золотой фантазм Фиронзелле» погружался в реку кормой вперед; толпа, недавно заполнившая зал, бросилась на берег, толкаясь и ругаясь. Пеплошторм носился по сцене, выкрикивая приказы.

Замп повернулся к боцману: «Выставь охрану у всех швартовых тумб. Отправь Сибальда наверх, чтобы он проверял оттяжки и ванты. Поручи одному из матросов стоять у рудерпоста и отпугивать шестом любых пловцов. Я хочу, чтобы патрулировались все люки, мостки и бортовые планшири. Объяви тревогу, будьте начеку!»

Бонко поспешил выполнить распоряжения капитана. На борту «Золотого фантазма» механик Финиан Квэйнер уже изготовил импровизированную заглушку из туго перевязанной ветоши, препятствовавшую свободному притоку воды. Судно скособочилось, квартердек уже почти омывался рекой. Гарт Пеплошторм то забежал к себе в каюту, то выбегал из нее, спасая сценарии, учетные книги, одежду и сувениры, а затем и свой переносной сейф. Зеваки, собравшиеся на берегу, несколько минут наблюдали за происходящим, после чего, убедившись в том, что судно все-таки не потонет, начали один за другим подниматься на борт «Очарования Мирабдры».

Замп подождал, пока не заполнились все свободные места, и только тогда вышел на сцену: «С огромным сожалением я наблюдаю за бедствием, постигшим судно моего коллеги, маэстро Гарта Пеплошторма. Эту катастрофу, конечно же, можно было предотвратить — мы обсуждали с ним недостатки конструкции «Золотого фантазма» еще в Кобле. Так или иначе, все мы уверены в том, что его плавучий театр скоро будет отремонтирован и сможет снова отправиться в плавание.

А теперь мы внесем наш собственный вклад в развлекательную программу этого достопамятного дня. Прежде всего — забавная фантазия «Волшебный сундук Ки-Чи-Ри!»»

Замп отступил и скрылся за кулисами; занавес распахнулся, открыв перед зрителями интерьер лаборатории чародея Фрулька. Появившись на сцене, Фрульк занялся экспериментами под капризный аккомпанемент писков и верещаний. Цель чародея состояла в том, чтобы превращать цветы в прекрасных дев, но его самые напряженные усилия оставались тщетными. Сперва ему удалось производить лишь внезапные вихри цветного дыма, затем — стайку разлетевшихся белых птиц и, напоследок, фейерверк крутящихся спиральями шутих. Наконец Фрульк обнаружил, в чем заключалась его ошибка, и даже сплясал от радости комический танец. Он расставил в ряд шесть небольших шкафов, и в каждый положил тот или иной цветок: элантис, чайную розу, веточку с цветками барбариса, пурпурный тангаланг, синюю ксифскую лилию и желтый нарцисс.

Соблюдая величайшую осторожность, Фрульк повторил магические манипуляции; оркестр исполнил последовательность взволнованно-напряженных аккордов. Фрульк выкрикнул заклинание, приводящее чары в действие, и открыл шкафы — на сцену выступили шесть прекрасных дев, и Фрульк закружился по сцене, исполняя торжествующую джигу и кувыркаясь от восторга; тем временем девы исполнили собственный балет, будучи изумлены подвижностью и грацией своих новых тел. Фрульк проникся любовью, пытаясь схватить и обнять то одну, то другую красавицу, но те, невинно встревоженные непонятым поведением чародея, ускользали из его старческих рук.

Все это время сварливая супруга Фрулька, Люфа, подсматривала из окна, расположенного высоко на стене, и корчила сумасбродные гримасы, выражавшие потрясение, отвращение, раздражение и мстительную решимость.

Фрульк носился по сцене, как одержимый; девушки уворачивались, пританцовывая, и в конце концов заскочили обратно в шкафы и захлопнули дверцы. Распахнув дверцы, Фрульк обнаружил в шкафах лишь те цветы, которые он туда положил изначально.

Погрузившись в раздумье, Фрульк принялся расхаживать по сцене, после чего снова приготовился колдовать. Люфа зашла в лабораторию и отправила Фрулька выполнять какое-то поручение. Как только чародей удалился, Люфа открыла шкафы, вынула цветы, яростно разорвала их на кусочки руками и зубами, после чего раздавила остатки каблуком. Затем карга вынула из корзины вредные и зловонные травы: «собачью отрыжку», крадучий ползунок, эрфиатус, битумак, зогму и падальный сорняк; разместив их в шкафах и сплясав нечто вроде злорадной лезгинки, она скрылась за кулисами.

Фрульк вернулся и, убедившись в отсутствии Люфы, повторил магические обряды и произнес заклинание. Подкравшись к шкафу на цыпочках, чародей приготовился схватить красавицу и протянул руку к дверце — в этот момент дверцы всех шести шкафов распах-

нулись, и на сцену выпрыгнули шесть уродов. Фрульк с отвращением отпрянул; оркестр заиграл маниакальный тустеп — уроды принялись гоняться за волшебником по лаборатории, круша колбы и склянки. Занавес упал.

Бонко явился к Зампу с отчетом: «Я выставил охрану. К тому времени швартовы уже пропитали кислотой и искромсали стеклянными ножами — если бы я не заметил, мы уже дрейфовали бы вниз по реке».

Замп хрюкнул от досады: «У мерзавца Пеплошторма нет ни капли совести! Теперь швартовы в порядке?»

«Мы заменили их новыми».

«Продолжайте сторожить судно, и ожидайте самого худшего — поджога, водолазов, обстрела!»

Занавес поднялся, открыв взорам публики одну из знаменитых «живых картин» Аполлона Зампа. Двадцать исполнителей в черных костюмах и масках стояли перед черным экраном с цветными мишенями в руках, формируя из них сложные геометрические орнаменты. Из оркестровой ямы доносились пощелкивание барабанов и приглушенное позвякивание витрофона; с каждым новым ритмическим акцентом мишени перемещались, образуя новый узор — уже через несколько секунд этот процесс начинал производить гипнотическое действие.

Бонко бегом вернулся за кулисы: «Пожар на форпике! Под охалку с сеном подложили завернутый в тряпье фосфорный запал!»

Замп выбежал на палубу — из шкиперской кладовой поднимались клубы дыма. Матросы выстроились цепочкой и передавали из рук в руки ведра с водой. Огонь удалось потушить. «Как раз вовремя! — сказал Зампу боцман. — Кто-то хотел устроить панику среди зрителей».

«У Пеплошторма душа бешеного пса! Он ни перед чем не остановится! Продолжайте следить за каждой пядью «Миральдры!»

Занавес опустился, началась краткая интерлюдия: на сцену выбежали жонглеры, бросавшие блестящие диски, летевшие над головами зрителей, описывая широкие круги и возвращаясь в руки жонглеров.

Бонко снова явился с отчетом: «В зрительном зале сидят два человека в просторных мантиях. По-моему, они что-то прячут».

«Проведите их на квартердек, обыщите и поступите с ними согласно результатам обыска».

Боцман вернулся уже через несколько минут: «Мерзавцы, как я и думал! У них под одеждой были клетки с кровососущими насекомыми, паразитами и шершнями — они собирались их выпустить в зале. Мы надавали им по шес и выбросили в реку».

«Превосходно! — похвалил Замп. — Так держать!»

Занавес снова раздвинулся — открылась перспектива поверхности экзотической планеты. Два человека спустились в макете космического челнока. Удивляясь окружающим дикивинам, они то и дело оказывались в смехотворном положении. В кронах деревьев сидели огромные насекомые, исполнявшие странную музыку на причудливых инструментах. Музыка стихла, как только появились почти обнаженные, почти человеческие существа, бегавшие на четвереньках. Резвясь и кувыркаясь, существа изучали астронавтов с дружелюбным любопытством. Насекомые-музыканты возобновили фантастический концерт; прыгающие на всех четырех конечностях туземцы принялись исполнять эксцентричный и довольно-таки неприличный танец, мало-помалу втянув в него астронавтов. Танец превратился в лихорадочную вакханалию.

Музыка неожиданно прекратилась. На сцене воцарилась напряженная тишина. Снова раздалась звуки музыки — на этот раз тяжеловесные, мрачные, зловещие. Появилась гигантская тварь — то ли животное, то ли сказочное чудище. Размахивая дюжиной усов-бичей, оно заставляло туземцев-полулюдей всячески унижаться. Астронавты с отвращением наблюдали за происходящим и в конце концов пристрелили монстра. Оркестр насекомых разразился режущими уши диссонансами; подсакивая высоко в воздух, взбешенные полулюди набросились на астронавтов и разорвали их в клочья. Насекомые заиграли угрожающе медленный вальс — пока туземцы водили странный возбужденный хоровод вокруг туши убитого чудища, занавес опустился.

На палубе, противоположной набережной, слышались глухой стук, несколько хриплых возгласов, громкий всплеск. Замп направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Боцман Бонко объяснил, чем было вызвано новое беспокойство: «Три человека в весельной лодке пытались закрепить взрывчатку на уровне ватерлинии. Я сбросил в их лодку тяжелый камень, и их отнесло течением».

«Пеплошторм не знает покоя, — сказал Замп. — Тщетные потуги! Наше представление подходит к концу. Но не расслабляйтесь — он обязательно устроит еще какой-нибудь подвох».

Замп занял позицию, с которой он мог хорошо рассмотреть зрителей. Среди них был посланник из Морнуна. Кто он? Невозможно было различить какие-либо необычные признаки. Арбитр умел сохранять инкогнито.

Занавес распахнулся в последний раз, чтобы освободить место для традиционного энергичного и воодушевляющего финала Аполлона Зампа. Оркестр играл бодрый полонез, все громче и в нарастающем темпе; актеры маршировали, акробаты ходили по сцене колесом и делали сальто-мортале, жонглеры перебрасывались огненными обручами, фокусники выпускали из рукавов шутихи.

Замп вышел на сцену и скромно поклонился на фоне падающего занавеса: «Мы надеемся, что наше представление доставило вам удовольствие. Наше знакомство, несомненно, возобновится, когда мы посетим Лантин в следующий раз. Команда и труппа «Очарования Миральдры» желает вам всего наилучшего и спокойной ночи!»

Глава 4

Всю ночь Зампу не давали спать шум помп и проклятия, доносившиеся с кормы «Золотого фантазма». Утром судно Пеплошторма все еще оседало на корму.

Замп позавтракал пораньше и поплотнее у себя в каюте, после чего надел, с привычным вниманием к деталям, темно-серые бриджи, зеленую куртку, украшенную перекрестными петлями алых шнуров, и зеленую кепку с красным околышем — и устроился ждать посыльного с извещением королевского арбитра.

Прошло полчаса. Замп прогулялся на носовую палубу, чтобы полюбоваться на то, как поднимали полузатонувший «Золотой фантазм». Воду откачивали через шланги, продетые через открытые бортовые иллюминаторы.

Когда Замп возвращался, ему встретился на палубе только что поднявшийся по трапу молодой человек в обычном наряде лантинского стеклодува. Замп остановился, и юноша подошел к нему: «Вы — Аполлон Замп, владелец плавучего театра?»

«Я претендую на такое звание».

«В таком случае я обязан передать вам, лично в руки, важное сообщение», — молодой человек протянул Зампу небольшой ларец, обтянутый черным плюшем, и тут же спустился на набережную.

Замп задумчиво поджал губы. Положив черный ларец на скамью, он стал рассматривать его с безопасного расстояния.

Бонко, проходивший мимо, с удивлением взглянул на капитана: «Что вас беспокоит?»

«Этот ларчик. В нем может быть что угодно».

Боцман сходил в кладовую и вернулся со струбцинами и мотком крепкой веревки. Закрепив нижнюю часть ларца струбциной на скамье, он зажал крышку ларца второй струбциной и привязал к ней конец веревки. Другой конец веревки он взял с собой и взобрался по вантам в «воронье гнездо».

Замп отошел в сторону и спрятался за углом палубной надстройки.

«Готов?» — позвал с мачты боцман.

«Готов!» — отозвался Замп.

Бонко потянул за веревку, но струбцина соскочила с крышки ларца — замысел не удался.

За спиной Зампа выросла фигура Гарта Пеплошторма; он незаметно поднялся на борт «Миральдры» и теперь наблюдал за происходящим, удивленно поднимая брови: «Никак не пойму — чем вы занимаетесь?»

Замп прокашлялся и слегка надвинул на лоб козырек кепки: «Мы пытаемся открыть черный ларец — вот он, на скамье».

Гарт Пеплошторм недоуменно нахмурился: «Так что же вам мешает это сделать?» Пеплошторм подошел к ларцу и открыл его: «Боюсь, вы преувеличивали сложность своей задачи».

Замп ничего не ответил. Нагнувшись над открытым ларцом, он вынул из него тонкую прямоугольную табличку из блестящего металла; четкими черными буквами на ней было вытравлено следующее сообщение:

«Да будет известно всем заинтересованным сторонам, что маэстро Аполлон Замп, вкупе с его плавучим театром «Очарование Миральдры» и персоналом, составляющим его судовую команду, оркестр и исполнительскую труппу, приглашен участвовать в Большом Фестивале, каковой состоится в Морнуне в этом году, начиная с тринадцатого дня после летнего солнцестояния. В связи с получением сего приглашения Аполлону Зампу, его судну и всем вышеупомянутым лицам гарантируется безопасное плавание через Мандаманские Ворота и по Бездонному озеру, безопасное пребывание в городе Морнуне на всем протяжении фестиваля, а также дальнейшее безопасное плавание на обратном пути.

Таков указ Вальдемара, короля Сойванесса, исполнение коего надлежит обеспечивать всеми средствами, находящимися в распоряжении его королевского величества.

«Ах да! — сказал Замп. — Я ожидал чего-то в этом роде». Он передал табличку Пеплошторму; тот безмятежно прочитал извещение.

«Примите мои поздравления!» — Пеплошторм взвесил табличку на ладони и бросил рассеянный взгляд на реку. Замп поспешно забрал серебряный прямоугольник. Глубоко вздохнув, владелец «Миральдры» ворчливо произнес: «Сегодня утром прекрасная погода. Не желаете ли выпить чашку чая?»

«С удовольствием!» — отозвался Пеплошторм. Два судовладельца прошли на корму и поднялись на четвертьдек. Замп подоdvинул пару плетеных кресел к массивному прокладочному столу. Антрепренеры уселись и с удовольствием вытянули усталые ноги; Чонт принес им чай и печенье.

«Вчера вечером мне не удалось полюбоваться на ваше представление, — сказал Пеплошторм. — У нас случилась авария, при-

чинившая существенные неудобства. Насколько мне известно, ваше попури вполне отвечало общепринятым стандартам: искусное сочетание пустой болтовни, наготы и вздора. В один прекрасный день, когда настойчивая стимуляция моего интеллекта истощится и настанет пора отдохнуть, я посвящу сезон-другой фарсам и фантасмагориям, хотя бы для разнообразия».

«Замечательно! — заявил Замп. — Постановка фантасмагорий и фарсов — нелегкое дело, так как оно требует особой яркости и тонкости воображения, которым невозможно научиться; такие способности могут быть только врожденными. Естественно, я помогу вам в той мере, в какой это в моих силах, но позвольте вас предупредить: я придиричив и настаиваю на строгой дисциплине».

«Посмотрим, посмотрим... — небрежно обронил Пеплошторм. — У меня будет время на составление планов, так как я намерен вернуться в Кобль и заняться капитальным ремонтом». Гарт Пеплошторм попробовал чай: «А у вас какие планы? До фестиваля в Морнуне осталось еще два месяца».

Замп презрительно постучал пальцем по серебряной табличке: «Забавный трофей, но я сомневаюсь в том, что ему следует придавать большое значение. Жаль, что я не могу передать это приглашение кому-нибудь, кто поистине стремится заполучить подобную безделицу».

На лице Пеплошторма изобразилось сочувственное сомнение: «Морнун — далеко в верховьях реки. Вряд ли разумные люди рискнут отправиться на чужбину только потому, что их поманили призрачным сокровищем».

Замп подал знак стюарду: «Чонт, принеси «Речной справочник»». Повернувшись к Пеплошторму, он сказал: «Любопытно! Посмотрим, какие именно опасности могут подстергать меня на пути в Морнун».

Чонт положил на стол тяжелый том в коричневом переплете, и Замп принялся перелистывать страницы из плотной веленовой бумаги:

«Морнун: богатый город на берегу Синтианского залива в северной оконечности Бездонного озера, основанный наемниками-«ястребами» с Великовоздушной равнины, простирающейся к северу от Драконовой дороги в западной части Центрального фестона XXII. Отправляться из Кобля в Морнун лучше всего в сезон летних муссонов, когда попутные ветры позволяют преодолевать течение Висселя. Напротив, возвращаться из Морнуна рекомендуется в безветренную осеннюю погоду или после того, как начнутся зимние пассаты. Плавание как из Кобля в Морнун, так и в обратном направлении занимает от восемнадцати до двадцати двух суток. По берегам Висселя встречаются более или менее значительные города и селения, такие, как Степной Простор, Айдентус, Порт-Венобль,

Гаркен, Скучный Порт, Апельсиновка, Кокэйн-Сити и Оксиринкус. Некоторые из населенных пунктов укреплены для защиты от набегов тинзит-алайских племен; другие отличаются открытой планировкой — в случае нападения кочевников их обитатели отплывают на лодках к середине реки или прячутся в болотах.

Важнейшими притоками Висселя являются Мёрн (впадает близ Париковска), Вержанс (впадает недалеко от Готпанга), Суаноль (впадает в окрестностях Фьюдурта), Лант (в месте впадения которого находится город Лантин), и Тробуа (в устье которого расположился Скучный Порт).

Время от времени на берегах появляются орды враждебно настроенных кочевников, в связи с чем необходимо принимать меры предосторожности. Причаливать к берегу на ночь в малонаселенной местности не рекомендуется.

Морнун как таковой достопримечателен изяществом архитектуры и благосостоянием правящей элиты, проследившей свое происхождение вплоть до Роруса Казкара, владельца легендарного «плаща-невидимки».

Замп просмотрел еще несколько столбцов текста: «Здесь довольно много всевозможных сведений. Надо полагать, однако, что вы подробно изучили собственный справочник».

Пеплошторм благосклонно кивнул: «Я рассматривал возможность такого плавания, без особого интереса».

Замп обратил взор на речную гладь Ланта и дальше — туда, где искристые излучины Висселя устремлялись далеко на север — так далеко, что, казалось, человеческий глаз не мог видеть на таком расстоянии — и еще дальше, разделяя бескрайние перспективы Большой Планеты серебристой ниточкой, растворявшейся в воздушной дымке.

«Ага! — прервал молчание Пеплошторм. — Я вижу, вы решили предпринять такое путешествие».

«Я никогда не видел северных земель, — задумчиво пробормотал Замп. — Там, далеко, меня ждут сокровища, если только я осмелюсь протянуть к ним руку».

Пеплошторм взглянул на реку без энтузиазма: «Что ж, мне пора возвращаться в Кобль. А вы останетесь в Лантине?»

«И чем, по-вашему, я буду платить команде и труппе, если торччу здесь еще целый месяц? Нет уж. Попытаю счастья выше по течению Ланта. Может быть, доплыву до Голодного Порта или даже до Отрожки или Трусоватой Роши».

«Голодный Порт — неприветливое место, — заметил Пеплошторм. — Вы обнаружите, что тамошняя публика ценит только трагедии; скоморошный вздор они презируют».

Замп сурово кивнул: «Примерно то же самое говорится в «Речном справочнике». Разумеется, я выберу подходящую пьесу — скажем, моего собственного «Эвульсифера» или «Сказание об утесе Заблудшей Невесты»».

Пеплошторм погладил подбородок: «Вам, случайно, не пригодится преступник? Могу предложить одного по сходной цене. Мрачноватый субъект, неохотно запоминающий реплики. По сути дела, я приберегал его для вчерашнего представления, но теперь он мне ни к чему».

«Не могли бы вы дать ему более подробную характеристику?»

«Я купил его здесь, в Лантине. Он слывет кровожадным убийцей — гнусный злодей, каких мало. Всего лишь сто грошей — и он ваш».

«Сто грошей? Дорогой мой Пеплошторм, я не могу себе позволить столь дорогостоящее приобретение! Тем более, что манекену можно отрубить голову бесплатно».

«Воля ваша. Подумайте, однако — у него выразительная зверская физиономия, хриплый разбойничий голос, угрожающие манеры. Сотня грошей — не такая уж высокая цена за сценическое правдоподобие».

Замп с улыбкой покачал головой: «Маэстро Пеплошторм, вы потерпели убытки, и я готов проявить к вам сочувствие. Тем не менее, капризное опустошение моего сейфа не входит в мои планы. Я могу избавить вас от необходимости кормить этого мерзавца, но ломаного гроша за него не выложу».

«Послушайте, Аполлон Замп! — возмутился Гарт Пеплошторм. — Мы оба прекрасно знаем, что подобные утверждения не обманут пятилетнего ребенка. Предложите приемлемую цену, или мы закончим этот разговор».

Замп пожал плечами: «Я никогда не умел торговаться. Могу заплатить десять грошей — это должно возместить ваши расходы на содержание заключенного».

«Я провожу четкую границу между личными и деловыми отношениями, — возразил Пеплошторм. — Несмотря на мое глубокое к вам уважение, я никак не могу согласиться на столь невыгодную сделку».

В конце концов антрепренеры сошлись на сумме, составлявшей двадцать два и две трети гроша. Пеплошторм взял деньги и удалился, после чего Замп поручил Бонко и четырем матросам навесить «Золотой фантазм», захватив с собой клетку покрепче. Через некоторое время преступника перенесли на палубу «Миральдры».

Заглянув в клетку, Замп нашел, что за прошедшие сутки узник не стал привлекательнее: «Я порицаю твои заслуживающие наказания преступления. Тем не менее, я способен проявить снисхождение — особенно в том случае, если ты согласишься выучить по-

следнее обращение Эвульсифера к народу и выступить с этим обращением на сцене в надлежащее время».

«Брось трепаться, — пробурчал заключенный. — В любом случае ты собрался меня прикончить. Делай, что хочешь, и проваливай к чертовой матери!»

«Ты заблуждаешься! — заявил Замп. — Смертный приговор вынесен судьями города Лантина, а не руководством этого плавающего театра. Вместо того, чтобы морить тебя голодом в грязной темнице, как это было бы сделано в Лантине, мы можем превратить твою казнь в возвышенную драму, причем в этой драме тебе будет поручена незаменимая роль! На твоём месте я проявил бы готовность к сотрудничеству».

«Охотно поменяюсь с тобой местами, — отозвался узник. — Тебя это не устраивает? Тогда мне все равно».

«Еще один вопрос, — вспомнил Замп. — В роли Эвульсифера выступает блондин выдающейся внешности — по сути дела, я сам обычно играю Эвульсифера, хотя в сцене казни меня заменяет дублер. Твоя внешность не соответствует описанию этого персонажа. Я хотел бы обрить тебе бороду, коротко подстричь волосы, надеть на тебя парик и нарядить тебя в красивый костюм. В противном случае тебя придется казнить в черном балахоне с капюшоном, закрывающим практически всю голову».

«Меня моя внешность не беспокоит, — заметил заключенный. — Если тебе так не терпится казнить расфуфыренного пижона, сам клади голову под топор, и все твои сценические требования будут удовлетворены».

«Ты неисправим! — с отвращением сказал Замп. — Не ожидай от меня никаких поблажек».

Узник схватился обеими руками за прутья решетки и с грохотом потряс клетку: «Ты тоже умрешь! Бойся смерти! В загробной жизни я жестоко расправлюсь со всеми врагами!»

«Подозреваю, что в будущем, каково бы оно ни было, наши пути вряд ли пересекутся», — надменно изрек Аполлон Замп и отошел от клетки. Некоторое время, однако, он размышлял над угрозами убийцы: «Может ли такое быть? Если может, какие странные события должны происходить в потустороннем мире! Хмм... Полезный материал для новой драматической постановки».

На носу Замп нашел боцмана Бонко: «Готовься к отплытию. Отправимся вверх по течению Ланта, и как можно скорее».

«Мне потребуется час, чтобы собрать матросов по тавернам», — возразил Бонко.

«Значит, отплывем в полдень».

Замп вернулся на квартердек и нашел в «Речном справочнике» раздел, посвященный Голодному Порту:

«Район Голодного Порта, первоначально заселенный белыми пенами, по сей день славится бесцеремонной грубостью обитателей. Тем не менее, голодопортанцы не отличаются скупостью и нередко приветствуют высококачественные постановки с энтузиазмом. Непосредственность их реакции, однако, не обязательно следует рассматривать как положительный фактор. Если исполнение покажется им неубедительным, посредственным или не заслуживающим внимания, голодопортанцы вполне способны буйно выражать свои чувства, а иногда доходят до того, что требуют возратить входную плату — каковое требование любой предусмотрительный владелец плавучего театра выполняет незамедлительно.

Голодным Портом правит военачальник, командующий местными жителями, когда они совершают набеги, и пользующийся среди них большим почетом. В настоящее время таким военачальником является Лоп Лоиква — человек, пользующийся существенным влиянием.

Ни в каких обстоятельствах не позволяйте себе насмешливые высказывания в адрес города как такового или городского военачальника. В любых ситуациях голодопортанцы — угрюмый народ, не одобряющий сатирические фарсы и пародии. С другой стороны, они, как правило, аплодируют исполнителям трагических пьес, таких, как «Ксерксонисты» или «Изверг из Мунта».

Обитатели Голодного Порта исключительно чувствительны к цветовой стимуляции. Женщинам настоятельно рекомендуется не носить желтые платья, так как желтый цвет действует на голодопортанцев, как сексуальный возбуждатель, а выбор желтой одежды рассматривается как приглашение к совокуплению. Сходным образом, мужчинам не следует надевать красную одежду — это может быть воспринято, как вызов. Черное носят неприкасаемые, это унижительный цвет...»

Приблизился стюард Чонт: «Вас желает видеть какая-то особа, капитан. Она ждет у трапа».

Замп поднялся на ноги и взглянул на главную палубу: «Даже так! Что ж, проводи ее ко мне на корму». Замп поправил куртку и сдвинул кепку на затылок, чтобы она выглядела самым бесшабашным образом. Подождав несколько секунд, он спустился на главную палубу и зашел к себе в каюту.

Посетительница стояла, положив руку на темно-коричневую поверхность стола. Замп остановился у входа, бросив на нее оценивающий взгляд; она тоже смерила его взглядом. Замп тут же снял кепку и с галантной беспечностью швырнул ее в дальний угол каюты. Молодая женщина наблюдала за ним без всякого выражения,

не проявляя ни любопытство, ни одобрение. На ней был костюм, подчеркивающий преимущества фигуры: мягкие серые брюки, черные полусапожки и расширяющийся снизу темно-синий плащ. Ее блестящие светлые волосы покрывал высокий черный берет с кисточкой, свисавшей мимо правого уха. Ни в ее наряде, ни в ее внешности в целом Замп не мог заметить ничего, что указывало бы на расовое, кастовое или географическое происхождение. Он сказал: «По-моему, мы уже встречались раньше, в таверне «Хмельной стеклодув»».

Посетительницу это замечание, казалось, привело в недоумение, и Замп невольно спросил себя: «Неужели она действительно меня не запомнила?»

«Вполне может быть, — ответила она. — Вы — Аполлон Замп, владелец театра?»

«Я претендую на это сомнительное звание, так точно».

«Я хотела бы войти в состав вашей труппы».

«Ага! Пожалуйста, садитесь. Не желаете ли выпить бокал вина?»

«Нет, благодарю вас». Молодая особа присела на стул, услужливо передвинутый Зампом: «Конечно же, вас интересуют мои сценические способности. У меня нет выдающихся способностей — с другой стороны, я не нуждаюсь в большом заработке».

«Понятно, — кивнул Замп. — Каково, фактически, ваше амбула? Что вы можете делать?»

«Ну, само собой, я могу выступать в тех или иных ролях. Кроме того, я неплохо играю на небольшой гитаре и могу давать сеансы одновременной игры в шахматы».

«Редкостные таланты, — согласился Замп. — А можете ли вы, например, исполнять подвижные танцы?»

«Этот навык я не приобрела», — с некоторым высокомерием откликнулась посетительница.

«Хмм! — задумался Замп. — Известна ли вам трагедия «Эвильсифер»?»

«Боюсь, что нет».

«Во втором акте обнаженный призрак принцессы Азоэ бродит по парапетах замка Дун. Вы вполне могли бы взять на себя эту роль».

«Надеюсь, нагота имитируется?»

«Эффект призрачности создается промежуточным занавесом из полупрозрачной ткани. Тем не менее, нагота лучше воспринимается публикой, если изображается натурально, а не имитируется. Таков, по меньшей мере, накопленный нами опыт».

Оконные створки каюты были открыты — посетительница смотрела на речную гладь. Замп рассматривал ее профиль и находил его исключительно изящным.

«Что ж, — пробормотала она, говоря скорее с собой, нежели с Зампом. — В конце концов, какая разница?»

Замп напомнил: «Вам известно мое имя, но вы до сих пор не сообразовали представить».

«Можете обращаться ко мне... — тут она запнулась и нахмурилась. — Трудно совмещать формальности с сиюминутными требованиями».

«Может быть, вы просто скажете, как вас зовут? Этого было бы вполне достаточно».

«Меня зовут Татвига Бержадре Илькин аль-Марильс-Зиппор кам-Затофой даль-Тоссфлёр кам-Йисандра даль-Аттиконитца аль-Бланш-Астер Виттендор».

«Впечатляющий титул! — заметил Замп. — Если не возражаете, я буду называть вас «мадемуазель Бланш-Астер». А откуда вы родом, если не секрет?»

«Я родилась в замке Затофой, в княжестве Вист».

Замп поджал губы: «Никогда не слышал ни о таком замке, ни о такой стране».

«Они далеко. Обстоятельства моей жизни не имеют значения, и я не хотела бы их обсуждать».

«Воля ваша, — пожал плечами Замп. — А теперь, если вы готовы присоединиться к труппе, возможно, вам придется взглянуть на вещи с новой точки зрения. Мы действуем сообща, как одна команда; у нас на борту нет места для любителей отпускать желчные или колкие замечания, для застенчивости, томности или чрезмерных вспышек темперамента. По мере того, как мы бросаем якорь то в одном городе, то в другом — причем каждый следующий порт не похож на предыдущий — мы делаем все возможное для того, чтобы никого ничем не оскорбить, в связи с чем в нашем ремесле осторожная предусмотрительность, благоразумие и сдержанность — незаменимые качества. Например, в Голодном Порту вы не сможете носить одежду желтого цвета, так как это рассматривалось бы как приглашение к изнасилованию».

Мадемуазель Бланш-Астер смерила антрепренера холодным взглядом: «Уверена, что настолько вульгарные эпизоды необычны».

Замп не сумел сдержать усмешку: «Боюсь, что это не совсем так. По сути дела, после того, как вы проведете месяц-другой на борту «Миральдры», слова «обычное» и «необычное» исчезнут из вашего лексикона».

Мадемуазель Бланш-Астер сидела, глядя в решетчатое окно капитанской каюты — казалось, она готова была встать и покинуть

корабль. Но она только вздохнула — к облегчению Зампа, в ней произошло какое-то внутреннее изменение.

«В том, что касается вознаграждения, — продолжал Замп, — поначалу я могу предложить вам заработок исполнительницы одной роли, который будет увеличиваться по мере демонстрации вами усвоения новых навыков. В нашем театре ценится разнообразие талантов — с моей точки зрения, оно стимулирует артистическое развитие каждого из нас».

Мадемуазель Бланш-Астер безразлично повела плечами: «Мне нужно будет где-то жить, и меня вполне устроит примерно такая же каюта, как эта, но с примыкающей ванной комнатой».

Аполлон Замп не поверил своим ушам: «Дорогая моя, никакой «примерно такой же» каюты не существует! Если, конечно, вы не желаете разделить капитанскую каюту со мной». Замп немедленно пожалел о своей неудачной попытке изобразить шутливую галантность и смущенно прибавил: «Что могло бы, впрочем — хм! — обидеть не столь удачливых участниц нашей труппы».

Мадемуазель Бланш-Астер проигнорировала предложение так, как если бы оно не было высказано. Ее голос стал настолько ледяным, что по каюте словно пробежал морозный ветерок: «По существу, мне требуется только возможность уединения. Я готова смириться с неудобствами, если нет другого выхода».

Замп погладил светлую козлиную бородку: «Учитывая ваше очевидно благородное происхождение, вы можете ужинать со мной, в этой каюте. На нижней палубе, под ахтерпиком, имеется просторная кладовая, удобно сообщающаяся с моей личной баней — ее можно использовать в качестве дополнительной каюты. Там не очень светло и бывает душновато, но на всем судне нет другого места, где я мог бы гарантировать упомянутую вами возможность уединения».

«Мне придется этим удовольствоваться. Я распоряжусь принести туда мои вещи».

«Мы отплываем в полдень — будьте добры, поторопитесь».

Замп проводил мадемуазель Бланш-Астер на палубу и смотрел ей вслед, пока она спускалась по трапу, с ощущением теплой слабости в коленях. «Чудо! Небывальщина! Диковина!» — думал он, удивленно покачивая головой. Он даже вытянул шею, чтобы проследить за передвижением по набережной ее гордой, но изящной фигуры. Существо, излучающее ум и прекрасное, как рассветная заря! Даже ее надменность завораживала воображение. Невозможно было отрицать, однако, что сложилась в высшей степени странная ситуация — только последний дурак не подозревал бы, что за появлением прекрасной незнакомки скрывалось что-то еще. Почему бы столь достопримечательная особа не желала вести богемную жизнь артистки плавучего театра? Тайна, которую Аполлон Замп намеревался раскрыть — наряду с другими секретами и загадками

своей новой спутницы. Мысль о предстоящем знакомстве волновала Зампа несказанно, будто он снова стал подростком, охваченным жгучим приступом обожания.

Антрепренер вызвал Чонта и дал ему указания, касавшиеся преобразования кладовой в каюту, после чего вернулся на квартердек и притворился, что изучает «Речной справочник»:

«Обитатели Отрожки, так же, как и других селений, рассредоточенных по обширной долине Ланта, вынуждены постоянно быть настороже в связи с грабительскими наклонностями голодопортанцев, что привело к формированию в них любопытного психического состояния, сочетающего нервозность и боязливость, а также подавленную враждебность, со свойственным большинству людей стремлением к самоутверждению и гордому обособлению. Поэтому жители Отрожки могут производить впечатление почти дезориентированных жертв противоречивых побуждений. Чиновник, только что любезно пресмыкавшийся перед посетителем, уже в следующий момент может рывкаться и скрежетать зубами, как бешеная собака. С другой стороны, шайка шныряющих по закоулкам юнцов, под прикрытием темноты кидающихся камнями в прохожего-чужеземца, может проявить чудеса самоотверженной доблести, спасая того же чужеземца, тонущего в реке...»

Участники трупы устало поднимались на палубу, вынимая деревянные колышки, воткнутые в отверстия напротив их имен на регистрационной доске, вывешенной напротив трапа. Два носильщика принесли в кладовую под ахтерпиком пожитки мадемуазель Бланш-Астер в трех саквояжах из лакированного раттана с железными застежками и петлями — драгоценный багаж! Замп прошел на нос «Миральдры», не желая попадаться на глаза, когда мадемуазель Бланш-Астер соблаговолит явиться собственной персоной. Пару дней он намеревался держаться на почтительном расстоянии и вести себя почти отстраненно. Такой подход должен был заинтриговать гордую блондинку и пробудить в ней хищные женские инстинкты. Она будет задавать себе вопрос: «Чего мне не хватает, и почему?» — и прибегать ко всевозможным пленительным уловкам... Гарт Пеплошторм, стоявший на соседней корме «Золотого фантазма», позвал Зампа и громко спросил: «Так что же, вы отчаливаете?»

«Конечно! А вы?»

«Увы, мне нужно заняться ремонтом — иначе я тоже отправился бы вверх по Ланту. Как далеко вы намерены плыть?»

«Еще не знаю».

«Что ж, желаю вам счастливого пути и частых аншлагов! Какую пьесу вы поставите в Голодном Порту?»

««Эвульсифера» — хотя придется репетировать, актеры успели подзабыть роли».

«Удачный выбор! Голодопортанцы — мрачная публика. Пока на сцене льются потоки крови, они не заметят никаких недостатков». Расплывшись в улыбке, показавшейся Зампу подозрительной, Гарт Пеплошторм махнул рукой и отвернулся.

На борт взошла мадемуазель Бланш-Астер. Задержавшись на несколько секунд, она обвела взором палубы и мачты, после чего направилась на корму, поднялась на квартердек и облокотилась на ютовый поручень, глядя на север — туда, где простирался полноводный Виссель.

Волов пристегнули к спицам вóрота. «Отдать швартовы!» — прокричал Аполлон Замп, и «Миральдра» потихоньку отплыла на середину Ланта. Замп приказал поднять паруса — судно начало подниматься вверх по течению. За спиной капитана послышался голос мадемуазель Бланш-Астер: «Маэстро Замп! Что происходит?»

Замп обернулся — на него смотрело недоумевающее, встревоженное лицо благородной блондинки. Она спрашивала: «Куда мы плывем? Виссель с другой стороны!»

«Именно так. Мы плывем по Ланту. Я собираюсь дать несколько представлений в городках выше по течению этой реки».

«Разве вы не намерены плыть на север, чтобы выступить на Большом Фестивале?»

«Я еще не принял окончательное решение. Принимая во внимание все обстоятельства, скорее всего, я откажусь от участия в фестивале. Путь слишком далек, и я сомневаюсь в целесообразности такого предприятия».

«Но вы же получили приглашение короля Вальдемара!»

«До начала фестиваля осталось еще два месяца — если мне все-таки захочется испытать терпение Фортуны, я успею приплыть в Морнун».

Мадемуазель Бланш-Астер взглянула на удаляющийся за кормой Лантин, задумчиво подошла к плетеному креслу и уселась.

Замп пододвинул другое кресло поближе к ней: «Сегодня вечером мы начнем репетировать «Эвульсифер». Я сам выступаю в этой трагедии — причем в роли главного героя».

«А я должна буду бродить голая по парapéтам?»

«Только если вас это устраивает».

Мадемуазель Бланш-Астер сухо кивнула: «Я готова подвергаться любым унижениям, хотя надеюсь, что вы постараетесь свести их к минимуму».

«Вы выражаетесь так, словно вас ожидает ужасная судьба! Я хотел бы, чтобы вы приятно провели время. Между прочим, я еще ни разу не видел, чтобы вы улыбнулись».

Мадемуазель Бланш-Астер спокойно посмотрела ему в глаза: «Почему бы вас это интересовало? Мы с вами совершенно не знакомы».

«Напротив, у меня есть все основания вами интересоваться! — заявил Замп; его политика напускной сдержанности и отстраненности уже провалилась. — Владелец, капитан и главный режиссер плавучего театра — очень занятый человек, нередко чувствующий себя одиноко. И вдруг появляется вы — воплощение ума и красоты. Конечно, меня беспокоит ваше явно безутешное состояние! Что в этом удивительного? Извольте заметить: речная рябь искрится отражениями солнечных лучей, попутный ветер надул белоснежные паруса, плывущие под безоблачным небом! Неужели вам не приятно здесь сидеть? Вам стоит только поднять палец: Чонт принесет чаю или пунш со льдом — сделает все, чего вы пожелаете».

Мадемуазель Бланш-Астер соблаговолила слегка улыбнуться: «К сожалению, Чонт не всесилен».

«Ваши потребности выходят за рамки возможностей стюарда? В чем они заключаются? Нет, не нужно ничего объяснять. Возможно, мне не следует приподнимать завесу вашей тайны». Замп замолчал и ждал, искоса поглядывая на собеседницу, но та ничего не ответила — ее взор задумчиво растворился где-то в речной глубине.

Некоторое время они сидели в молчании. Наконец Замп произнес: «Несколько слов о вашей роли. Она проста, но в то же время требует определенных усилий. Вам не придется ничего говорить, но изображение призрака должно быть убедительным. Зрители должны ощущать холодную дрожь неизвестности».

«Я видела, как привидения бродили по замку Затофой. Им нетрудно подражать».

«Позвольте спросить: почему, вместо того, чтобы жить в цитадели благородных предков, вы плывете теперь вверх по течению Ланта в компании актеров и матросов?»

«Все очень просто. Наш замок захватили враги. Моих родителей и братьев убили. Мне удалось бежать и спастись. Замка Затофой больше нет. Все, что могло гореть, сожгли, после чего не оставили камня на камне».

Замп сочувственно покачал головой: «Что ж, многим уготована худшая судьба, чем плавание на борту «Очарования Миральдры»».

«Несомненно».

Появился стюард Чонт: «Где подавать обед, капитан?»

«У меня в каюте. Высокородная мадемуазель Бланш-Астер окажет мне честь и отобедает вместе со мной».

За обедом высокородная мадемуазель Бланш-Астер вела себя столь же неприступно. Замп не преминул отметить, однако, что у нее был здоровый аппетит.

Весь вечер труппа репетировала «Эвульсифера», и Замп остался более или мене доволен результатами. Мадемуазель Бланш-Астер бродила по парапетам самым удовлетворительным образом. Бонко, в роли палача, отрубил манекену голову с завидным знанием дела.

Когда настало время ужинать, мадемуазель Бланш-Астер выглядела уже не столь отчужденно. Замп, однако, из всех сил старался не настаивать на дальнейшем сближении их отношений. Когда посуду убрали со стола, Замп налил две рюмки настойки амаранта и достал из шкафа небольшую гитару: «Если вы не возражаете, я хотел бы послушать, как вы играете».

Мадемуазель Бланш-Астер неохотно взяла гитару, пробежалась пальцами по струнам и положила инструмент на стол: «Она неправильно настроена».

«Объясните мне, как вы привыкли настраивать гитару».

Мадемуазель Бланш-Астер самостоятельно настроила инструмент по-другому, после чего исполнила простую медленную мелодию под аккомпанемент тихо звенящих аккордов: «У этой песни были какие-то слова, но я их забыла». Она положила гитару на стол и поднялась на ноги: «У меня нет настроения играть. Прошу меня извинить». С этими словами она вышла из каюты.

Замп последовал за ней на палубу. Солнце уже зашло за темную линию низких берегов Ланта; в воде отражалось сумрачное небо. Замп позвал боцмана и дал указания на ночь: «Дует свежий попутный ветер — мы будем плыть под парусами до полной темноты и встанем на якорь посреди реки. Здесь много кочевников, разбойники могут подплыть на лодках — растяните вдоль бортов предохранительные сети и выставьте четырех дозорных».

Захватив с собой гитару, Замп поднялся на квартердек и полчаса сидел, лениво перебирая аккорды, но мадемуазель Бланш-Астер, постояв немного на носу, вернулась на корму и спустилась в свою каюту.

Глава 5

Утром второго дня после отплытия из Лантина на северном берегу показался Голодный Порт — тесное скопление двух- и трехэтажных зданий из бревен и оштукатуренного камня, с крышами, состыкованными и наклоненными под всевозможными углами. Замп разукрасил «Миральдру» в самом праздничном стиле: над планширями средней надстройки возвышались щиты из плетеной лозы и фанеры, имитировавшие стены внушительного замка, на мачты подняли плещущие на ветру флаги и полотнища, белые и зеленые — тех цветов, которые воспринимались голодопортанцами как наименее оскорбительные.

«Миральдра» приблизилась к причалу Голодного Порта настолько демонстративно, насколько это было возможно: флаги развевались, акробаты ходили колесом палубе под музыку бляющих ревгорнов, барабанов и скриделей. Группа канатоходцев маршировала то в одну, то в другую сторону по соединяющей мачты оттяжке, с рекламными плакатами и эмблемами Голодного Порта в руках. Девушки из труппы выстроились вдоль парапетов деревянного замка в длинных бледно-голубых платьях, символизовавших скромность и целомудрие.

На набережную вышли десятка два горожан в бесформенных балахонах из бурого сушеного дрока; они стояли небольшими молчаливыми группами. Замп настойчиво жестикулировал, призывая труппу удвоить усилия.

Плавучий театр едва заметно скользил вдоль пристани; швартовы набросили на тумбы, судно подтянули к причалу, швартовы туго натянули. Тем временем труппа прилагала все возможные старания. Высоко взлетая в воздух, акробаты делали двойные и тройные сальто-мортале, вперед головой и обратно. Канатоходцы притворялись, что оступаются и падают с оттяжки, но каждый раз удерживались в последний момент. Девушки, сбросившие длинные платья и оставшиеся в полупрозрачных коротких туниках из светло-голубого газа, сочетавших максимальное возбуждение инстинктов с минимальной провокационностью, пролетали манящими грациозными привидениями за верхними окнами стен фальшивого замка.

Толпа местных жителей, собравшаяся на набережной, становилась многочисленнее; все они, однако, стояли ссутулившись, в уг-

рюмом, даже зловещем молчании. Зампа это не обескураживало; каждое селение по берегам Висселя и его притоков отличалось собственным характером, а Голодный Порт был знаменит настоящим отношением к чужестранцам.

Трап опустили — Замп вышел на верхнюю площадку. Обернувшись через плечо, он весело махнул рукой и поболтал пальцами в воздухе. Лихорадочное представление на борту тотчас же закончилось, и все исполнители с облегчением вернулись на главную палубу.

Замп помолчал несколько секунд, чтобы сосредоточить внимание местной публики. На нем был один из его самых хитроумных костюмов: широкополая коричневая шляпа с высоким оранжевым плюмажем, камзол в оранжевую и черную полоску, стянутый ремнем над просторными коричневыми бриджами, щегольские высокие сапоги с аккуратно выверенными блестящими складками. Лица, обращенные к нему с набережной, не были ни враждебны, ни дружелюбны; казалось, голодопортанцы не испытывали даже никакого особого любопытства — в толпе преобладало замкнутое уныние подавленности. «Не слишком привлекательный народец!» — подумал Замп. И у мужчин, и у женщин были бледные широкие лица, прямые черные волосы, густые черные брови и грузное, плотное телосложение. Тем не менее, при всей кажущейся монотонности одежды и внешности, в толпящихся на набережной фигурах безошибочно угадывался дух упрямой индивидуальности и самостоятельности — возможно, именно потому, что попытки актеров плавучего театра развлечь обывателей противоречили врожденной склонности последних к задумчивой меланхолии. Замп, однако, был твердо намерен рассеять эту меланхолию.

Приветственно поднимая руки, он провозгласил: «Дорогие друзья, граждане Голодного Порта! Я — Аполлон Замп, а это — мой волшебный плавучий театр, «Очарование Миральдры». Мы приплыли вверх по течению Ланта, чтобы предложить вашему вниманию один из наших непревзойденных спектаклей.

Сегодня вечером у вас будет возможность присутствовать на представлении, подобного которому никто никогда не видел на всем протяжении многовековой и славной истории Голодного Порта!

Граждане! Мы подготовили программу, состоящую не из одной или двух, а из трех частей, каждая из которых способна удовлетворить зрителей с самым утонченным и притязательным вкусом. Прежде всего вы увидите «Авиаторов» — они так себя называют потому, что буквально летают по воздуху. Сила притяжения для них ничего не значит, как для вольных птиц — они взлетают на головокружительную высоту и ныряют вниз, они кувываются в воздухе и с бесстрашным изяществом проделывают невероятные опасные трюки. Во-вторых, мы намерены развлечь вас небольшой забавной интерлюдией — ни в коем случае не выходящей за рамки

благопристойности и вполне безобидной — под наименованием «Обычай любовников за тридевять земель и в незапамятные времена». Предвижу, дамы и господа, что вас поразят эти абсолютно достоверные живые иллюстрации — но, конечно же, все делается с соблюдением местных условностей; девушки носят светло-зеленые и голубые платья, и происходящее на сцене ограничивается пикантной шутивостью. Если кто-либо сочтет такой эпизод оскорбительным или содержащим непозволительные намеки, пожалуйста, обращайтесь непосредственно ко мне, и мы заменим эту интерлюдия другим, не менее забавным фарсом. Наконец, кульминацией вечернего представления станет знаменитая трагедия, полная ненависти, страсти и скорби — «Эвульсифер»! Вы испытаете задевающий за живое реализм: вашим взорам откроются измена королю, дворцовая оргия и казнь предателя, воспроизведенная натурально и во всех деталях — поучительная драма, достойная остаться в памяти разборчивой публики Голодного Порта!

Потребуем ли мы чрезмерную, разорительную плату за наше великолепное представление? Ни в коем случае! Каждый сможет испытать неповторимые, волнующие переживания, заплатив всего лишь один грош. А посему — приходите все! Пусть через час все население славного Голодного Порта соберется на набережной! Настало время вернуться домой, передать потрясающую новость друзьям и соседям — и подняться всей семьей на палубу нашего чудесного плавучего театра!»

Замп подал знак рукой; оркестранты исполнили фанфарный клич: «Через час этот трап позволит вам проникнуть в мир прекрасного и удивительного, озаренный разноцветными софитами! Благодарю вас за внимание, дорогие друзья!» Замп отвесил глубокий поклон, обнажив голову и размашисто проведя по палубе ярким плюмажем шляпы. Тихо переговариваясь, голодопортанцы постепенно разошлись.

«Странный народ! — повернувшись к боцману, заметил Замп. — Возникает впечатление, что они апатичны и флегматичны до полусмерти и едва заставили себя притащиться на набережную перед тем, как убраться в уже приготовленные гробы».

«А что говорится в толстом справочнике?» — поинтересовался Бонко.

«Что голодопортанцы — вспыльчивое племя, яростно реагирующее на любое оскорбление. Может быть, с тех пор, как их видел составитель справочника, их обратили в новую веру, требующую самоотречения и терпимости?»

«Вот идет какой-то старик. Почему бы не спросить его — что тут происходит?»

Замп внимательно рассмотрел человека, приближавшегося по набережной: «Честно говоря, здесь я боюсь задавать вопросы —

того и гляди, кто-нибудь разозлится и начнется погром. Тем не менее, этот субъект выглядит достаточно незлобиво».

Замп спустился на причал и подождал, пока старик не приблизился, ковыляя мимо: «Добрый день, уважаемый старожил! Как нынче обстоят дела в Голодном Порту?»

«Как обычно, — отозвался старик. — Убийства, грабежи, позорные поражения и сплошное мошенничество. Почему вас так интересует трагическая судьба нашего города?»

«Только потому, что мои спектакли могли бы способствовать утешению вашей скорби», — тут же нашелся Замп. Судя по всему, здесь даже с дряхлыми старцами следовало соблюдать исключительную осторожность: «Наша трагическая постановка, «Эвульсифер», вполне могла бы разрядить эмоциональное напряжение горожан».

«Легко сказать! Лоп Лоиква погиб, пал жертвой предательства, и с ним погибла часть нашей души. Где мы найдем ему достойную замену — ему, заслужившему прозвище «Бича долины Ланта»? Прибытие вашего судна вполне может быть предзнаменованием».

«Так оно и есть! — добродушно воскликнул Замп. — Наше прибытие — предзнаменование отдыха и развлечений, больше ничего!»

«Надеюсь, вы не намерены нас учить тому, как следует толковать предзнаменования?»

«Ни в коем случае! Я всего лишь хотел предположить...»

«Ваши предположения не имеют отношения к делу; вы ничего не знаете о нас и о наших обычаях».

«Полностью с вами согласен. Мое намерение заключалось только в том, чтобы произвести на вас хорошее впечатление».

Старик повернулся на каблуках и заковылял прочь, но, сделав несколько шагов, обернулся и произнес через плечо: «Могу сказать только одно: человек, не столь одержимый скорбью, как я, хорошенько проучил бы вас за неуместные возражения!» Долгожитель пошел по своим делам. Замп задумчиво поднялся по трапу. Приказав собрать трупну, он выступил с объявлением:

«Несколько слов по поводу нашего сегодняшнего представления и общей манеры нашего поведения. Горожан Голодного Порта никак нельзя назвать покладистыми или гостеприимными. Воздерживайтесь от панибратства; отвечайте на любые вопросы «да» или «нет», сопровождая ответы вежливыми обращениями «сударь» или «сударыня»; не выражайте свои мнения! В женской одежде не должно быть ни малейшего намека на желтый цвет, а мужчинам надлежит устранить все признаки красного. Черный — цвет позора и унижения; не предлагайте голодопортанцам ничего черного! Не смотрите на зрителей пристально, чтобы они не вообразили, что вы обнаружили в них какой-то изъян. Сохраняйте на лицах приятное,

доброжелательное выражение, но не улыбайтесь так, чтобы улыбку можно было принять за презрительную усмешку. Мы отчалим сразу после окончания спектакля; я отчалил бы уже сейчас, если бы не опасался мести здешнего населения. А теперь — надевайте костюмы и не оплошайте на сцене!»

Замп направился на корму, в свою каюту, и освежился бокалом прохладного вина. На квартердеке стояла мадемуазель Бланш-Астер. Осушив бокал, Замп присоединился к ней: «Надеюсь, вы слышали мои замечания? Даже в качестве обнаженного призрака вам следует проявлять такт».

Мадемуазель Бланш-Астер, по-видимому, находила ситуацию в равной мере неприятной и забавной: «Достаточно было уже того, что я вынуждена раздеваться на глазах у этой деревенщины. А теперь я еще должна, вдобавок, не задевать чувствительные струны их возвышенных натур?»

«По возможности, именно так! Ходите медленно, с рассеянным видом — но не следует переигрывать эту роль. Вам пора переодеваться».

«Всему свое время. Еще даже не вечереет».

Замп пошел посоветоваться с боцманом: «Само собой, все наши аварийные системы должны быть в полной готовности».

«Так точно, капитан! Матросы стоят наготове у помп, мы запрягли волов, я выставил людей у каждого подпалубного домкрата».

«Очень хорошо! Не теряйте бдительность!»

Прошло полчаса. Несмотря на обуревавшие их горькие размышления и переживания, горожане Голодного Порта постепенно собирались на причале и, после того, как Замп открыл окошко кассы, без возражений вносили довольно-таки существенную плату за вход, после чего чинно расселись на скамьях зрительного зала.

Замп произнес максимально лаконичную вступительную речь, и вечернее представление началось. Замп остался доволен выступлением жонглеров и акробатов — никогда еще они не двигались так безошибочно. Публика, хотя и продолжавшая предаваться унынию, реагировала на особо дерзкие трюки изумленным бормотанием. В общем и в целом, Зампа устраивало такое положение дел.

Вторая часть представления также началась без сучка без задоринки. Уступая предрассудкам голодопортанцев, Замп сократил некоторые сцены и внес изменения в другие, в связи с чем попури по существу превратилось в ряд инсценировок любезных знакомств персонажей в причудливых нарядах, сопровождавшихся теми красочными эффектами, какие успел предусмотреть Замп. Зрителей этот водевиль в какой-то степени развлекал, хотя пристальный интерес у них вызвали именно те эпизоды умеренно эротического характера, которые Замп не подверг безжалостной цензуре.

Тем не менее, никто не жаловался и не проявлял признаки недовольства — и снова Замп не нашел никаких оснований опасаться за успех спектакля.

Пролог к «Эвильсиферу» Замп декламировал, запахнувшись в длинный синий плащ, скрывавший костюм главного героя. Оркестр исполнил увертюру, содержащую основные лейтмотивы музыкального сопровождения драмы, и Замп, теперь чувствующий себя несколько увереннее, приготовился к первому акту, уже почти не сомневаясь в успехе. Художник и костюмер Суинс превзошел себя. Великолепный зал Асмелондского дворца пестрел алыми, лиловыми и зелеными гобеленами, наряды короля Сандовалья и его придворных выглядели почти чрезмерно роскошными.

Поначалу придворные интриги казались несущественными, но мало-помалу сформировали основу сюжета — в конечном счете короля Сандовалья и принца Эвильсифера увлек водоворот эмоций, сопротивляться которому они уже не могли.

Замп инсценировал дворцовую оргию с несколько бóльшим размахом, нежели планировалось первоначально, но публика реагировала на происходящее с единодушным одобрением и зашипела от ужаса, когда мятежник Трантино поднялся во весь рост из-за трона, чтобы всадить кинжал в сердце короля Сандовалья.

Во втором акте события развивались на равнине Гошен, перед замком Гейд, где скрывался принц Эвильсифер, обвиненный в сговоре с убийцей своего отца.

Под стенами замка за одной захватывающей сценой вихрем следовала другая. Эвильсифер дрался на трех дуэлях со все более яростными противниками, после чего явился при лунном свете⁷ на свидание со своей возлюбленной Лелани. Принц исполнил тоскливую песню, медленно аккомпанируя себе на гитаре; Лелани поклялась ему в верности столь же нерушимой, как верность легендарной принцессы Азоэ ее любовнику Уайлесу. И тут Лелани в ужасе отшатнулась, указывая дрожащей рукой на парапеты замка: «Вот он, призрак Азоэ! Зловещее знамение!»

Замп тоже отступил на пару шагов, чтобы взглянуть на парапеты — и оценить качество исполнения призрака мадемуазелью Бланш-Астер. Незаметно опущенная в полумраке полупрозрачная ткань затуманивала привидение, но Замп находился гораздо ближе к призраку, чем зрители, хотя вынужден был смотреть снизу; так или иначе, он не смог найти в фигуре и движениях девушки никаких недостатков.

⁷ У Большой Планеты нет луны; тем не менее, концепция лунного света, со всеми сопровождающими его романтическими ассоциациями, сохранилась в преданиях и глубоко запала в душу обитателей планеты.

Призрак исчез; задумчивый Замп почти автоматически произнес последние реплики второго акта, завершившегося арестом Эвульсифера — Лелани так-таки предала пылкого принца.

В начале третьего акта Эвульсифер, закованный в цепи, стоял лицом к лицу со своими обвинителями. Принц поносил их и бросал им дерзкие вызовы — но тщетно. Его приговорили к смерти, приковали к столбу и оставили в одиночестве. Эвульсифер произнес трагический монолог, после чего на сцене появилась Лелани, и состоялся обмен репликами, которым можно было придавать тот или иной смысл, в зависимости от наклонностей актеров и публики. Пришла ли она для того, чтобы насмеяться над принцем и усугубить его отчаяние? Или ее раздирали противоречивые порывы любви и чувства вины, жестокости и раскаяния? Может быть, она решилась на предательство в приступе безумия? В конце концов Лелани приблизилась к Эвульсиферу и нежно поцеловала его в лоб, после чего отшатнулась, плюнула ему в лицо и убежала со сцены, заливаясь почти истерическим смехом.

Эвульсифер должен был умереть с восходом солнца. Небо уже розовело — начинался рассвет. Принц обреченно декламировал последние фразы, глядя на эшафот, где Бонко, в костюме и маске палача, приготовил топор и установил деревянную колодку с вырезом для шеи.

Заря вспыхнула над горизонтом; Эвульсифера отвязали. Накинув на Зампа черный балахон с закрывающим голову черным капюшоном, его отвели за кулисы, где ожидал своей участи извлеченный из клетки заключенный в таком же балахоне с капюшоном.

«Почему со мной так грубо обращаются? — возмущался преступник. — Повремените! Я поцарапал руку, теперь у меня заноза — принесите пластырь!»

«Пустяки, пустяки, — приговаривал Бонко. — Будь так добр, следуй за мной».

Убийца упирался, пинался и отмахивался локтями; ему заткнули рот вставленным между зубами и туго скрученным матерчатым жгутом. Осужденного затащили на эшафот, где он драматически извивался, вырывался и мычал самым удовлетворительным образом. Для того, чтобы повалить его, вставить его шею в углубление колодки и сорвать с него капюшон, потребовались усилия четырех человек.

Палач замахнулся топором — первые лучи солнца озарили сцену. «Руби!» — воскликнул предатель Торафин. Палач опустил топор; лохматая голова отделилась от тела, упала на эшафот, подскочила, прокатилась по сцене и остановилась торчком на шее, уставившись выпученными глазами в зал. «Неопрятно получилось!» — подумал Замп; правдоподобность казни оказалась чрезмерной. Тем не менее, публика была потрясена — по сути дела, парализо-

вана. Голодопортанцы сидели, неподвижно выпучив глаза наподобие мертвой головы. «Странно!» — пробормотал Замп.

Кто-то из зрителей то ли выдохнул, то ли простонал удивленным полупшепотом два слова: «Лоп Лоиква...»

Другой прошипел сквозь зубы: «Убит — в черном!»

В уме Зампа прозвучало, словно четко произнесенное назидательным тоном, имя одного человека: «Гарт Пеплоштурм».

На самобичевание не было времени. Замп сбросил балахон с капюшоном и прокричал, обращаясь к боцману: «Готовьтесь рубить швартовы! Погоняйте волов! Поднимайте паруса! Я обращаюсь к публике». Бонко вперевалку побежал выполнять три приказа одновременно; Замп вышел на сцену.

«Дамы и господа — доблестные голодопортанцы! На этом закончилось наше вечернее представление. Пожалуйста, спускайтесь на причал, соблюдая порядок и сохраняя спокойствие. Завтра мы предложим забавную и воодушевляющую программу невероятных акробатических трюков и фокусов...» Замп низко присел, наклонив голову набок — над самым его ухом пролетел топор. Зрители вскочили на ноги. Каждое искаженное яростью лицо было обращено к Зампу; мужчины и женщины карабкались друг на друга — неуклюже, впопыхах — лишь бы добраться до Зампа и наложить на него руки.

Замп мгновенно скрылся за кулисами, выбежал на корму и дернул шнур аварийного гонга. Труппа и команда, десятки раз тренировавшиеся на случай именно такой ситуации, отреагировали безотказно. Матросы обрубили швартовы — судно начало отплывать от причала. Защелки поручней тут же отстегнули — поручни откинулись и повисли на петлях за бортом. Под палубой акробаты, фокусники и стюарды принялись вращать огромные винтовые домкраты, поднимавшие разделенные продольно половины палубы так, чтобы они круто наклонились к воде. Волы вращали ворот, приводивший в действие помпы; мощные струи воды смывали голодопортанцев по наклонным секциям палубы в темную реку.

Несколько зрителей, однако, успели взобраться на бак. Некоторые схватили матросов, державших наконецники шлангов, и отшвырнули их в сторону. Другие пробежали вперед, повалили огромный носовой фонарь и принялись бросать факелы вверх, чтобы поджечь паруса. Обнаружив на форпике бочки со смолой, голодопортанцы стали поливать смолой палубу. Пламя высоко взметнулось в ночное небо. Нагнувшись к провалу трюма, Замп орал: «Крутите домкраты обратно! Опустите палубу!» Но труппа, испуганная огнем, выбралась из трюма и присоединилась к Зампу на квартердеке.

Вся носовая часть судна пылала. Голодопортанцы бегали и прыгали с торжествующими воплями, как сумасшедшие, среди языков огня.

«Вниз по реке! — ревел Замп. — Отплывем как можно дальше! Матросы — к помпам! Возьмите шланги!»

Но никто не решался спуститься в открытый трюм, под горящие снасти.

«Вниз по течению, быстрее, быстрее! — кричал Замп, вызывая потрясая бутафорским мечом Эвульсифера в сторону Голодного Порты. — Наше старое доброе судно продержится еще долго, мы отплывем далеко и высадимся на берег — и тогда горе тем, кто посмеет нас тронуть!»

Бонко, все еще в костюме палача, вежливо возразил: «Лучше сесть в шлюпки, капитан! Если мы пристанем к берегу, шлюпки могут сгореть вместе с судном, а завтра голодопортанцы нас догонят».

Замп отбросил бесполезный меч и мрачно смотрел на ревушее пламя: «Так тому и быть. Приготовьтесь спустить шлюпки. Будем плыть, пока судно не начнет тонуть, а потом покинем его».

Бонко убежал, выкрикивая распоряжения, а Замп вернулся к себе в каюту, сорвал сценический наряд и надел костюм из серой саржи, рыбацкую кепку и крепкие сапоги; на пояс он нацепил свою лучшую рапиру со стальным острием, а в поясную сумку засунул пару заточенных крюков и обойму дротиков со взрывными зарядами. Остановившись посреди каюты, он озирался, почти ослепленный горем и яростью. Все, что он видел, было драгоценным достоянием: рукописи, маски, сувениры, дневники, призовые кубки, резная мебель, красивый синий ковер, его сейф... Порывшись в сундуке, Замп нашел мягкую кожаную сумку — в нее он высыпал все свое железо, примерно два с четвертью килограмма. Что еще? Больше он ничего не мог взять с собой — всему остальному суждено было сгореть. В один прекрасный день у него будет другое, новое судно, самое великолепное на Висселе, и у него не останется скорбных сожалений, ничего, что напоминало бы о старой «Миральдре» — кроме, пожалуй, головы Гарта Пеплошторма, закрепленной на деревянном щите подобно охотничьему трофею... Он забыл о драгоценностях! Замп бросился к столику под зеркалом и переместил в карманы содержимое шкатулки: пряжку, украшенную топазом и свинцовым блеском, золотой браслет, инкрустированный аметистами и железными бусинами, серебряную цепочку с огромным неограниченным перидотом, изумрудную серьгу, серебряную табличку с приглашением на фестиваль в Морнуне, хитроумное украшение из тонких железных подвесок, которое он обычно закреплял сбоку на мягком черном бархатном берете, чтобы подвески покачивались и позвякивали при ходьбе. Все это он положил в карман; ни на что больше не оставалось времени. Перекинув кожаную сумку через плечо, Замп вернулся на квартердек.

Тем временем Бонко работал не покладая рук; у каждой из четырех шлюпок стояла группа участников трупы и нескольких матросов, ожидавших приказа спустить шлюпки. Поодаль, отстра-

ненно и безучастно, стояла мадемуазель Бланш-Астер с саквояжем. На носу бушевало и трещало пламя, озарявшее поверхность Ланта — драматическое, ужасное зрелище.

Боцман подошел к Зампу: «Пора садиться в шлюпки. Обшивка отрывается от форштевня, мы набираем воду носом. Судно может нырнуть».

«Хорошо, спускайте шлюпки. Не забудьте выпустить животных — пусть плывут и спасаются сами».

Спустили три баркаса и несколько более комфортабельную капитанскую шлюпку — в нее Замп приказал усадить мадемуазель Бланш-Астер. Та спустилась по лесенке, и Замп передал ее саквояж Чонту, после чего вручил стюарду тяжелую кожаную сумку: «Чонт! Проследи за этой сумкой — спрячь ее под камбузом на носу!»

«Будет сделано!»

Аполлон Замп последний покинул судно, когда оно уже покачивалось в такт движениям заполнявшей его речной воды. Спустившись в шлюпку, он приказал: «Отчаливай!»

Матросы взялись за весла; шлюпки отплыли от пылающих останков «Миральдры». Замп неотрывно смотрел вперед, в темноту ниже по течению реки, не желая быть свидетелем гибели своего гордого плавучего театра. У него за плечами играло и перемигивалось оранжевое пламя, озарявшее напряженные лица тех, кто решил оглянуться.

Тревожно встрепенувшись, Замп стал переводить взгляд с одного лица на другое: куда запропастился Чонт? Его не было в шлюпке. Странно! Ага, стюард стоял в баркасе, который плыл рядом, в трех-четырех метрах слева.

«Чонт! — позвал Замп. — Где моя сумка?»

«В целости и сохранности, капитан, под камбузом на носу».

«Хорошо!»

Шлюпки огибали мыс по крутой излучине. Замп заставил себя бросить последний взгляд через плечо: вместо того, чтобы преследовать шлюпки на собственных лодках, голодопортанцы задержались — они грабили тонущий плавучий театр. Замп видел, как их темные силуэты с обезьяньим проворством скакали на фоне пламени.

Крутой речной берег заслонил горящее судно; от «Очарования Миральдры» остался только мерцающий отсвет в ночном небе. Вскоре даже этот отблеск исчез.

Глава 6

Всю ночь шлюпки дрейфовали вниз по течению; время от времени матросы брались за весла, чтобы побыстрее удалиться от голодопортанцев, вполне способных пуститься в погоню.

На рассвете шлюпки пристали к песчаной косе, где проще было ставить мачты и реи. Бонко развел костер, и труппа стала поджаривать водившихся здесь песчаных ползунов, пока матросы оснащали баркасы.

Замп взглянул на мадемуазель Бланш-Астер, сидевшую с саквояжем, и вспомнил про драгоценную сумку под носовым камбузом. Взвесив ее в руке, Замп убедился в сохранности своего капитала и снова спрятал сумку, еще надежнее.

Вернувшись на песчаную косу, Замп заметил, что вокруг боцмана собрались несколько матросов — каждый из них, по видимому, на чем-то настаивал. В нескольких метрах дальше по берегу актеры и музыканты из труппы тоже о чем-то горячо спорили.

К Зампу тут же направились Бонко и «великий чародей» Виливег. Виливег сказал: «Актеры подняли любопытный вопрос...»

«Тот же вопрос интересует и команду», — вставил боцман.

«Вопрос заключается в следующем, — продолжал фокусник. — После того, как мы приплывем в Лантин, возможны замешательства и суматоха. Можно себе представить, что в такой ситуации, по какому-нибудь недосмотру, актеры могут не получить заработную плату».

«Матросы тоже считают, что сейчас самое удачное время для расчета — чтобы по прибытии в Лантин никто не испытывал особых неудобств», — пояснил Бонко.

Виливег поддержал боцмана: «Усилия, которые потребовались бы в Лантине для того, чтобы найти каждого из нас и передать ему деньги, легли бы излишним и несправедливым бременем на плечи такого человека, как вы, и так уже отягощенного множеством проблем».

Замп с изумлением переводил взгляд с одного собеседника на другого: «Не могу поверить своим ушам! Вернитесь к тем, кто вас послал, и объявите, что моя первоочередная и самая насущная задача заключается в приобретении нового судна, которое позволит

всем присутствующим продолжать зарабатывать на жизнь. Учитывая это обстоятельство, я предлагаю сохранить казну театра в качестве доверительного фонда, в интересах всех актеров и матросов».

Виливег прокашлялся: «Некоторые участники труппы предвидели, что вы будете руководствоваться подобными соображениями. Согласен, они носят альтруистический характер; тем не менее, они скорее относятся к области фантазий, нежели к реальности. Короче говоря, каждый из исполнителей требует немедленного расчета полновесным железом».

«Команда, — прибавил боцман, — придерживается той же точки зрения».

Замп огорченно покачал головой: «До чего низменный, вульгарный подход! Неужели все мы потеряли всякое стремление к общей цели? Только взаимопомощь — и, возможно, принесение в жертву части дохода — позволит каждому из нас реализовать свои способности!»

«Всецело разделяю ваши надежды, — сочувственно произнес «великий чародей», — но они могут быть осуществлены только следующим образом. Каждый из нас получит всю причитающуюся ему заработную плату — плюс возмещение стоимости потерянного личного имущества и премиальные за причиненные неудобства. Затем, когда представится такая возможность, мы снова вложим какие-то средства и все наши неповторимые таланты в общий фонд, что будет выгодно каждому. Никакое другое решение вопроса невозможно».

Аполлон Замп гневно взмахнул рукой: «Никогда не думал, что мне придется иметь дело с таким низкопробным, позорным, близоруким упрямством! Все это окажется выгодно только владельцам лантинских таверн. Тем не менее, если вы настаиваете на таком безумии, я вынужден удовлетворить ваши запросы. Должен заметить, между прочим, что, когда я буду набирать персонал для нового плавучего театра, мне придется отказаться от намерения положительно учитывать факт нашего сотрудничества в прошлом».

«То, о чем вы говорите — не более чем призрачные пряди в воображении Великого Ткача, плетущего кружева пространства-времени, — заявил фокусник. — Раскошеливайтесь!»

«Хорошо! — угрюмо отозвался Замп. — Выстраивайтесь в очередь. Виливег, будь так любезен, подготовь документ, подтверждающий получение заработной платы трушшой и командой — каждому из присутствующих придется его собственноручно подписать».

«С удовольствием! — отозвался Виливег. — Кажется, среди моих вещей остались бумага и перо».

«Одно последнее замечание, — остановил его Замп. — Ты упомянул о выплате «премиальных» и «возмещения стоимости потерянного личного имущества». В настоящее время я не могу по-

зволить себе такое расточительство. Трудоустройство труппы и команды закончилось вчера вечером, с ударом топора Бонко, и оплата будет производиться только за время, отработанное до этого момента».

Заявление Зампа не прибавило ему популярности и вызвало существенные протесты, но он их игнорировал. Забравшись в капитанскую шлюпку, он выставил на берег скамью, чтобы она служила расчетным прилавком, после чего вытащил из-под камбуза кожаную сумку и снова спрыгнул на песок.

«Итак! — объявил он. — Подходите по одному, получайте железо, подписывайте документ и отходите в сторону. Пожалуйста, не пытайтесь вставить в очередь повторно. С жалобами и спорами придется подождать до тех пор, пока мы не прибудем в Лантин. Кто первый — ты, Виливег?»

«Да — так как я буду наблюдать за процессом подписания ведомости, целесообразно заплатить мне в первую очередь. Вы задолжали мне, в точности, за два месяца, четыре дня, семь часов и шестнадцать минут».

«Как так? — взревел Замп. — Ты забыл про аванс в размере тридцати трех грошей, выплаченный тебе в Лантине?»

«В размере тринадцати грошей! — взревел в ответ «великий чародей». — Я просил пятьдесят; вы заявили, что на текущие расходы в кассе осталось только тринадцать».

«Неправда! Ты выдал расписку о получении материалов и продуктов из судовой кладовой примерно на сумму в одиннадцать грошей, и эту сумму придется вычесть. Кроме того...»

«Минуточку, минуточку! — воскликнул Виливег. — Действительно, я взял из кладовой горшок помады для волос, одеяло и коробку сушеного инжира. Все это погибло в огне — я не успел даже начать пользоваться этими, как вы изволили выразиться, «материалами и продуктами!»»

Замп решительно покачал головой: «Задолженность существует. Кроме того, ты преувеличил срок, за который тебе причитается заработок, на три недели и четыре дня. Таким образом, я тебе должен, круглым счетом, шестьдесят семь грошей. Будь так добр, распишись в ведомости».

Виливег потряс в воздухе сжатыми кулаками. Замп, давно привыкший к вспышкам артистического темперамента, не обращал внимания на жестикуляцию. Деловито открыв сумку, антрепренер высыпал на скамью ее содержимое — шесть тяжелых камней.

На мгновение оцепенев от неожиданности, Аполлон Замп медленно поднялся на ноги. Взглянув на очередь людей, ожидавших выдачи заработной платы, он заметил, почти в самом конце, стюарда Чонта.

«Чонт, будь так добр, подойди сюда!» — подозвал его Замп.

Чонт приблизился: «Да, капитан, что случилось?»

«Когда я передал тебе эту сумку, в ней были два с четвертью килограмма железа. Теперь в ней камни. Как ты объясняешь это обстоятельство?»

На лице Чонта отразилось полное недоумение: «Никак не могу объяснить это обстоятельство! Я отдал сумку жонглеру Барнвику и попросил положить ее под камбуз...»

«Врешь! — заявил Барнвик. — Не брал я у тебя никакой сумки!»

«Ну, значит, я отдал ее не тебе, а кому-то другому, — объяснил стюард. — Было темно, и в суматохе я мог перепутать».

«Чонт, принеси чемодан, который ты взял с собой, — потребовал Замп. — Я хотел бы проверить его содержимое».

Стюард отказался наотрез: «Не могу это сделать по двум причинам. Во-первых, я честный человек и не допущу, чтобы мою добросовестность подвергали сомнению. Во-вторых, в чемодане находятся мои сбережения — все, что я сумел отложить за свою жизнь. А человек, вознамерившийся меня ограбить, может заявить, что это и есть пропавшее железо».

Замп задумался. Невозможно было даже представить себе, чтобы такой прожигатель жизни, как Чонт, мог иметь существенные сбережения. С другой стороны, если бы стюарду пришлось сию минуту вернуть похищенное, Замп тут же расстался бы с этими деньгами, будучи вынужден выдавать заработную плату. Взять Чонта за жабры следовало в Лантине. Аполлон Замп обратился к спутникам, которых уже нельзя было рассматривать как его труппу и команду: «У меня похитили все мои деньги. Я временно неспособен удовлетворить ваши требования. Вместо того, чтобы огорчаться по поводу наших лишений, предлагаю совместно использовать все наши способности и оставшиеся средства с тем, чтобы снова заслужить благоволение судьбы. Тем временем, нам нужно спешить в Лантин, чтобы голодопортанцы не застали нас врасплох на этой песчаной косе».

«Подождите-ка! — возразил Чонт. — Мои скромные сбережения я ношу с собой, это правда, но мне тоже полагается заработная плата. Не могу ли я поинтересоваться, чем набиты ваши карманы? Возникает впечатление, что они вот-вот разойдутся по швам».

«Я взял с собой несколько личных вещей», — ответил Замп.

«Драгоценности и железо из вашей шкатулки?»

«Ими придется поделиться! — воскликнул фокусник Виливег. — Передайте их на хранение надежному доверенному лицу — например, боцману или мне — а в Лантине мы распределим деньги, полученные после продажи ваших драгоценностей».

«Ни в коем случае! — отрезал Замп, отступив на пару шагов и опустив пальцы в поясную сумку, чтобы выхватить заточенные крюки, как только возникнет необходимость. — Мои безделушки останутся моими. По шлюпкам, и в путь!»

Труппа неохотно заняла свои места на скамьях шлюпок — все, кроме Чонта.

«Ты идешь?» — позвал его Замп.

«Пожалуй, что нет, — ответил стюард. — Меня тошнит от качки в баркасах. Дойду до Лантина по берегу, осталось всего лишь несколько километров».

«А я составлю Чонту компанию!» — вызвался Бонко и прыгнул на песок.

«Как вам угодно!» — откликнулся Замп и оттолкнул шлюпку от берега.

Внезапно встревоженный, Чонт передумал: «Нет, я все-таки хотел бы плыть в шлюпке!»

Кто-то закричал: «Голодопортанцы! Скачут по берегу!»

«Налегайте на весла! — взревел Замп. — Гребите, или мы погибли! Поднимайте паруса!»

По берегу с топотом несясь отряд голодопортанцев, низко пригнувшихся к гривам черных лошадей, с развешивающимися за спиной плащами. Бонко и Чонт пустились наутек, но их тут же догнали и зарубили топорами. Грабители принялись обстреливать шлюпки из коротких луков, но баркасы уже отплыли на середину реки, и стрелы до них не долетали.

Не меньше часа голодопортанцы ехали на лошадях по берегу, сопровождая шлюпки, но в конце концов осознали бесполезность этого занятия и вернулись восвояси.

Подгоняемые как течением, так и попутным ветром, шлюпки быстро проплыли оставшуюся часть пути и прибыли в Лантин еще перед тем, как сгустились сумерки.

К тому времени город покинули все плавучие театры, за исключением «Золотого фантазма Фиронзелле». Сегодня судно Гарта Пеплошторма сияло множеством разноцветных огней, так как его владелец давал представление перед многочисленной аудиторией. К горлу Аполлона Зампа подступил желчный комок. Он сгорбился на скамье. Бесполезно было ругаться или жаловаться на судьбу. В один прекрасный день, однако, Пеплошторм узнает, почему фунт лиха!

Шлюпки привязали к причалу. Изможденные актеры и матросы взобрались на набережную и неуверенно стояли, переглядываясь и явно ожидая указаний Зампа.

Замп подавленно произнес: «Нам придется разойтись — каждому своим путем. Я конченный человек, у меня почти ничего не осталось. Не могу ничего вам посоветовать, не могу ничем вас

подбодрить. Могу только предложить вам найти какой-нибудь способ добраться до Кобля — может быть, когда-нибудь мы снова будем плавать вместе по Висселю. Труппа распущена».

«А что будет с вами?»

Аполлон Замп обернулся. Мадемуазель Бланш-Астер стояла неподалеку и ждала его. Замп печально вздохнул. Неужели его несчастье возбудило сочувствие в ледяном сердце надменной красавицы? Если так, Замп не отказался бы от какого бы то ни было утешения. Замп поднял ее саквояж.

«Куда вы хотите пойти?» — спросила она.

Замп задумался: «На конце набережной есть трактир «Зеленая звезда». Там допоздна шумят гуляки, но зато там недорого сдают помещения. В данный момент меня вполне устроит такой ночлег».

«Меня это тоже вполне устраивает».

Даже в этой ситуации — пожалуй, самой мрачной за всю его жизнь — Замп нашел повод чему-то обрадоваться. Он осторожно произнес: «Мне удалось сохранить несколько ценных безделушек. Я готов поделиться с вами своими скудными средствами — их хватит, чтобы добраться до Кобля».

«У меня есть средства, достаточные для удовлетворения моих нужд».

Замп пожал плечами и надул щеки: норовистая особа, нечего сказать!

Они направились по набережной к упомянутому трактиру. Проходя мимо «Хмельного стеклодува», Замп уловил аппетитный, завораживающий аромат жареного мяса. К сожалению, в этом заведении блюда стоили очень дорого; в трактире «Зеленая звезда» можно было в десять раз дешевле подкрепиться миской рагу с ломтем хлеба и кружкой пива из корневищ болотного тростника.

Набережная кончилась: мостки на кривых сваях пересекали приливо-отливную отмель⁸ и вели к трактиру «Зеленая звезда» — хаотичному сооружению из старых досок, плавника и кривых бутылей, забракованных на стеклозаводах. На веранде, закинув ноги на перила, сидели, пили пиво и точили лясы четыре человека. Когда Замп и мадемуазель Бланш-Астер поднялись на веранду, они замолчали; как только необычные посетители зашли в трактир, собутыльники принялись вполголоса обсуждать их появление.

Потолок широкого трактирного зала опирался, то поднимаясь, то опускаясь, на случайно расставленные деревянные столбы различной высоты. Стекланные фонари в форме зеленых звезд отбрасывали болезненно-бледный свет на столы, за которыми сидели главным образом ничем не примечательные люди, решившие по-

⁸ На Большой Планете, ввиду отсутствия луны, наблюдаются только солнечные приливы.

развлечься перед сном; в углу довольно-таки неряшливо одетая женщина извлекала из концертны меланхолические звуки.

Замп подошел к стойке бара и подозвал трактирщика: «Нам нужно переночевать — и хорошенько поужинать, как можно скорее».

«Очень хорошо — наша лучшая комната как раз пустует. Если не ошибаюсь, вы — Аполлон Замп, владелец знаменитого плавучего театра?»

«Он самый».

Трактирщик вышел из-за стойки и с легким поклоном пригласил их пройти: «По этому коридору, сударь и сударыня — ваша комната выходит окнами на реку».

Помещение оказалось достаточно удобным; на полу лежали тростниковые циновки, матрас был набит пухом мишурной травы, а на столе стоял кувшин с водой. Примыкавший к комнате нужник нависал над приливной отмелью.

Замп опустил саквояж спутницы на матрас; при этом саквояж раскрылся, и в нем обнаружили те предметы одежды, которые мадемуазель Бланш-Астер решила спасти и взять с собой — в том числе расшитую золотом роскошную синюю накидку; мадемуазель еще ни разу не надевала ее в присутствии Зампа.

«Вас это устроит, сударь?» — спросил трактирщик.

«Вполне, — отозвался Замп. — Мы спустимся поужинать через пять минут».

Трактирщик удалился; обернувшись, Замп увидел, что мадемуазель Бланш-Астер возмущенно выпрямилась: «Надеюсь, вы не намерены делить со мной эту комнату?»

Замп обвел помещение оценивающим взглядом: «По-моему, здесь чисто и удобно. Почему нет?»

«Я не желаю делить с вами какое бы то ни было помещение», — чопорно заявила мадемуазель Бланш-Астер.

События последних суток серьезно подорвали способность Зампа проявлять благожелательное терпение. Швырнув кепку на пол, он схватил полуоткрытый саквояж красавицы и резко протянул его ей в руки: «Найдите себе другую комнату. Мне наскучила ваша брезгливость. Ступайте своей дорогой и больше меня не беспокойте!»

Мадемуазель Бланш-Астер решительно направилась к двери, открыла ее — и остановилась. Она наклонила голову; Замп заметил, что она плачет. Приступы раздражительности Зампа, как правило, быстро заканчивались; в данном случае, однако, он продолжал хранить угрюмое молчание. Не мог же он вечно танцевать, как марионетка, под дудку этой особы!

Мадемуазель вернулась в комнату и положила саквояж на пол; по ее лицу было видно, что она неопытна, растеряна и устала до

изнеможения. Замп поднял ее саквояж и положил его на стул, после чего заключил ее в объятия и, несмотря на очевидный ужас, отразившийся в ее глазах, поцеловал ее. Девушка никак не отозвалась на поцелуй, но и не сопротивлялась — с таким же успехом Замп мог бы поцеловать тряпичную куклу. Раздраженный антрепренер отступил на пару шагов.

Мадемуазель Бланш-Астер вытерла губы платком и наконец обрела дар речи: «Аполлон Замп, я хотела бы сопровождать вас до Морнуна — это правда. Но я надеялась, что вы сумеете сдерживать свою похоть — или, по меньшей мере, сосредоточить ее на другом человеческом или нечеловеческом существе. Мне предстоит трудный выбор. Я не намерена поступаться ни своими целями, ни тем, что вы называете моей брезгливостью».

Замп воздел руки к потолку и принялся расхаживать по комнате взад и вперед размашистыми, чуть приседающими шагами: «Ваши нравоучения возмутительны! Разве я урод какой-нибудь? Разве у меня в жилах течет не кровь, а уксус? Наша жизнь коротка — зачем бесконечно отказывать себе в ее радостях?» Он остановился рядом с ней и взял ее за талию: «Разве вы не чувствуете, что ваше сердце бьется чаще, что внутри у вас разливается теплота, вызывающая приятную слабость в ногах и руках?»

«Голод, усталость и безразличная апатия — это все, что я чувствую».

Замп с отвращением опустил руки: «Никто никогда не обвинит Аполлона Зампа в том, что он принудил женщину к соитию против ее воли! Тем не менее, я не намерен выселяться из этой комнаты. Разделите ее со мной или найдите другое помещение — как вам будет угодно».

«Вы можете спать на матрасе. Я буду спать на полу».

«Воля ваша. Тем временем, пора вымыть руки и поужинать».

Вернувшись в трактирный зал, они обнаружили, что почти все участники бывшей труппы «Миральдры» тоже собрались в «Зеленой звезде» и торговались с хозяином по поводу ночлега и ужина.

Зампу и его спутнице подали миски густого горячего супа, блюдо жареных жаворонков, острое рагу из трав, мидий и рыбы и каравай хлеба из пыльцовой муки — пожалуй, более роскошный ужин, чем ожидал Замп — но мадемуазель Бланш-Астер тут же отдала ему должное. За едой Замп продолжал выражать недоумение и разочарование по поводу поведения красавицы: «Как правило, я не позволяю эмоциям преобладать над разумом. Тем не менее, ваше пренебрежение лишает меня возможности трезво размышлять...»

На стол легла широкая тень — рассуждения Зампа прервал Ульфимер, предводитель комиков-уродов: «Ты заявлял, что ограблен и не можешь заплатить мне за работу, а теперь сидишь и жуешь жаворонков, тогда как мне придется продать сапоги, чтобы

рассчитаться за миску каши! Сейчас возьму и опрокину стол тебе на башку, будешь знать!»

«В твоей точке зрения нет никакой логики! — горячо возразил Замп. — Ты завидуешь моему ужину — после того, как я потерял судно и все железо? А ты что потерял? Только заработок, да и тот ты получал не благодаря выдающимся способностям, а исключительно потому, что на тебя смотреть противно!»

«Не смей преуменьшать мои способности! — ревел Ульфимер. — Как бы то ни было, ты тут расселся и вытираешь жирный рот салфеткой, пока у меня кишки сводит от голода!»

«В свое время справедливость будет восстановлена», — сказал Замп. Ульфимер мрачно проковылял прочь, и Замп снова сосредоточил внимание на высокомерной аристократке: «На мой взгляд, вы не понимаете истинную природу моей пылкости. Я предлагаю не какою-нибудь мимолетную позорную интрижку, а...»

И снова его прервали — на этот раз к столу подошла, слушая Зампа и гневно поглядывая на мадемуазель Бланш-Астер, рыжая исполнительница пантомим, Лаэль-Росса: «Аполлон Замп! Не нахожу слов, от обиды у меня дыхание перехватывает! Ты воспользовался, по очереди, каждой из девушек-мимов, и что мы получили взамен? Ничего. Расселся тут с новой любовницей, а мне — и Криссе, и Демели, и Септине — придется торговать собой на набережной, чтобы добывать средства к существованию!»

Приложив немалое усилие, Замп ответил сдержанно: «Твои слова не делают тебе чести. В свое время у меня будет новое судно, и я намерен снова нанять сохранивших мне верность участников бывшей труппы...»

Лаэль-Росса не стала его слушать, раздраженно повернулась на каблуках и ушла.

Замп устало вздохнул. «В данный момент удача меня покинула, — сообщил он мадемуазели Бланш-Астер. — Но с этих пор дела пойдут только лучше. Тем временем, я отчаянно нуждаюсь в вашей доверии и в вашей привязанности. Поверьте мне, мы разделим щедрые награды! А пока что — неужели я прошу слишком много, если, например, сегодня ночью...»

И снова кто-то стоял у стола; подняв глаза, Замп увидел Гарта Пеплошторма. «Ага, вот вы где прячетесь, Аполлон Замп! — воскликнул тот. — Я слышал о ваших неприятностях. Примите мои соболезнования! Вы потерпели катастрофу, и все мы прониклись глубоким сочувствием».

«Да, я в отчаянном положении, — подтвердил Замп. — Но не отчаиваюсь. Я начну все заново. В конечном счете я вознагражу друзей и накажу врагов. В каком-то смысле подлый мерзавец, подложивший мне свинью, оказал мне большую услугу — тем не менее, пусть не ждет пощады!»

«Ха-ха, Замп! Отлично, отлично! Рад, что беда не сломила ваш дух! — слегка наклонив голову, Пеплошторм с очевидным любопытством смотрел на мадемуазель Бланш-Астер, но Замп не позаботился представить ему спутницу. — Так что же, вы все еще намерены плыть вверх по течению в Морнун?»

Замп крикнул: «Король Вальдемар может развлекаться, пересчитывая пальцы на ногах. Какое мне дело?»

Мадемуазель Бланш-Астер подняла глаза; встретившись с ее голубым взором, Замп прибавил: «Я еще ничего не решил. Если будет такая возможность, мы отправимся в такое плавание».

«На баркасах, которые позволили вам вернуться в Лантин?»

«В Кобле все как-нибудь утрясется».

Пеплошторм больше не мог сдерживать любопытство: «А что будет с вашей очаровательной подругой?»

«Она в составе моей труппы».

«Неужели?» — Пеплошторм обратился непосредственно к мадемуазели Бланш-Астер: «Не могу ли я поинтересоваться, в каком амплуа вы подвизались?»

Та беззаботно махнула рукой: «У меня множество талантов. Я могу петь двумя голосами сразу, бороться на ковре с бородатыми карликами и учить огрей танцевать мазурку».

«Удивительное дело! — поднял брови Пеплошторм. — Так как у Зампа больше нет своего судна, может быть, вас заинтересует возможность демонстрации ваших способностей в моем театре?»

«Меня устраивает мое нынешнее положение».

Гарт Пеплошторм отозвался любезным жестом, после чего обвел взглядом помещение, где за мисками каши сгорбились многочисленные участники бывшей труппы Зампа. Пеплошторм подозвал трактирщика и громко распорядился: «Подайте этим прекрасным знатокам своего дела, за мой счет, ужин, которого они заслуживают. Жареные жаворонки еще остались? Принесите их, а также подносы с гуляшом и две дюжины творожных ватрушек».

«Браво! — воскликнул Виливег. — Маэстро Пеплошторм — поистине благородный человек!»

«Нельзя сказать, что в своей щедрости я не руководствуюсь определенным расчетом, — признался Пеплошторм. — Я решил расширить программу, включив в нее кое-какой материал легкомысленного характера, и рассмотрю возможность найма любых квалифицированных исполнителей, не занятых в настоящее время».

«Да здравствует маэстро Пеплошторм!» — закричал акробат Альпо.

Пеплошторм поклонился и снова подозвал трактирщика: «Подайте моим друзьям несколько бутылей вина попроще». И снова

Пеплошторма приветствовали радостными возгласами. Он поднял руку, призывая к молчанию: «Не буду больше мешать вашему ужину. Сегодня вечером отдыхайте. Завтра я буду проводить интервью на борту «Золотого фантазма»». Опустив несколько звонких железных монет в руку хозяина заведения, Гарт Пеплошторм безмятежно поклонился мадемуазели Бланш-Астер и удалился из таверны.

Замп немедленно поднялся на ноги и обратился к бывшей труппе: «Не обманывайтесь на счет Пеплошторма! Он не предложит ничего стоящего!»

Виливег разразился издевательским смехом: «А вы можете предложить что-нибудь получше?»

«Твой вопрос не имеет смысла, — отозвался Замп. — Тем не менее, могу сказать следующее: когда по реке начнет курсировать новое «Очарование Миральдры», вы пожалеете о том, что променяли Аполлона Зампа на сладкоречивое пресмыкающееся, только что покинувшее это заведение».

«Мы начнем зализывать раны, когда они будут нанесены!» — заявил акробат Альпо, и его слова вызвали у коллег взрыв веселья. В порыве восторженного облегчения фокусник Виливег одарил чаевыми толстую музыкантшу в длинном платье из черных бусин, и та набросилась на концертину с удвоенным усердием.

Наклонившись над столом, Замп обратился к мадемуазели Бланш-Астер: «В этом логове буйных головорезов спокойная беседа невозможна. Давайте выйдем на веранду — или, может быть, вы предпочитаете прогуляться по набережной?»

Мадемуазель ответила отстраненным, блеклым тоном: «У меня нет настроения беседовать. Но здесь такой шум и гам, что я, конечно, не смогу заснуть».

Под боком выросла фигура трактирщика: «Я приготовил ваш счет, маэстро Замп».

Замп изумленно уставился на него: «Мой счет? Я рассчитаюсь утром, перед тем, как покину ваше заведение».

«Была допущена ошибка. Виливег зарезервировал ту комнату, которую я по забывчивости вам предоставил».

Замп опустил руку к эфесу рапиры: «Предлагаю на ваше рассмотрение три возможности. Вы можете вернуть Виливегу ту сумму, которую он только что вам уплатил — насколько я понимаю, она в два раза больше того, что вы обычно берете за комнату. Вы можете заплатить за мой ночлег в лучших номерах «Хмельного стеклодува». Или ваша кровь оросит пол вашей таверны».

Трактирщик отступил на шаг: «Ваши обвинения оскорбительны! Меня не запугаешь! И все же, насколько я припоминаю, помещение, которое я предложил Виливегу — не та комната с видом на реку, которую я предоставил вам, а другая, с окнами, выходящими

на приливную отмель. Там почти не слышен шум, доносящийся из трактира. В любом случае, все в порядке, у меня нет к вам никаких претензий».

«Рад слышать, — заметил Замп. — Надеюсь, дальнейших недо-
разумений не предвидится».

Замп и его спутница направились к выходной двери, но с ними столкнулся фокусник Виливег, спешивший к стойке бара. Виливег резко произнес: «Поосторожнее, будьте любезны! Вы наступили мне на ногу».

«Придержи язык, Виливег! — ответил Замп, скорее огорчен-
ный, нежели раздраженный. — Мне надоели твои жалобы».

Виливег смерил его надменным взглядом и отвернулся; Замп и мадемуазель Бланш-Астер вышли на веранду. Здесь они присели как можно дальше от четырех стеклодувов, все еще наливавших пиво и наслаждавшихся прохладным вечерним воздухом. Перед ними величественно струился глубокий и тихий Лант, приближав-
шийся к месту слияния с Висселем; на противоположном берегу мерцали несколько желтых фонарей. На борту «Золотого фантазма Фиронзелле» горели только огонь на верхушке мачты и стороже-
вые светильники вдоль бортов, но факелы, расставленные на набе-
режной, ярко освещали красочные вывески многочисленных ларь-
ков и таверн. Стены таверны, шум разговоров и смех почти заглу-
шали хрипловатые, словно задыхающиеся звуки концертины, пре-
вратившиеся в почти приятный, ненавязчивый аккомпанемент. Замп спросил: «Не желаете ли выпить рюмку настойки — или бо-
кал «Дульцинато»?»

Истолковав молчание спутницы как согласие, Замп подозревал подростка, прислуживавшего посетителям на веранде — тот только что принес стеклодувам еще по кружке пива: «Принеси нам пару рюмок «Лучшей настойки Айзандера», прохладной, но не ледя-
ной».

Юноша покачал головой: «У нас есть лохань «Синего душе-
губца» и бочонок «Мятежного рома» — выбирайте».

«Тогда принеси бутыль вина получше», — сказал Замп. Отки-
нувшись на спинку плетеного кресла, он повернулся к спутнице: «Продолжим нашу беседу...»

«Я хотела бы посидеть в тишине».

Пальцы Зампа схватились за ручки кресла: «Но ведь нам есть о
чем поговорить! Я ничего о вас не знаю — кроме того, что вы оча-
ровательны и высокомерны».

«Я не хотела бы говорить о себе».

«Скажите мне, по меньшей мере, одно, — настаивал Замп. —
Вы обручены? Вы сохраняете верность какому-то далекому воз-
любленному? Поэтому вы так себя ведете?»

«Ни одно из ваших предположений не соответствует действительности».

«Тогда почему же, почему я произвожу на вас столь отталкивающее впечатление?»

Мадемуазель Бланш-Астер устремила на Зампа сосредоточенный взор: «Если уж я вынуждена говорить, давайте обсудим вопросы, имеющие практическое значение. Прежде всего, каким образом вы собираетесь приобрести новое судно?»

«Доберемся до Кобля, а там посмотрим».

«И сколько времени у вас займет подготовка такого судна к плаванию вверх по течению Висселя?»

Замп пожал плечами: «Необходимо учитывать дюжину различных факторов. Если бы со мной были мои два с четвертью килограмма железа, на это ушло бы не больше одной-двух недель. Но мне хотелось бы знать, почему вы так настойчиво стремитесь в Морнун?»

«В этом нет никакой тайны. Тот, кто заслужит первый приз Вальдемара, получит дворец и сокровище. Я хотела бы выйти замуж за этого человека и жить в условиях, подобающих принцессе».

Замп недоверчиво покачал головой и налил в бокалы вино, поданное подростком: «Вы тщательно рассчитали и продумали свою дальнейшую жизнь».

«Почему нет? Разве я могу надеяться на другую жизнь?»

«На этот счет у меня нет устоявшегося мнения, — признался Замп. — О загробной жизни много рассуждают, приводя множество аргументов «за» и «против», но вопрос остается открытым. Тем не менее, тот, кто тщательно планирует существование с точностью до малейших деталей, нередко упускает любопытные и увлекательные возможности сделать жизненный путь более красочным — хотя, конечно, любой жизненный путь заканчивается одним и тем же».

«Сколько времени займет возвращение в Кобль?»

«Рано или поздно то или иное судно отплывет из Лантина вниз по течению. Мы этим воспользуемся».

«И вы сможете заплатить за перевозку?»

«Несомненно! Мне удалось сохранить драгоценности, их можно продать за существенную сумму», — с этими словами Замп хлопал себя по карману и обнаружил, что он пуст. Выпрямившись в кресле, Замп воскликнул: «Меня ограбили! Как это может быть?» Оглядевшись по сторонам, он остановил взгляд на входной двери таверны: «Когда Виливег со мной столкнулся, он сделал несколько странных движений руками. И теперь мои драгоценности в кармане у фокусника!»

«Как насчет приглашения на серебряной табличке?»

Замп пощупал внутренний карман за пазухой: «Она при мне». «Позвольте мне на нее взглянуть».

Замп вынул блестящую табличку. Мадемуазель Бланш-Астер взяла ее и облегченно вздохнула: «Да, это она».

Засунув табличку обратно за пазуху, Замп вздохнул: «И это мое последнее имущество. Мне придется заплатить этим серебром за наш ночлег и ужин».

Мадемуазель Бланш-Астер покачала головой: «Я заплачу трактирщику. Кроме того, я заплачу за наши места на корабле, отплывающем в Кобль».

Замп удивленно воззрился на нее: «Я и не подозревал, что у вас с собой столько железа!»

Мадемуазель Бланш-Астер проигнорировала это замечание: «Мы можем договориться на деловой основе — здесь и сейчас. Я сделаю все необходимое для того, чтобы мы вернулись в Кобль, но только в том случае, если вы откажетесь от эротических фантазий».

«Вот еще! — проворчал Замп. — Что, если я швырну эту табличку в реку?»

«Я не смогу вам помешать».

«Вы могли бы меня разубедить».

Мадемуазель Бланш-Астер ничего не ответила. Замп снова вынул табличку и задумчиво взвесил ее в руке. Мадемуазель Бланш-Астер поднялась на ноги и зашла в таверну — надо полагать, для того, чтобы вернуться в комнату с видом на реку.

Сжав зубы, Замп поднял глаза к небу, снова засунул табличку за пазуху и продолжал молча сидеть в темноте. Пьяный Виливег вывалился, покачиваясь, из таверны, и облокотился на перила веранды, чтобы продышаться. Замп тихонько подошел к нему сзади, схватил фокусника за ноги и перекинул через перила — вниз, в глубокую илистую слякоть приливной отмели.

Замп задумчиво вернулся в комнату с видом на реку. На столе горела лампа. Мадемуазель Бланш-Астер лежала в углу, завернувшись в плащ; ее блестящие светлые локоны покоились на импровизированной подушке из расшитой золотом накидки.

Замп знал, что она не спит. Он ворчливо сказал: «Вы можете разделить со мной матрас, не мучаясь беспокойством по поводу драгоценной неприкосновенности вашего тела. В данный момент оно привлекает меня не больше, чем этот колченогий стол».

Глава 7

Кобль находился там, где основное русло устья Висселя впадало в Догадочный залив. Здесь строили высокие здания из бревен и черного кирпича, с крутыми крышами; кварталы были разделены десятками каналов, осененных величественными халькозитийскими дендронами, а также бесчисленными лантанами, пальмами и сливовыми ивами. Центром делового района служила Бурса — небольшая площадь, окруженная покосившимися старыми домами, оплывшие окна которых, пережившие много поколений, стали уже лиловато-зелеными от времени. Примерно в ста метрах к востоку от площади текла река Виссель, и здесь, у причала Байнума, пришвартовался «Универсальный панкомиум»: плавучий музей, принадлежавший Теодорусу Гассуну. «Универсальный панкомиум» никак нельзя было назвать красивым судном — узковатое и длинноватое, оно двигалось благодаря восемнадцати волам, крутившим три вóрота, соединенных с гребным колесом за кормой; парусами Гассун пользовался только в оптимальных условиях.

Сам Гассун был так же узковат, длинноват и неказист, как его судно. На его вытянутом бледном лице маленькие бледные глаза были посажены близко к длинному лошадиному носу, а на макушке красовалась растрепанная копна белых пучков. Как правило, он носил тесный протертый сюртук из черной саржи, черные чулки и черные башмаки, неприятно контрастировавшие с бледной кожей и белыми волосами. Гассун ходил вприпрыжку на длинных костлявых ногах, размахивая длинными костлявыми руками; у него была привычка резко останавливаться, вскидывая продолговатую физиономию подобно ржущей лошади.

У Гассуна было мало друзей; он посвящал все свое время и внимание редкостям, древностям и диковинам из своей коллекции. Люди приезжали из дальних стран, чтобы полюбоваться на экспонаты «Универсального панкомиума» — никто из них никогда еще не видел столь достопримечательной выставки. В витринах Гассуна демонстрировались самые разнообразные изделия и предметы: костюмы из труднодоступных областей Большой Планеты, оружие и музыкальные инструменты, модели космических кораблей и летательных аппаратов, диорамы, изображавшие сказочные сцены, карты и глобусы всевозможных обитаемых миров, фотографии, книги и художественные репродукции, некогда привезенные на Большую Планету с Земли первоначальными иммигрантами, пе-

риодическая таблица с флаконами, содержавшими образцы каждого из элементов, собрание минералов и кристаллов, и даже игрушечная паровая машина, изготовленная из латуни — Гассун иногда запускал ее, чтобы позабавить детей.

Два раза в год, в промежуточные сезоны между муссонами, когда неподвижный воздух вызывал всеобщее ощущение подавленности, хозяин «Универсального панкомиума» отчаливал и совершал осторожный рейс по круговому маршруту, останавливаясь в городках устья реки, а иногда отваживался плыть вверх по Висселю до самого Париковска или даже до Крысиного Фитиля; однажды, в порыве безрассудной отваги, Гассун посетил Ветербург. Настолько, насколько это было возможно, в своих странствиях он полагался на гребное колесо; Гассун не доверял капризным, устрашающим и не поддающимся контролю небесным стихиям — он чувствовал себя в самом деле спокойно только тогда, когда его судно стояло на приколе у причала Байнума.

На борт «Универсального панкомиума» поднимались представители самых различных рас, народностей и каст. Гассун считал себя знатоком в том, что касалось идентификации и классификации этнических и классовых категорий населения Большой Планеты, и преуспел в этом настолько, насколько это было возможно для человека его профессии. Кроме того, он умел ценить женскую красоту, в связи с чем его любопытство было возбуждено вдвойне, когда он заметил грациозную молодую особу в сером плаще — ее прямая осанка позволяла предположить аристократическое происхождение, тогда как ее расовая принадлежность не поддавалась определению с первого взгляда. Гассуну понравились ее холодность и уверенность в себе, ее гладкие светлые волосы и очаровательные точеные формы. Владелец плавучего музея нередко позволял себе дремать наяву, воображая, что он завоевывает империи и становится основателем городов, где торжествует благородная справедливость, и что имя Теодоруса Гассуна вызывает трепет почтения во всех необъятных фестонах координатной сетки Большой Планеты. Замеченная им молодая особа, в частности, словно материализовалась из мечты — ясноглазая, романтически задумчивая, полная незыблемого влечения к возвышенному.

«В самом деле, исключительно любопытная девушка!» — думал Гассун, изучая ее черты, одежду и походку, пока она бродила среди выставочных витрин. Незнакомка интересовалась его картами, таблицами и глобусами, что порадовало владельца музея — перед ним была не какая-нибудь вульгарная инфантильная вертихвостка, воркующая и сюсюкающая при виде блестящих безделушек и мишурных механических кукол.

При всей своей эрудиции Гассун допускал общераспространенную ошибку: он предполагал, что все встречавшиеся с ним люди оценивали его по тем же меркам, по которым он оценивал себя самого. С точки зрения Гассуна, его тесный черный костюм олице-

творял элегантную простоту. Когда он рассматривал в зеркале свою болезненно бледную длинноносую физиономию, увенчанную диким облаком белых волос, он видел лицо Прометея, бросающего вызов богам, эстета-провидца. Размышляя о возможном и невозможном, одинокий Гассун, окруженный своими редкостями, любил, страдал, торжествовал и отчаивался; ему были знакомы неудержимый рост и трагический крах империй, он слышал титаническую музыку, он блуждал в глубинах космоса. Один мимолетный взгляд может внушить чувствительному уму представление о целом фейерверке чудес — и под благородным лбом Гассуна чудеса эти творились повседневно.

Поэтому, пренебрегая скромностью и застенчивостью, он приблизился к молодой женщине в сером плаще: «Вижу, что вас интересуют карты. Это очень хорошо. Карты питают воображение и обогащают душу».

Молодая особа посмотрела на него с нескрываемым любопытством. Гассуну понравилось ее самообладание: ей и в голову не пришло хихикнуть, глупо ухмыльнуться или пошло признаться в полном невежестве. Она спросила: «Вы — владелец этого судна?»

«Да. Меня зовут Теодорус Гассун. Вы считаете, что моя коллекция заслуживает внимания?»

Незнакомка кивнула — довольно-таки флегматично: «Очень интересная выставка. Думаю, что во всем фестоне XXIII больше нет ничего подобного».

«И не только в нашем фестоне! Разве вы никогда не слышали об «Универсальном панкомиуме»?»

«Никогда».

«Ха-ха! По меньшей мере, вы откровенны. А откуда вы, если не секрет?»

Молодая особа рассеянно разглядывала карту: «В настоящее время я остановилась в Кобле. Вы часто плаваете в далекие города?»

«Время от времени. Я побывал в Крысином Фитиле и в Париковске — там, где Мёрн впадает в Виссель — и часто совершаю экскурсии по дельте Висселя».

«По сути дела, таким образом, вы — благодетель всех тех людей, которые иначе никогда бы не увидели эти экспонаты».

Гассун скромно приподнял большую белую ладонь: «Возможно. Никогда не думал об этом в таких выражениях — мне просто нравится моя работа. Мне нравится показывать другим свою коллекцию. Например, взгляните вот сюда: в этом шкафчике — окаменевший скелет огря! А здесь — транс-маска калькарского шамана! У меня есть даже средневековые серебряные монеты с Земли — они были древностями уже тогда, когда их привезли на Большую Планету!»

«Удивительно! Из всех плавучих театров ваш — поистине самый замечательный!»

Гассун поднял брови: «Вы назвали мой музей «плавучим театром»? Что ж, почему нет? Меня такое определение нисколько не оскорбляет».

«Судя по всему, вы не одобряете другие развлекательные заведения?»

Гассун поджал губы: «Не сомневаюсь, что они отвечают своему назначению».

«В Лантине я присутствовала на представлениях «Очарования Миральдры» и «Золотого фантазма Фиронзелле». В обоих случаях спектакли были поставлены искусно, со знанием дела».

«Не спорю. Но удалось ли вам уловить, в том или ином спектакле, хотя бы намек на интеллектуальную глубину? Нет? Я так и думал. Аполлон Замп — пижон; Пеплошторм — позер. Зрители покидают их театры, ничего не почерпнув. Следует ли удивляться тому, что столько народов, живущих по берегам Висселя, практически прозябают в варварстве?»

«По-видимому, вы считаете, что плавучие театры могли бы выполнять более конструктивную роль».

«Само собой! Подумайте о человеческом уме! Он может быть изумительно плодотворен, если используется надлежащим образом. С другой стороны, без упражнения интеллект атрофируется и превращается в желтовато-серый комок жира. Но почему бы нам не пройти ко мне в кабинет, где мы могли бы продолжить беседу в более комфортабельной обстановке?»

«С удовольствием».

В кабинете Гассун поспешно освободил от хлама одно из кресел: «Пожалуйста, садитесь. Не хотите ли выпить чашку чая? Одну минуту, я извещу своего секретаря». Гассун выглянул из кабинета и громко обратился к пустому коридору: «Берард, ты здесь? Будь так любезен, отвечай, когда тебя зовут! Приготовь свежий чай и подай его в кабинете. Завари смесь из красной банки».

Гассун вернулся к мадемуазели Бланш-Астер, изучавшей брошюру, найденную на столе. Гассун уселся, пододвинул кресло поближе к столу и скрестил руки на груди: «Значит, вы интересуетесь ботаникой?»

«В какой-то мере. Не буду притворяться, что я что-нибудь понимаю в этой монографии».

«Она написана на диалекте Северного фестона XIX. Как она попала в Кобль, проделав путь через три океана и два континента, не поддается представлению. Автор обсуждает вопрос о приспособлении к туземной флоре растений, импортированных с Земли, и приводит ряд любопытнейших примеров. Он приходит к тому выводу, что экзотические организмы, по окончании периода их безус-

ловного триумфа или абсолютного поражения, по-видимому умудряются, по выражению автора, «помириться с новым миром» — на протяжении последующих столетий наблюдается постепенная конвергенция, сближающая интродуцированные виды с автохтонными. В заключительной части автор задает вопрос: не происходит ли нечто подобное и с человеческими существами? При этом он указывает на ряд народностей, таких, как бодеды из Отходной долины, длинношее рюты и потемкинцы с Падрайческой горы, в которых уже заметна существенная эволюционная диверсификация».

«Никогда не слышала об этих племенах и о странах, где они обитают», — скромно призналась мадемуазель Бланш-Астер.

«Я могу показать вам эти страны на картах», — с готовностью предложил Гассун.

Стюард Берард, шаркая, зашел в кабинет с подносом в руках; небрежно опустив его на стол, он шмыгнул носом и удалился. Гассун прищелкнул пальцами, испытывая радостное предвкушение, и стал наливать чай в две черные керамические кружки. При этом он поднял брови и покосился на собеседницу: «Между прочим, с кем я имею честь заниматься чаепитием?»

«У меня очень длинное имя. Полезным сокращением может служить «мадемуазель Бланш-Астер Виттендор», — посетительница положила ботаническую монографию на стол. — Меня впечатляет ваше стремление информировать и просвещать обитателей берегов Висселя и его притоков. Отважный, идеалистический замысел!»

Гассун моргнул. Неужели он поставил перед собой столь амбициозную цель? Даже если нет, приятно было заслужить одобрение столь привлекательной и умной молодой особы: «По сути дела, я еще не приступил к осуществлению столь крупномасштабного замысла. Тем более, что лишь немногие располагают способностями и знаниями, достаточными для руководства подобным проектом».

«Что, в точности, вы намерены предпринять? Полагаю, в качестве операционной базы вы будете пользоваться своим достопримечательным судном?»

Гассун откинулся на спинку кресла и устремил взор в потолок: «Честно говоря, я еще не принял окончательное решение».

«О! Очень жаль!»

Гассун сложил пальцы домиком и задумчиво нахмурился: «Это не так уж просто. Практически всюду люди предпочитают развлечения, приносящие достоинство интеллекта в жертву халтурной показухе, которую им навязывают расхожие плавучие театры. Они набиваются битком в зрительные залы этих судов просто потому, что им не предлагают ничего лучшего».

«Уверена, что вы правы, — сказала мадемуазель Бланш-Астер. — Какого рода программу вы могли бы предложить?»

Гассун испугал ее, ударив кулаком по столу. Он воскликнул звенящим голосом: «Классику, конечно! Работы земных мастеров!» Смущенный своей горячностью, владелец музея взял кружку и выпил пару глотков чая.

Немного помолчав, мадемуазель Бланш-Астер заметила: «Мне стыдно, что я так мало понимаю в этих вещах» Гассун рассмеялся: «У меня слишком смелые мечты. Мои планы непрактичны».

«Вы несправедливы к себе, — мягко возразила мадемуазель Бланш-Астер. — Глубокая правда жизни вызывает отзыв в сердцах всех людей, в каком бы обличье она ни являлась. Мне, например, скучно иметь дело с поверхностными идеями и поверхностными людьми».

«Ваши чувства делают вам честь, — отозвался Гассун. — Не подлежит сомнению, что вы проникательны и разборчивы. Тем не менее, принимая во внимание все обстоятельства, просвещение, о котором я упомянул, потребовало бы определенных усилий от тех, кому оно могло бы принести пользу. Метафорой иногда охватываются две или три абстрактные идеи одновременно, персонажи обращаются с декламациями к неизвестным лицам или существам, язык отличается архаичностью и неопределенностью... Несмотря ни на что, однако, классическим пьесам свойственна особая напряженная содержательность». Гассун снова откинулся на спинку кресла и спокойно провел рукой по белой шевелюре, в связи с чем ее взъерошенность стала несколько несимметричной: «Я задаю себе вопросы, на которые нет ответа. Абсолютно ли искусство? Или это плоскость, пересекающая цивилизацию лишь в какой-то момент времени? Возможно, в каком-то фундаментальном смысле я спрашиваю: что несет ответственность за эстетическое восприятие — ум или сердце? Как вы могли уже догадаться, я склонен рассматривать вещи с романтической точки зрения — тем не менее, сложное искусство требует наличия аудитории, способной его воспринимать и понимать. Таково, по меньшей мере, обязательное условие».

Мадемуазель Бланш-Астер потягивала чай из керамической кружки: «Мне пришла в голову замечательная мысль... Может быть, мне не следовало бы о ней упоминать — вы подумаете, что я слишком много себе позволяю».

«Говорите, я буду рад вас выслушать! — радушно заявил Гассун. — Ваша заинтересованность доставляет мне большое удовольствие».

«То, что я скажу, самым удивительным образом совпадает с вашими устремлениями — настолько, что можно было бы даже предположить вмешательство Судьбы. Вы слышали о фестивале короля Вальдемара в Морнуне?»

«До меня доходили слухи об этом празднестве».

«Вчера я прибыла в Кобль на борту пассажирского судна. Одним из моих спутников оказался Аполлон Замп, бывший владелец «Очарования Миральдры»».

«Как вы сказали — «бывший»?»

«Да, он потерял свое судно в Голодном Порту. Но еще до этого он выиграл конкурс и получил приглашение на фестиваль в Морнуне от короля Вальдемара. Мое предложение заключается в следующем. Почему бы вам не отправиться в Морнун вместо Зампа и не выступить перед королем Вальдемаром? И я считала бы себя исключительно обязанной, если бы вы согласились взять меня с собой!»

Гассун моргнул и с сомнением погладил подбородок: «Это очень далекий путь».

Мадемуазель Бланш-Астер рассмеялась: «Подобные соображения, конечно же, не могут воспрепятствовать планам такого человека, как вы».

«Но насколько целесообразен ваш план? — почти жалобно спросил Теодорус Гассун. — В конце концов, приглашение получил Аполлон Замп, а не я».

Мадемуазель Бланш-Астер решительно заявила: «Замп будет сотрудничать — он надеется получить первый приз». Обольстительница наклонилась вперед и посмотрела Гассуну в глаза: «Разве это не замечательное приключение?»

«Да-да, разумеется, — сдавленно произнес куратор плавучего музея. — Но я не большой любитель приключений».

«Не могу в это поверить! Я чувствую в вас романтический пыл, перед которым все возрасты покорны!»

Гассун нервно одернул лацканы сюртука: «Я не так уж стар, если на то пошло».

«Нет, конечно нет. Человек стареет только тогда, когда отказывается от своих надежд».

«Никогда! — воскликнул Гассун. — О, никогда!»

Мадемуазель Бланш-Астер понимающе улыбнулась: «В пути я завязала знакомство с Аполлоном Зампом. Я могу привести его сюда, и из вашей встречи может получиться нечто поистине замечательное». Она поднялась на ноги.

Гассун тоже вскочил: «Неужели вы уйдете так скоро? Я прикажу заварить еще чаю!»

«Мне нужно найти Зампа. Теодорус Гассун, вы возбудили во мне прекрасную надежду и веру в будущее!»

«Идите же! — полнозвучно напутствовал ее Гассун. — Но возвращайтесь поскорее».

«Постараюсь».

Спустившись по трапу, мадемуазель Бланш-Астер медленно прошла по причалу Байнума, задумчиво опустив голову — гораздо более уязвимая и печальная персона, чем могли бы предположить Аполлон Замп или Теодорус Гассун. Остановившись, она обернулась, чтобы еще раз взглянуть на «Универсальный панкомиум». При этом она слегка поморщилась, испытывая ощущения, которые сама не посмела бы определить. Снова отвернувшись, она ускорила шаги и направилась к арке, ведущей в кривой узкий переулок, словно протиснувшийся зигзагами среди высоких зданий из потемневшего от времени дерева. По горбтому мостику она пересекла канал, заполненный зеленовато-черной водой. Дальше улицу перегородило строение с дюжиной беспорядочных мансард; с одной стороны подворотни под ним находилась лавка торговца целебными травами, с другой — небольшая переплетная мастерская. Из подворотни мадемуазель Бланш-Астер вышла на Бурсу — площадь, ширина которой уступала высоте окружающих домов. В центре площади, там, где установили прилавки четыре продавщицы цветов, ее должен был встретить Аполлон Замп, но его не было видно. Мадемуазель Бланш-Астер не проявила никаких признаков удивления или раздражения. Обозревая площадь, она заметила над булыжной мостовой вывеску с символическим изображением синего кита и направилась ко входу под этой вывеской.

В темном внутреннем помещении таверны «Голубой нарвал», так же, как и в прочих заведениях, выходивших на маленькую площадь, было тесно. Замп сидел за небольшим столиком на возвышении выступающей на улицу оконной ниши; заметив приближение своей сообщницы, он вскочил на ноги.

Мадемуазель Бланш-Астер позволила усадить себя за столик и придала лицу то безразличное выражение, которое, как показывал ее опыт, было наиболее целесообразным при общении с Зампом.

«Я только что посетила «Универсальный панкомиум», — сообщила она. — Там я встретилась с Теодорусом Гассуном. Я упомянула об обстоятельствах, в которых вы находитесь, и Гассун счел возможным сделать конструктивное предложение. Он готов отплыть в Морнун и участвовать в фестивале. Разумеется, его судно придется переименовать в «Очарование Миральдры», а вам придется притвориться его владельцем».

Замп нахмурился: «Я встречался с Гассуном. Он туп, как пень — и упрям, как осел».

«У него своя система ценностей, это правда. По сути дела, он отказывается давать легкомысленные и экстравагантные представления в том жанре, благодаря которому вы заслужили свою репутацию».

Замп был скорее удивлен, нежели раздражен: «Что, в таком случае, он имеет в виду?»

«Он желает исполнять классические трагедии древней Земли».

Замп устало махнул рукой: «Я не педант — что я понимаю в таких вещах?»

«Я тоже в них ничего не понимаю. Но у вас есть талант — вы умеете оживить любой материал».

«Вас мне не удалось оживить».

«Прежде всего оживитесь сами — и займитесь возрождением древних эпических трагедий, которые так нравятся Гассуну».

«И что дальше?»

Мадемуазель Бланш-Астер пожала плечами: «Тот, чье представление на фестивале понравится королю Вальдемару, получит большие деньги. Вы сможете построить самое великолепное судно, когда-либо плававшее по Висселю — или вы можете остаться в Морнуне и вести жизнь знатного бездельника».

Замп сидел, разглядывая собеседницу с нелицеприятной беспристрастностью. Некоторое время она терпела такую инспекцию, но уже начинала чувствовать себя неудобно: «Я сказала Гассуну, что вы скоро к нему придете, чтобы обо всем договориться».

Еще несколько напряженных секунд Замп молчал, после чего поднялся на ноги: «Мне нечего терять».

Они вышли из «Голубого нарвала», пересекли Бурсу и направились по зигзагообразному переулку к причалу Байнума. Там мадемуазель Бланш-Астер остановилась: «Дальше я не пойду. Будет лучше, если Гассун не увидит нас вместе. А теперь, пожалуйста, слушайте! Не ссорьтесь с Гассуном, не перечьте ему. Не оспаривайте его мнения и гипотезы, уступайте настолько, насколько это в ваших силах. Превыше всего, не торгуйтесь по поводу того, кто будет руководить предприятием — Гассун должен быть убежден в том, что экспедиция находится под его контролем. У нас мало времени, наша главная цель — в том, чтобы поскорее отправиться в плавание».

«Ваша цель, несомненно, заключается именно в этом, — проворчал Замп. — Мои цели не обязательно совпадают с вашими».

«Даже так? В чем расходятся наши цели?»

«Я не хочу свалить дурака в Морнуне. Если Гассун будет настаивать на какой-нибудь невозможной ахинее, почему бы я стал тратить время и усилия — только для того, чтобы вы загребали жар чужими руками? Вы дали ясно понять, что терпеть меня не можете».

«Нет, нет, нет! — воскликнула мадемуазель Бланш-Астер. — Я могу терпеть кого угодно, даже вас! Но я не могу брать на себя личные обязательства — не сейчас».

«Не сейчас и никогда».

Глаза мадемуазель Бланш-Астер сверкнули: «Почему вы так говорите? Потому что ваша хандра, ваше тщеславие, ваши щегольские привычки не вызвали у меня никакой симпатии? Взгляните на

себя со стороны, на свои соломенные кудри, на свои ужимки и пошлые любезности, на свои смехотворные шляпы!» Она топнула ногой: «Раз и навсегда, соберитесь с духом! Если вам удастся выиграть конкурс в Морнуне, вы разбогатеете — и такова будет ваша награда — а не мое восхищение, которое вы можете заслужить или не заслужить!»

Замп рассмеялся ей в лицо: «В одном я совершенно уверен: вы настолько же меня не понимаете, насколько я не понимаю вас. Можете восхищаться мной или не восхищаться, воля ваша — мне все равно. Как вы изволили заметить, награда в Морнуне будет выплачена железом — и я намерен это железо получить». Он отвернулся, разглядывая «Универсальный панкомиум»: «Теодорус Гассун, держись! Впервые в жизни тебе придется иметь дело со мной!»

Мадемуазель Бланш-Астер прикоснулась к его плечу: «Аполлон Замп».

Замп оглянулся через плечо: «Да?»

«Сделайте все возможное».

Замп сухо кивнул и размашистыми шагами направился к «Универсальному панкомиуму». Взойдя по трапу, он остановился перед закрытым турникетом у кассовой будки; через некоторое время в окошке появилась физиономия секретаря Берарда: «За вход полагаются полгроша, сударь».

«К чертовой матери твои полгроша! Я — Аполлон Замп! Сообщи Гассуну, что я хочу его видеть».

«Пройдите в музей, сударь. Маэстро Гассун занят оздоровительной гимнастикой и его нельзя беспокоить еще пять минут».

«Я подожду».

Замп стал прогуливаться вдоль витрин. Вскоре появился Гассун: «А, Замп! Рад вас видеть! Вы тоже изучаете карты?»

«Да — Бездонное озеро давно привлекает мое внимание».

«И мое тоже. Пройдем ко мне в кабинет?»

Замп уселся в кресло, которое мадемуазель Бланш-Астер занимала всего лишь два часа тому назад. Гассун налил две рюмки «Брио»: «Позвольте мне выразить соболезнования по поводу потери вашего судна».

«Благодарю вас. Беда постигла нас, конечно, по моей вине — я наивно доверился мерзавцу Пеплошторму. Тем не менее, я знаю, как заработать достаточно железа, чтобы купить новое судно — именно поэтому я и решил вас навестить». Замп вынул серебряную табличку и положил ее на стол перед Гассуном: «Тот, кому удастся развлечь короля Вальдемара на славу, получит несметное состояние».

«Что вы предлагаете?»

«Временно переименовать ваше судно в «Очарование Миральдры», нанять труппу, отправиться вверх по течению Висселя в Морнун и принять участие в конкурсе, чтобы выиграть первый приз».

Гассун медленно кивнул: «Примерно этого я и ожидал — причем, прошу заметить, ваше предложение вполне разумно. Тем не менее, я человек строгих и скромных привычек, а железа у меня больше, чем я когда-либо смогу потратить. Замп, у меня далеко идущие планы! Сегодня я беседовал с исключительно притягательной молодой особой по имени Бланш-Астер, и она покинула меня в необычном настроении. Я понял, что в моей жизни наступил своего рода застой, что я слишком сосредоточился в себе. Я в одиночестве наслаждался сокровищами литературы, которыми обязан делиться с другими. Теперь я хотел бы поставить на сцене несколько знаменитых шедевров земных классиков. Вы спросите: где мы найдем эти легендарные пьесы? Я отвечу: они хранятся здесь, в моей коллекции редких книг — не более, чем в пятидесяти шагах отсюда».

«В высшей степени любопытно! — отозвался Замп. — И что из этого следует?»

«Мое предложение заключается в следующем: я выберу, учитывая ваши полезные рекомендации, один или несколько таких шедевров, после чего мы исполним их в Морнуне. Если мы выиграем приз, так тому и быть! Если нас постигнет неудача, по меньшей мере мы сможем сказать, что сделали все, что могли».

Замп ответил: «Я не знаком с упомянутыми классическими произведениями. Откуда мне знать? Вполне возможно, что они принесут ошеломительный успех! В принципе я согласен с вашими условиями. Но я вынужден предъявить несколько требований со своей стороны. В частности, так как я твердо намерен победить на конкурсе в Морнуне, а вы не проявляете особой заинтересованности в получении денежной награды, всю организацию деталей подготовки спектакля, в том числе выбор персонала, а также костюмов, музыкального сопровождения и сценических декораций мне придется взять на себя».

Гассун высоко поднял белый указательный палец и произнес напряженно-дидактическим гнусавым тоном: «Но исключительно в рамках, предусмотренных оригиналом!»

Замп ответил жестом, означавшим полное отсутствие возражений: «А теперь — о судне. Естественно, нам потребуются подходящая сцена и скамьи для зрителей. Неплохо было бы придать всему судну в целом более праздничный вид. Несколько мазков розовой и зеленой краски, три дюжины вымпелов и сто метров красочных полотнищ обеспечат чудесное преобразование этого жуткого трухлявого гроба, набитого мертвечиной. Да, еще один вопрос: вы, без всякого сомнения — опытный, выдавший виды капитан и будете управлять судном по мере нашего продвижения вверх по Висселю — до самого Бездонного озера. Следующий отрезок пути вызы-

вает у меня большое беспокойство, и я хотел бы командовать судном вплоть до прибытия в Морнун, а по окончании представления на королевском фестивале я снова передам плавучий театр в ваше распоряжение».

«Ваши условия в какой-то мере разумны, — сказал Гассун. — Тем не менее, я должен предусмотреть дополнительные условия. Я хочу, чтобы нас сопровождала мадемуазель Бланш-Астер. Как вы справедливо заметили, необходимо соорудить сцену и скамьи для зрителей; тем не менее, я не намерен изменять планировку и экспозиции моего музея».

Замп с сомнением поджал губы: «Боюсь, что некоторые незначительные перестановки потребуются — хотя бы для того, чтобы установить закулисные механизмы. Кроме того, следует оснастить судно двумя ярусами предохранительных сетей и принять другие обычные меры предосторожности на случай нападения кочевников».

Гассун упрямо возражал: «В этом нет необходимости! На протяжении всей истории бродячие менестрели, поэты-грамотеи, барды, сказатели, друидийны и трубадуры пользовались привилегией неприкосновенности даже в самых опасных районах и в самые смутные времена. Такова общечеловеческая традиция — почему бы на Большой Планете дела обстояли по-другому?»

Замп попробовал «Брио»; проведя слишком много времени в бутылке, ликер приобрел отдающий плесенью привкус: «Ваши идеалы благородны и делают вам честь. Хотел бы я, чтобы кочевники придерживались столь же возвышенных принципов!»

Гассун улыбнулся и опорожнил свою рюмку с явным удовольствием: «Любого человека — последнего поддльца и озверевшего головореза — можно приветствовать с достоинством и прямотой, свидетельствующими о добрых намерениях, и он не нанесет вам ущерба. Рекомендуемые вами меры предосторожности не только расточительны — они излишни. Да воцарится мир во всем мире! Миру — мир! Мы приходим и уходим с миром!»

Замп отделался ни к чему не обязывающим кивком — с решением этой проблемы можно было подождать.

Гассун прокашлялся и налил в рюмки еще немного «Брио»: «Насколько я понимаю, вы познакомились с мадемуазелью Бланш-Астер в Лантине?»

«Весьма достопримечательная особа, на мой взгляд».

«Действительно, возникает такое впечатление».

«Откуда она, где она родилась и выросла?»

«Она никогда не высказывала никаких замечаний по этому вопросу. По сути дела, мы никогда не обсуждали в подробностях ее личные дела».

Гассун раздул щеки и устремил взор в пространство: «После стольких лет безмятежного существования меня охватило внезапное возбуждение».

«Меня тоже, — Замп поднял рюмку. — За успех нашего замечательного проекта!»

«За успех! — Гассун залпом отправил в глотку остатки подпорченного ликера и вытер рот рукавом. — Нам следует обсудить финансовую сторону вопроса. Сколько железа вы можете вложить в наше предприятие?»

Замп ошеломленно уставился на собеседника: «Я уже предложил вам свои способности, свой опыт и незаменимое королевское приглашение! Вы ожидаете, что я вложу еще какое-то количество железа?»

Рот Гассуна — розовая щель между длинным носом и длинным бледным подбородком — стал почти невидимым. Наконец он сказал: «То есть, вы не можете вложить никакого железа?»

«Ни гроша».

«Это неприятная новость. Нас ожидают существенные расходы».

«На сооружение сцены и скамей и на приобретение нескольких ведер краски? Не думаю, что такие расходы намного превысят ваши регулярные издержки на поддержание судна в пригодном к плаванию состоянии».

«Но потребуется собрать труппу, — упрямо настаивал Гассун. — А исполнителям придется время от времени что-то платить».

«Не вижу никакой проблемы! — притворился Замп. — Я давно научился иметь дело с подобными претензиями — а именно, полностью их игнорирую».

«Бесконечно откладывать оплату невозможно — исполнители перестанут выполнять свои обязанности».

«Мы извлечем доход по пути, выступая с представлениями — вы даже не заметите, как все издержки будут возмещены».

Гассун не был вполне убежден в таком повороте дела: «Возможно. Тем не менее, я не рассчитывал потратить такую большую сумму».

Замп раздраженно воздел руки к потолку и вскочил: «В таком случае проект придется выбросить за борт, потому что у меня буквально не осталось ни гроша. Прошу меня извинить, мне нужно уведомить мадемуазель Бланш-Астер о вашем отказе».

«Не спешите! — Гассун зажмурился и несколько секунд просидел в напряженном оцепенении. — В конце концов, вопрос о финансировании не так уж важен. Как вы упомянули, доход от представлений в промежуточных пунктах должен покрыть издержки».

Замп снова уселся: «Позвольте мне сделать одно замечание. Фестиваль в Морнуне начнется довольно скоро. Приготовлениями следует заняться немедленно».

Гассун откинулся на спинку кресла и закатил глаза так, что под зрачками стали видны белки глаз. Опять все предприятие зависело от его сиюминутного решения. Владелец музея вздохнул: «Давайте встретимся через несколько часов — и тогда обсудим наши планы в подробностях».

Замп сообщил мадемуазели Бланш-Астер о том, как прошло его совещание с Гассуном.

«Значит, он так-таки согласился», — тихо сказала она скорее самой себе, нежели Зампу.

«По всей видимости. Тем не менее, он может отказаться от своего решения».

Мадемуазель Бланш-Астер медленно покачала головой: «Он не откажется».

«Вас почему-то это не слишком радует».

Она снова покачала головой: «Я вынуждена делать все необходимое».

«Как всегда, ваши побуждения остаются для меня полной загадкой», — проворчал Замп.

Вместо того, чтобы обсуждать свои побуждения, мадемуазель Бланш-Астер спросила: «Где и когда вы снова встретитесь с маэстро Гассуном?»

«В «Матросской отраде», когда солнце опустится на плечо Прощальной горы».

«Я туда приду».

Глава 8

Не зная, чем заняться, Замп прогуливался по волнолому, бросая гальку в Догадочный залив. На западе береговая линия выступала в океан, заканчиваясь темным утесом, получившим наименование Прощальной горы. Расхаживая взад и вперед, Замп следил за перемещением Федры по небу и в конечном счете занял положение, позволявшее ему следить за набережной.

Точно в назначенное время он заметил приближение Гассуна и деловито направился к нему; они встретились у входа «Матросской отрады».

«Вы пунктуальны, — заметил Гассун. — А я придаю большое значение пунктуальности».

«О вас можно сказать то же самое, — отозвался Замп. — Надо полагать, мы оба отличаемся этим качеством».

«Счастлирое предзнаменование!» — Гассун первый зашел в таверну и сказал пару слов хозяину; тот провел их в небольшую частную гостиную с полукруглым окном эркера, выходящим на реку. Люстра из трех светильников и восьми линз висела над круглым столом, куда Гассун положил принесенный с собой кожаный чемоданчик. Тем временем Замп заказал у трактирщика сардельки и пиво.

Гассун уселся на один из стульев: «Я тщательно рассмотрел наши возможности». Многозначительно помолчав, он продолжил: «Наши цели вполне совместимы, но только в том случае, если мы безусловно согласимся по вопросу о стиле и качестве спектаклей».

«Несомненно! — отозвался Замп. — Само собой».

Гассун брезгливо отодвинул чемоданчик, чтобы освободить место на столе для принесенного трактирщиком подноса с пивом и сардельками: «Мое замечание не так банально, как может показаться. Я желаю пресечь в зародыше любые помыслы о клоунаде, вилянии задами и распевании баллад на злободневные темы, сочиненных с использованием фиктивного жаргона».

Замп развел руками: «Нет возражений — подписано и скреплено печатью».

Гассун крикнул и раскрыл кожаный чемоданчик: «Сегодня вечером я просмотрел свою коллекцию и выбрал несколько работ, которые могли бы соответствовать нашим целям».

Набивая рот сарделькой, Аполлон Замп протянул руку, чтобы взять один из томов; Гассун проворно отодвинул чемоданчик, чтобы Замп не мог его достать. Владелец музея произнес самым наставительным, дрожащим от напряжения тоном: «Запланированная программа чревата труднопреодолимыми препятствиями. С тех пор, как были написаны эти пьесы, язык изменился; изменились также многие условности и символика. Люди, не менее опытные и знающие, чем мы с вами, ломают голову над некоторыми малопонятными ссылками и намеками — как их поймут зрители, которые, даже если они проявят самый серьезный интерес, совершенно не подготовлены?»

Замп залпом проглотил значительное количество пива, поставил кружку на стол и вытер рот рукавом: «Как правило, мы развлекаем зрителей теми вульгарными представлениями, которые вы так презираете, и не возникает никаких проблем».

Гассун проигнорировал это замечание: «Мы можем адаптировать и редактировать пьесы, в какой-то мере искажая дух оригинала — или подходить к исполнению бескомпромиссно, доверяя способности публики к непосредственному восприятию. Что вы думаете по этому поводу?»

Замп вытер руки салфеткой: «Прежде всего мы должны стремиться заслужить одобрение короля Вальдемара. Поэтому спектакли должны быть, по меньшей мере, доступны его пониманию».

Гассун назидательно поправил партнера: «Наша основная цель — возрождение классики. Если король Вальдемар достаточно чувствителен и образован, он присудит нам главный приз».

«В таком случае, — задумчиво сказал Замп, — следует подготовить несколько программ, отвечающих различным возможным вкусам».

И снова Гассун возразил: «Было бы замечательно нанять большое количество опытных исполнителей и подготовить обширный, разнообразный репертуар. Излишне, однако, упоминать о том, что я не могу себе это позволить. Нам придется выбрать одну или две пьесы, постановка которых обойдется не слишком дорого. Например, вот пьеса под наименованием «Макбет» — она давно считается образцом классической трагедии».

С сомнением поджав губы, Замп пролистал несколько страниц древнего тома. Гассун следил за ним с каменным лицом. Наконец Замп сказал: «Мой опыт показывает, что публика предпочитает лютые зрелищные моменты многословным монологам и диалогам. Если бы мы могли дополнить некоторые сцены и сократить другие, и в целом сделать спектакль немного более красочным, возможно, что эта трагедия заслужит одобрение зрителей».

Гассун мягко заметил: «Это произведение, в том виде, в каком оно существует, выдержало испытание временем. Не забывайте,

что я намерен превзойти лучшие достижения обычных плавучих театров!»

Несмотря на твердое намерение не вступать в споры с Гассуном, Замп не сдержался и заартачился: «Мы на Большой Планете, здесь причуды и странности встречаются на каждом шагу! То, что приносит успех в одном городе, проваливается в тридцати километрах выше по течению. В Скивари на Мёрне народ проявляет склонность к истеричности; развеселившись по какому-нибудь поводу, они продолжают хохотать без остановки, в связи с чем предусмотрительный владелец плавучего театра предлагает им декламации теологических трактатов. В Бером-Куротраве мужские роли обязаны исполнять женщины, а женские — мужчины; не спрашивайте меня, почему, но они настаивают на том, чтобы драмы исполнялись именно так. В городах ниже по течению, таких, как Ветербург, Моисеев Порт, Порт-Оптимо, Блесковер и Крысиный Фитиль, возникает меньше проблем; тем не менее, у обитателей каждого из этих селений свои предрассудки, которыми пренебрегать опасно».

Гассун поучительно поднял указательный палец: «Вы упускаете один важный момент: тот факт, что жители всех этих городов — люди. Их восприятие, их инстинкты по существу одинаковы, все они...»

В дверь постучали. Гассун вскочил, слегка приоткрыл дверь, выглянул наружу и распахнул дверь настежь: «Заходите, будьте, как дома!»

В комнату зашла мадемуазель Бланш-Астер. Гассун предложил ей стул: «Пожалуйста, садитесь. Не хотите ли бокал вина? Или одну из этих сарделек — они вполне съедобны. Вас заинтересует наш разговор. Мы обсуждаем эстетические принципы и, признаться, зашли в тупик. Я утверждаю, что искусство универсально и вечно. Маэстро Замп — надеюсь, я правильно формулирую его точку зрения — считает, что локальные идиосинкратические предпочтения опровергают мою теорию».

Мадемуазель Бланш-Астер сказала: «Возможно, вы оба правы».

Брови Гассуна сомкнулись: «Не отрицаю, это возможно. В таком случае наша задача заключается в том, чтобы преодолеть отсталость и ограниченность, вызванные местными традициями».

«Все, чего я хочу — получить награду на конкурсе в Морнуне», — угрюмо заметил Замп.

«Я вас прекрасно понимаю! Тем не менее, мы обязаны сосредоточиться на важнейшей цели. Вполне может быть, что лучше будет...»

Замп вздохнул и поднял руку: «Если мы не согласимся по поводу фестиваля в Морнуне, наше сотрудничество прекратится прежде, чем начнется».

«Это было бы достойно сожаления, — сказал Гассун. — Тем не менее, вам придется сообразовываться с моими указаниями. Мадемуазель Бланш-Астер и я намерены преследовать свои собственные цели».

Мадемуазель Бланш-Астер вмешалась: «По-моему, победа на конкурсе в Морнуне имеет огромное значение, хотя бы для того, чтобы приобрести престиж. В данном случае я согласна с маэстро Зампом».

Лицо Гассуна осунулось. «Несомненно, такая победа способствовала бы укреплению нашей репутации, — неохотно признал владелец плавучего музея. — Что ж, я считаю, что нам следует положить на классическую трагедию «Макбет» как на основу программы».

Замп сомневался в целесообразности такого выбора: «Что, если король Вальдемар терпеть не может трагедии? Что, если он обожает забавные попури вроде тех, что исполнялись на борту сгоревшей «Миральдры»? Нужно подготовить две — или, что еще лучше, три программы. Если вы настаиваете, мы отрепетлируем «Макбет», но не помешает иметь про запас что-нибудь веселое, зрелищное, с живым музыкальным сопровождением».

«Вопрос о расходах не позволяет забывать о сдержанности, когда речь идет о расширении репертуара, — заявил Гассун. — Я не самый богатый человек в фестоне XXIII». Владелец музея перебрал несколько книг, лежавших в чемоданчике: «Вот опера в двух актах, «Фрегат «Пинафор»» — насколько я понимаю, комического характера, хотя ее авторы явно не отличались широтой взглядов».

«Не следует беспокоиться по поводу широты взглядов — постольку, поскольку музыка понравится публике».

Гассун шмыгнул носом и отложил партитуру «Фрегата»: «А вот очень странное сочинение: «Критика чистого разума»; насколько мне известно, ему придавали большое значение».

Аполлон Замп заглянул в эту книгу: «Это можно было бы исполнять только в форме костюмированной аллегии или декламации дифирамбов».

«Могу предложить еще один опус...»

Дискуссия продолжалась еще два часа, и в конечном счете было достигнуто соглашение — и Замп, и Гассун пошли на определенные уступки. Зампу пришлось отказаться от программы забавных попури, а Гассун обязался закупить значительно более роскошные костюмы и декорации для «Макбета», чем намеревался первоначально. Замп старался держать свое мнение при себе, но считал сочинение Шекспира слишком серьезным для рядовой публики и намеревался непременно вставить в нее какие-нибудь развлекательные и зрелищные интерлюдии; так или иначе, Гассун лишний раз убедился в грубости и вульгарности вкусов Зампа. Мадемуазель Бланш-Астер мало интересовалась их аргументами, рас-

смотря гравированные иллюстрации в потрепанном томе «Потерянного рая» — Аполлон Замп хотел инсценировать эту поэму, но Гассун отказывался, ссылаясь на непомерные расходы, связанные с изображением ада и населяющих его демонов. Гассун неохотно предоставил Зампу полномочия, связанные с практическим руководством постановкой «Макбета», взяв на себя ответственность за навигацию. При этом Гассун сохранял право на контроль режиссуры и предоставление рекомендаций. «Я настаиваю на самом тщательном подходе, — заявлял владелец плавучего музея. — Мы не можем себе позволить неряшливое исполнение. Каждая деталь должна быть выпуклой и четкой, как алмаз, каждый жест должен безошибочно выражать ту или иную эмоцию, молчание должно нести в себе больше смысла, чем слова». Разгоряченный обсуждением этой темы, Гассун вскочил со стула и принялся расхаживать из угла в угол. Мадемуазель Бланш-Астер сопровождала его глазами, как загипнотизированный раскачивающейся коброй кролик, медленно поворачивая голову налево и направо.

Замп потерял интерес к разглагольствованиям Гассуна и внимательнее пригляделся к строкам «Макбета». Он был вынужден признать, что пьеса внушала странное, нереальное ощущение, которое он мог бы уловить и воспроизвести, если бы внес несколько изменений и добавил кое-что от себя.

Гассун остановился на полпути из одного угла гостиной в другой и нахмурился, глядя на Зампа сверху: «Надеюсь, перечисленные мною семь условий — или, точнее говоря, строгих ограничений толкования текста — совпадают с вашей точкой зрения?»

«Ваши взгляды отличаются множеством достоинств, — рассеянно отозвался Замп. — Не могу не заметить, однако, что в этом издании нет партитуры музыкального сопровождения».

Гассун наклонился, разглядывая древний том: «Действительно! Жаль».

«Ничего страшного. Концертмейстер найдет что-нибудь подходящее».

«Концертмейстер? Вы думаете, нам придется содержать еще и музыкального руководителя?»

Замп вопросительно развел руками: «На дирижере, конечно, свет клином не сошелся. Но он освободил бы меня от необходимости репетировать с оркестрантами».

«Эту обязанность может взять на себя самый компетентный из оркестрантов, — решил Гассун. — Или, если возникнет такая необходимость, я сам могу проводить репетиции — я готов сделать все возможное, чтобы избежать лишних расходов».

«Об экономии средств нельзя забывать ни в коем случае, в связи с чем вместо того, чтобы выбрасывать деньги на ветер, ночуя в гостинице, я переселюсь в каюту новой «Миральдры» — отныне ваше судно следует называть именно так».

Гассун неохотно согласился с таким планом. Мадемуазель Бланш-Астер тихо спросила: «Может быть, я тоже смогу выполнять какие-нибудь обязанности?»

«Очень великодушно с вашей стороны! — заявил Гассун. — Тем не менее...»

«Мадемуазель Бланш-Астер могла бы руководить обслуживанием трупы и команды — проверять качество запасов провизии, следить за тем, чтобы в каютах и спальнях было удобно, чтобы все было в порядке в салонах и так далее».

«Эту функцию я возьму на себя, — возразил Гассун. — Я уже много лет занимаюсь бухгалтерским учетом и распределением денежных средств. Но почему бы мадемуазель Бланш-Астер не могла исполнять какую-либо роль в нашей трагедии? Например, роль самой леди Макбет?»

«Превосходная идея!» — воскликнул Замп.

Мадемуазель Бланш-Астер не возражала: «Сделаю все, что смогу».

«Значит, завтра я займусь набором трупы, — заключил Замп. — Естественно, с этой целью потребуется открыть счет для оплаты расходов».

По этому вопросу немедленно разгорелся новый спор, и его удалось согласовать только через двадцать минут, причем решение не удовлетворило полностью ни Зампа, привыкшего к довольно-таки расточительному образу жизни, ни Гассуна, не желавшего платить за прихоти Зампа. Когда они покидали «Матросскую отраду», необходимость рассчитаться за сардельки и пиво, поглощенные Зампом, вызвала у Гассуна дополнительное раздражение.

Глава 9

На причале неподалеку от Бурсы Замп нанял зеленый плоскодонный ялик с навесом из парусины в зеленую и белую полоску, и его повезли по каналам Кобля мимо четырехэтажных строений из темных бревен и вечно пришвартованных жилых барж, под нависшими над водой сливовыми ивами и строгими черными лантанами. Взойдя на причал Тассельмайера, Замп прошел по Звучной улице, где устроилось множество небольших мастерских, изготавливавших музыкальные инструменты и поставлявших их торговцам по всему побережью Догадочного залива до самого Лойленда, а также во многие города и поселки фестона XXIII.

Перед входом в ветхое здание «Клуба музыкантов» Замп заметил нескольких исполнителей из своей бывшей труппы, очевидно не сумевших найти работу в театре Гарта Пеплошторма. Игнорируя их присутствие, Замп вывесил на доске объявлений такую афишу:

«Новый плавучий театр «Очарование Миральдры» под управлением Аполлона Зампа, победителя конкурса в Лантине, готов предоставить работу нескольким превосходным, демонстрирующим разносторонние способности музыкантам, способным играть на нескольких инструментах, таких, как ревгорн, скридель, каденсивер, варибум, эльфлейта, литавры, гитара, дульциоль, гептагонг и зинфонелла.

Прослушивания проводятся на борту «Очарования Миральдры» (бывшего «Универсального панкоммума») у причала Байнума.

Оркестр, сформированный по окончании прослушиваний, примет участие в замечательной, доселе невиданной программе, которая будет представлена перед королем Вальдемаром на Большом Фестивале в Морнуне.

Рассматриваются кандидатуры только преданных своему делу исполнителей-виртуозов. Предусмотрено надлежащее вознаграждение».

Замп не успел закрепить афишу кнопками, как через его плечо стали заглядывать, оттесняя друг друга, все присутствующие музыканты, торопившиеся прочесть объявление — за исключением

некоторых бывших оркестрантов Зампа, либо притворявшихся незаинтересованными, либо испытывавших смущение.

Замп отвечал на вопросы кратко и деловито: «Оркестрантов нанимают на длительный срок или даже бессрочно»; «Предлагаются вполне комфортабельные условия проживания»; «Да, мы несомненно будем выступать в Морнуне, и я надеюсь получить главный приз»; «Какая-то часть награды будет распределена между участниками труппы и оркестрантами»; «Безопасность? Охрана? Судно будет оборудовано эффективными современными средствами защиты — я не предвижу в этом отношении никаких проблем»; «Прослушивания начинаются сегодня, с третьим ударом гонга после полудня».

Замп вернулся к зеленому ялику, и его отвезли к «Клубу общества акробатов, мимов и фокусников», где он вывесил вторую афишу и ответил на множество вопросов примерно того же рода. Уходя, Замп столкнулся лицом к лицу с «великим чародеем» Виливегом.

В костюме из черного габардина, в темно-сером плаще мышастого оттенка, в заливчатой кепке с длинным козырьком, красуясь драгоценными перстнями на пальцах и серьгами в ушах, Виливег явно ни в чем не нуждался. Увидев Зампа, он сухо кивнул и хотел было пройти мимо, но Замп задержал его: «Один момент, Виливег! Я хотел бы с тобой поговорить».

«У меня мало времени, — ответил фокусник. — К сожалению, не могу себе позволить роскошь продолжительной беседы».

«Возник вопрос, требующий неотложного решения, — настаивал антрепренер. — Зачем стоять на проходе? Давай отойдем в сторонку».

Виливег с досадой топнул ногой: «Я что-то не припомню, чтобы у нас с вами были какие-то срочные дела».

«Я освежу твою память», — ласково сказал Замп и отвел фокусника под локоть в угол веранды, скрытый от посторонних взоров декоративным ограждением из папоротников.

«По всей видимости, тебе не удалось получить работу в театре Пеплошторма?» — спросил Замп.

«А! — махнул рукой Виливег. — Пеплошторм, подобно многим другим судовладельцам, много обещает, но проявляет скупость и неуступчивость, как только доходит до дела».

«Тем не менее, ты очевидно не страдаешь от недостатка средств, — заметил Замп. — На тебе новый костюм и блестящие новые сапоги».

Виливег раздул щеки: «У меня достаточные сбережения».

«Драгоценное украшение на твоей кепке мне о чем-то напоминает, — продолжал Замп. — Не могу ли я на него взглянуть поближе?»

«Еще чего! Почему бы я стал приводить в беспорядок свой наряд? — возмутился фокусник. — А теперь, с вашего позволения...»

«Не спеши, не спеши! — остановил его Замп, многозначительно усмехнувшись. — Меня интересует также серебряная застёжка с топазом, скрепляющая воротник твоего плаща. Она удивительно похожа на ту, которую ты у меня украл. Короче говоря, будь так добр, верни мое имущество — прежде чем я отрежу тебе уши двумя взмахами рапиры».

Виливег разразился неизбежными протестами и жалобами, но в конечном счете Замп заставил его отдать несколько драгоценностей, а также поясную сумку, содержавшую сто двенадцать железных грошей.

«Перейдем к другому вопросу, имеющему непосредственное отношение к нашим делам, — сказал Замп. — Я снова набираю труппу — обрати внимание на афишу, которую я только что вывесил. Вполне может быть, что мне удастся вставить в «Макбет» сцену с участием ловкача, выделяющего различные трюки. Если тебя интересует такая роль, потрудись явиться на причал Байнума завтра утром».

«Вы отобрали у меня сбережения, накопленные за всю жизнь, — ледяным тоном отозвался Виливег. — Теперь мне снова придется работать. Что ж, по меньшей мере я нашел надежного работодателя, готового помочь коллеге, оказавшемуся в бедственном положении». Фокусник попытался обнять Зампа, но тот проворно отступил на пару шагов, проверил, остались ли драгоценности у него в кармане, и спустился с веранды.

В другом квартале Кобля Замп вывесил третью афишу, объявляющую о возможности набора в труппу нескольких изящных девушек, умеющих петь и танцевать. Антрепренер вернулся к причалу Байнума в прекрасном настроении. Может быть, потеря его чудесного судна оказалась не столь беспроектной катастрофой. Перед ним стояли новые трудные задачи; если он их решит, вознаграждение превзойдет все его прежние надежды! Жизнь слишком коротка для того, чтобы предаваться пессимизму или бездейственному самоуспокоению!

На причале, однако, он удивленно остановился. Где были плотники, маляры, такелажники, поставщики провизии? Они давно уже должны были быть здесь и заниматься своими делами! Замп промаршировал вверх по трапу, игнорируя Берарда, снова потребовавшего плату за вход, и нашел Гассуна, водившего группу посетителей по выставке старинных костюмов. «Нет ничего любопытнее манеры одеваться, — декламировал нараспев Гассун. — Из всех символов, используемых мужчинами и женщинами с тем, чтобы выразить себя, ничто не служит этой цели так изысканно, и в то же время так откровенно, как одежда, которую они выбирают на маскараде жизни... Да, Замп?» Гассун наконец заметил настойчивую жестикуляцию партнера.

«Мне нужно обменяться с вами парой слов».

«Будьте так добры, подождите в моем кабинете».

Раздраженный Замп, однако, поднялся на бак. Минут через двадцать, выглянув на палубу, Гассун заметил Зампа и присоединился к нему.

«Я же просил вас подождать в кабинете! — пожаловался владелец музея. — Мне пришлось вас искать по всему кораблю!»

Замп сдержал взрыв негодования: «Где рабочие? Я ожидал увидеть бурную деятельность, но все словно под землю провалилось».

«Тому есть основательные причины, — ответил Гассун. — Проект выходит за рамки моих возможностей. Я не могу себе позволить подобные затраты».

Замп крепко сжал зубы: «Кажется, мы обо всем договорились — вы сами хотели отправиться в дальнее плавание, просвещать публику, участвовать в фестивале».

«Всеу свое время. Нам придется удовольствоваться более скромной программой. Мадемуазель Бланш-Астер и я будем зачитывать вслух произведения классиков в городах по берегам Виссе-ля. Нет никакой необходимости нести большие расходы и пускаться во все тяжкие».

«Ага! — воскликнул Замп. — И мадемуазель Бланш-Астер согласилась с вашими планами?»

«Не сомневаюсь, что они соответствуют ее намерениям. У нее редкостная, чувствительная душа, она разделяет мою любовь к богатству содержания, к правдивому изображению действительности, к подлинному искусству».

«Сейчас мы проверим, так ли это, — проворчал Замп. — Она уже поднимается на палубу».

Так же, как Замп, мадемуазель Бланш-Астер была очевидно озадачена отсутствием всякой деятельности на борту судна. Гассун поторопился ответить на ее еще не высказанный вопрос: «Дорогая моя, как я рад вас видеть! Я предусмотрел некоторое изменение наших планов, которое несомненно вам понравится. Путь в Морнун далек и труден. Экстравагантная программа выступлений, предложенная Зампом, обойдется в кругленькую сумму — и, в конечном счете, нас прежде всего интересует возрождение классических искусств, а не тщеславие...»

Мадемуазель Бланш-Астер холодно спросила: «Вам уже наскучили дерзкие надежды?»

«Наскучили? Ни в коем случае! Тем не менее, следует учитывать расходы — переоборудование судна и закупка запасов обошлись бы в астрономическую сумму. Теперь я предлагаю гораздо более скромную программу...»

Мадемуазель Бланш-Астер передала ему кошель из расшитого узорами зеленого шелка: «Здесь примерно килограмм железа. Этого хватит? У меня больше ничего нет».

Гассун напрасно пытался что-то сказать, перекладывая кошель из одной руки в другую, как горячую картофелину: «Конечно, конечно... Имеются достаточные средства, но мне казалось...»

«У нас нет времени на колебания, — заявила мадемуазель Бланш-Астер. — В Морнуне скоро начнется фестиваль, мы должны срочно готовиться к отплытию. Вы уверены, что этого железа хватит на покрытие расходов?»

«Ваша щедрость поразительна! — вмешался Замп. — Учитывая весомый вклад, который готов внести маэстро Гассун, мы сможем поставить спектакль, который не только развлечет, но просто ошеломит короля Вальдемара!»

Теодорус Гассун воздел руки к небу: «Ладно, пусть будет по-вашему!» Тяжело вздохнув, он прибавил: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж... Берард! Зови плотников! Музей закрыт, никаких посетителей! Предстоит много работы!»

Глава 10

Через две недели на борту бывшего «Универсального панкомиума» многое изменилось. Гассун неохотно согласился освободить ближайшие к носовой части судна экспозиции музея, чтобы можно было соорудить сцену, а бак перестроили так, чтобы на нем разместились скамьи. Синие, желтые и красные обводы оживили черно-белую покраску; мачты надраили и покрыли лаком; оттяжки и ванты украсили множеством ярких выпелов, гирлянд из флажков, транспарантов и флюгеров с изображениями магических символов. В общем и в целом, мрачноватое старое судно, стоявшее у причала Байнума, приобрело щеголеватый вид.

Замп набрал труппу, по его мнению отвечающую целям партнеров, хотя Гассун громко протестовал, когда на борт взошли шесть грациозных девушек-мимов: «В какой сцене трагедии потребуются шесть подобных представительниц женского пола? В пьесе нет никакого упоминания о чем-нибудь подобном!»

«Исполнителям главных ролей требуется сценическое сопровождение, — отвечал Замп. — Почему оно обязательно должно состоять из костлявых, беззубых мегер?»

«А почему оно обязательно должно состоять из рыжих менад-вертихвосток?» — парировал Гассун.

«Привлекательные существа украшают спектакль, — разяснял Замп. — Кроме того, я намерен извлечь все возможные преимущества из имеющихся ссылок на пиры и празднества — разумеется, ни на йоту не отклоняясь от авторского замысла. Девушки придат правдоподобность соответствующим сценам».

Гассун выдвинул множество других возражений, но в конце концов удалился, бормоча себе под нос и размахивая руками.

Мадемуазель Бланш-Астер прилежно разучивала роль леди Макбет, тогда как Аполлон Замп взял на себя роль самого Макбета. Гассун согласился сыграть Дункана, а Виливегу поручили исполнять роль Банко, причем Замп придумал несколько новшеств, позволявших воспользоваться особыми талантами фокусника.

На репетициях Замп пытался упростить и модернизировать некоторые явно устаревшие выражения — и снова столкнулся с сопротивлением Гассуна, наставлявшего на точном воспроизведении оригинала. «Все, что вы говорите, прекрасно и замечательно! — восклицал Замп. — Но произнесенные на сцене слова должны быть

понятны. Какой смысл представлять трагедию, если она будет приводить зрителей в замешательство?»

«Вашему воображению недостает поэзии, — резко возражал Гассун. — Неужели вы не можете представить себе драму, полную намеков и грез, намного превосходящих послужившие основой вашей репутации кривляния, спазмы и вопли, возбуждающие не более чем животные инстинкты?»

«Упомянутые вами особенности моей режиссуры позволили мне получить приглашение короля Вальдемара, — с достоинством отвечал Замп. — Следовательно, к ним следует относиться с уважением».

«Прекрасно! Занимайтесь банальным вздором на фестивале короля Вальдемара, если вам так приспичило, но в остальном я отказываюсь идти на какие-либо уступки!»

Ряд проблем возник в связи с музыкальным сопровождением. Гассун утверждал, что трагедия не нуждается в музыке; Замп, однако, ссылаясь на встречающиеся в тексте упоминания о музыке, песнях, а также о фанфарах, наигрышах на гобое, ударах гонга и тому подобных звуковых эффектах, наличие которых Гассун не мог отрицать.

«Наш девиз — аутентичность! — провозглашал Гассун. — Так как Шекспир упоминает о гобоях, горнах и гонге, аккомпанирующий пьесе оркестр, по всей видимости, должен состоять только из этих инструментов».

Замп отказывался подчиниться таким ограничениям, чем, скорее всего, объяснялся очередной приступ упрямства Гассуна, когда настало время точно определить дату отплытия из Кобля. «Главное — не опоздать в Морнун, — горячился Замп. — Лучше прибыть на три дня раньше и уже тогда починить механизм, опускающий занавес, чем опоздать на три дня, когда уже не будет иметь никакого смысла ни поднимать, ни опускать занавес!»

«Лихорадочная спешка приводит к ошибкам и упущениям, — предупреждал Гассун. — Я не отношусь к категории людей, выбегающих голышом на улицу, как только они почуют запах дыма. Именно здесь, в Кoble, следует отладить оборудование и удостовериться в приемлемом качестве исполнения. Я не намерен подвергать напрасному риску свою жизнь, свое судно и успех нашего спектакля только потому, что вы не можете успокоиться».

«Почему я вынужден напоминать вам снова и снова, что наше сотрудничество основано исключительно на перспективе получить награду в Морнуне?»

«Я готов учитывать любые ваши пожелания, — самым сухим тоном отвечал Гассун, — постольку, поскольку придается значение моим собственным намерениям».

В конце концов Гассун согласился отчалить сразу после окончания ежегодной ярмарки в Кoble — до открытия ярмарки остава-

лось два дня. «Толпа приезжих соберется на премьеру, — рассуждал Гассун. — Мы сможем дать еще несколько представлений, и поступления позволят покрыть хотя бы какую-то часть чудовищных расходов, которые меня заставили понести».

Перспектива выгодно воспользоваться скоплением народа на ярмарке привлекала в Кобль и других импресарио. Вечером того же дня в порт зашел «Золотой фантазм Фиронзелле» — с плещущими на ветру красными и лиловыми хоругвями вдоль мачтовых оттяжек, с мигающими цветными огнями на верхушках мачт, с оркестром, играющим бодрящие марши на баке. «Золотой фантазм» пришвартовался к причалу Зульмана, в ста метрах к северу от новой «Миральдры», и уже через несколько минут Гарт Пеплошторм нанес церемониальный визит. Он поднялся на палубу, всем своим видом выражая изумление: «Теодорус Гассун! Вы нисколько не изменились — чего нельзя сказать о старом солидном «Универсальном панкомиуме». Его невозможно узнать! Как вы его разукрасили!»

Гассун указал широким жестом на Зампа, спускавшегося по лестнице с квартердека: «В том, что касается этого преобразования, заслуга целиком и полностью принадлежит моему партнеру».

Пеплошторм рассмеялся от неожиданности: «Аполлон Замп! Мне говорили, что вы устроились танцовщиком-стриптизером на борту «Двух Варминиев»!»

«Это вторая «Миральдра», — сдержанно пояснил Замп. — А когда я вернусь из Морнуна, я намерен построить самый чудесный плавучий театр в истории Большой Планеты: третью «Миральдру»».

Лицо Гарта Пеплошторма омрачилось тревожным недоумением: «Вы все еще намерены отправиться в рискованное плавание по Верхнему Висселю и Бездонному озеру?»

«Рискованное? — резко спросил Гассун. — Почему рискованное?»

«Искусный навигатор может, конечно, избежать подводных камней, не сесть на мель и преодолеть пороги. Но хуже всего речные пираты и акгальские охотники за рабами, которыми буквально кишат северные районы. Как вам известно, они обосновались в Гаркене».

«Судно оснащено самым современным оборудованием, — парировал Замп. — Для нас акгалы не опаснее речных собачек».

«Завидую вашей уверенности, — сказал Гарт Пеплошторм. — И восхищаюсь вашей отвагой! Что касается меня, я планирую безмятежное плавание вверх по Суаноллю». Пеплошторм посмотрел по сторонам: «Вы внесли сотни изменений. Что вы будете исполнять? Прежние программы?»

«Ни в коем случае! — заявил Гассун. — Мы предложим ряд произведений земных классиков — работы, пережившие столетия!»

«Любопытно, любопытно! И когда состоится ваше первое представление?»

«Через два дня».

«Я обязательно приду, по меньшей мере на премьеру, — пообещал Пеплошторм. — Кто знает? Может быть, почерпну что-нибудь полезное».

Пеплошторм удалился. Гассун капризно заметил: «Вы настойчиво заверяли меня, что Верхний Виссель совершенно безопасен! А теперь Пеплошторм рассказывает леденящие кровь истории про работоторговцев!»

«Пусть говорит все, что хочет! — презрительно обронил Замп. — Его побуждения очевидны».

Замп присутствовал на вечернем представлении «Золотого фантазма Фиронзелле», и ему пришлось признать, что постановка отличалась теми же качествами, что и сам Гарт Пеплошторм — вкрадчивой приятностью, уравновешенной обходительностью и элегантностью.

По окончании спектакля Замп прошелся по причалу к «Эстуриальной таверне», где любили собираться актеры плавучих театров. Захватив кувшин пива, антрепренер уселся в углу потемнее.

Исполнители начинали заходить в таверну, по одиночке и группами по два-три человека. Замп заметил некоторых бывших участников своей труппы, и среди них — Вильвера-Водомера, изображавшего чудесное «хождение по воде аки по суху» с помощью стеклянных ходулей. К нему присоединились Гандольф и Тимас, два самых невероятных уroda из ансамбля сгоревшей «Миральдры». Усевшись неподалеку от Зампа, Вильвер, Гандольф и Тимас подозвали официанта и заказали пиво. Некоторое время Замп не слышал с их стороны ничего, кроме позвякивания кувшина и кружек; благодаря какому-то локальному акустическому эффекту звуки доносились до его ушей на удивление разборчиво, и он не пропустил ни слова из последовавшего разговора.

«Да ниспошлет нам судьба здоровье и процветание!» — провозгласил тост Вильмер-Водомер.

После непродолжительной паузы Гандольф меланхолически заметил: «Боюсь, мы выбрали неудачную профессию».

Тимас отозвался: «Проблема не в профессии как таковой, а в хищниках, выжимающих из нас последние соки и набивающих карманы железом».

«Верно! Трудно сказать, кто из них подлее всех, хотя, конечно, можно было бы назвать несколько имен. Причем Аполлон Замп такой же беспардонный мерзавец, как все остальные».

«Не следует забывать и чистоплюя Пеплошторма. Вы заметили, как он одергивает сюртук и приглаживает волосы прежде, чем осмелится взглянуть в зеркало?»

«В том, что касается наглого мошенничества, я все-таки выдвигаю на первое место кандидатуру Зампа. Изворотливостью он превосходит двуглавую плевучую змею, скользящую по льду».

«По-моему, Пеплошторм коварнее и злопамятнее. Замп оскорбительно скуп, но его жадность по меньшей мере откровенна».

«Как бы то ни было, — вздохнул Гандольф, — какой смысл об этом рассуждать? Ты останешься в театре Пеплошторма? Он собирается в турне по верховьям Суаноля, до самой Черной Ивы».

«Нет, в окрестностях Черной Ивы мне трудно дышать, там какая-то гадость в воздухе. Кроме того, Пеплошторм меня уволил».

«Меня тоже».

«Вот как! Получается, что разбойник Пеплошторм всех нас выкинул на улицу!»

Замп снова услышал стук кружек, опускающихся на стол, после чего заговорил Вильвер: «Значит, нам придется все начинать заново — или нищенствовать на приколе в Кобле».

Гандольф угрюмо крикнул: «Пресловутый экскремент цивилизации, Аполлон Замп, чтоб его дьявол побрал, набирает новую труппу. Надо полагать, он будет приветствовать нас с распростертыми объятиями».

«Меня ему приветствовать не придется! — воскликнул Тимас. — Я лучше буду плести корзины всю оставшуюся жизнь, чем прислуживать этому болтливому прохвосту!»

«Я тоже не поступлюсь своей честью! — поддержал его Вильвер. — Выпьем еще пива?»

«С удовольствием выпил бы еще, но у меня не осталось железа».

«У меня тоже».

«В таком случае пора уходить».

Три приятеля направились к двери и вышли на набережную. Замп допил пиво, оставшееся в кувшине, и уже вставал, опираясь ладонями на стол, но в этот момент в таверну зашла мадемуазель Бланш-Астер в сопровождении Теодоруса Гассуна. Замп тут же опустился на скамью, передвинулся ближе к стене и надвинул кепку на лоб. Заметив свободный стол — тот же, за которым беседовали Вильвер-Водомер и два урода — Гассун с безукоризненной галантностью повел к нему свою спутницу.

«Присаживайтесь, моя дорогая, — приговаривал он. — Рад познакомить вас с этим традиционным убежищем актеров плавучих театров. Взглянув вокруг, вы увидите участников труппы Пеплош-торма, а также нескольких исполнителей, нанятых нашим скромным предприятием. Чем вы хотели бы освежиться?»

«Мне достаточно чашки чая».

«Ну что вы, моя дорогая! Разве вы не желаете попробовать что-нибудь согревающее, проникающее в душу, более интимное — если можно так выразиться?»

«Нет, только чаю, пожалуйста».

Наступило непродолжительное молчание; судя по всему, мадемуазель Бланш-Астер разглядывала посетителей таверны: «Почему вы меня сюда привели?»

«Потому что я хотел с вами поговорить. На борту моего судна проказник Замп подслушивает за каждым углом, словно прячется одновременно в четырех местах. Куда ни взгляну, везде появляется его лукавая рожа».

«Так что же вы хотели сказать?»

«Один момент! Вот идет официант». Гассун заказал чай и небольшую бутылку вина, после чего снова обратился к собеседнице: «Вы играете главную роль в нашем спектакле. Как вам нравится эта пьеса?»

«По меньшей мере, она производит глубокое и неповторимое впечатление».

«Вполне может быть — но можно ли назвать ее произведением искусства?»

«Не совсем понимаю, какое определение можно было бы дать «искусству», — мадемуазель Бланш-Астер произнесла эти слова так задумчиво и тихо, что Замп едва ее расслышал.

Гассун напустил на себя тяжеловесную шутовскую улыбку: «Как же так? Такая умная женщина, как вы? Никогда этому не поверю!»

Замп, конечно же, не слышал, как мадемуазель Бланш-Астер безразлично пожала плечами, но живо представил себе этот характерный жест. Она сказала: «Подозреваю, что термин «искусство» изобретен носителями второразрядного интеллекта для того, чтобы как-то называть не поддающуюся их пониманию деятельность более талантливых людей».

Гассун усмехнулся: «Слова «искусство», «художник», «артист» определяют некий образ жизни. Я не артист и не художник — хотел бы я, чтобы это было так! По меньшей мере мы можем, насколько позволяют наши скромные способности, способствовать распространению произведений искусства». Владелец музея с досадой прищелкнул языком: «Если бы только мы могли избавиться от Зампа!»

«Король гарантировал маэстро Зампу безопасное плавание по Бездонному озеру».

В голосе Гассуна появилась беспокойная нотка: «Почему мы вынуждены пускаться в это ужасное плавание? В Кoble и по всей дельте Висселя воды текут безмятежно, берега спокойны. Здесь мы можем игнорировать опасности, назойливые неприятности и низменные стороны жизни так, как если бы они не существовали!»

«Прежде всего мы должны приплыть в Морнун».

«Но почему? — голос Гассуна напоминал жалобное блеянье. — Я не понимаю!»

Мадемуазель Бланш-Астер, по-видимому, вздохнула: «Вы не успокойтесь, пока не узнаете, какими побуждениями я руководствуюсь».

«Именно так! — теперь тон Гассуна стал притворно-игривым. — Хотя разгадка вашей тайны напрашивается сама собой».

Если мадемуазель Бланш-Астер что-либо ответила на это заявление, Замп не расслышал.

«Меня ужасает возможность того, что мое предположение оправдается, — продолжал Гассун. — Признайтесь: где-то далеко на севере вас ожидает любовник?»

Мадемуазель Бланш-Астер ответила тихо и спокойно: «Нет никакого любовника. Мой отец был знатным сановником в Восточном Ллореле. В замке Арафлейм ему принадлежало собрание редчайших книг, но сундук с книгами похитил мой дядя Тристан. Теперь этот сундук — в особняке Тристана в Морнуне. И мой отец, и Тристан умерли. Мой брат унаследовал Арафлейм, а мне отец завещал сундук с редкими книгами, оставшийся в Морнуне. Я просто-напросто хочу вступить во владение своим имуществом».

Замп, тихо сидевший в тени неподалеку, поджал губы и кивнул самому себе. Гассун возбужденно спросил: «Вы видели эти книги?»

«Я не видела их уже несколько лет. После прибытия в Морнун мы сможем вместе изучить эту коллекцию».

«И никто не помешает передаче наследства?»

«Не предвижу никаких препятствий».

Голос Гассуна стал жалобно-гнусавым: «Тогда, судя по всему, нам все-таки придется отправиться в плавание».

«Таково и было наше намерение изначально».

Владелец музея и его собеседница провели несколько секунд в молчании, после чего Гассун тяжело вздохнул: «Я не доверяю этому проходиму, Зампу. Он петушится и ведет себя фамильярно, но он себе на уме — и мне не нравится сладострастное выражение, с которым он на вас поглядывает».

«Если бы не королевское приглашение и королевская гарантия, он не имел бы никакого значения».

«В таком случае давайте поговорим о нас — о вас и обо мне. Общность грез сулит нам идеальный союз. С этой точки зрения мы нераздельны, как одна душа. Почему бы нам не признаться себе в этом единстве и не выразить его всеми доступными средствами? Позвольте мне взять вас за руку — позвольте мне поцеловать вам руку!»

Мадемуазель Бланш-Астер отреагировала беззаботно и без малейшего смущения: «Теодорус Гассун, вы не уступаете в пылкости мифическим героям древности. Но я застенчива. Вам придется сдерживать жар своей страсти, пока мы не узнаем друг друга гораздо лучше».

«Сколько мне придется ждать?» — простонал Гассун.

«Когда настанет время, я вам скажу. А пока что лучше не затрагивать эту тему».

«Ваше целомудрие делает вам честь. И все же, неужели нам суждено пребывать в оцепенении подобно бесполом ангелам в бесплотном эфире, пока радужные волны блаженства ускользают от нас, проплывая мимо? Помните: жизнь не продолжается вечно!»

«В принципе я разделяю ваши чувства, но только в принципе, — отозвалась мадемуазель Бланш-Астер. — Что ж, пойдемте? Не нахожу в этой таверне ничего примечательного. Я вдоволь насмотрелась на танцовщиц и актеров — воспоминания о театре будут преследовать меня до конца моих дней».

Гассун и его собеседница удалились. Не ожидая никаких дальнейших развлечений, Аполлон Замп вскоре последовал за ними.

Наутро Замп провел генеральную репетицию. Исполняя Макбета, он считал необходимым подчеркивать эмоциональную связь между ним и леди Макбет (роль которой с прохладным безразличием играла мадемуазель Бланш-Астер). После того, как он несколько раз позволил себе пылкие объятия на сцене, Гассун, в роли Дункана, не выдержал и упрекнул его: «Шекспир не предписывает Макбету лапать супругу при каждом удобном случае! Это серьезная трагедия, а не похабная пантомима!»

«Я буду судить о том, что производит надлежащий драматический эффект! — возразил Замп. — Кстати, ваше собственное исполнение оставляет желать лучшего. Если мы надеемся победить на конкурсе в Морнуне, всем актерам следует правдоподобно выражать чувства персонажей. Может быть, следовало бы вставить эпизод, в котором Макбет возлежит с супругой на софе...»

«В такой откровенной демонстрации нет никакой необходимости, — отрезал Гассун. — Продолжим!»

Замп подал знак оркестру: «Повторим эту сцену с начала».

Незадолго до полудня Зампа сообщили о том, что с ним желают поговорить несколько посетителей. На верхней площадке трапа его ожидали Вильвер-Водомер и два урода, Гандольф и Тимас.

«Добрый день, господа! — приветствовал их Замп. — В последний раз мы встречались, насколько я помню, в не столь благополучных обстоятельствах».

«Что вы имеете в виду — песчаную отмель на берегу Ланта или таверну «Зеленая звезда»? — спросил умелец ходить по воде «аки по суху». — Припоминаю, что в обоих случаях мы обменялись парой добродушных шуток, что помогло скрасить последствия катастрофы, постигшей нас в Голодном Порту».

«Возможно, возможно. Я в самом деле рад вас видеть, и желаю вам всевозможных успехов на сцене Гарта Пеплошторма».

Нагнувшись над поручнем, Гандольф сплюнул в реку: «Пеплошторму не хватает профессиональной компетенции. Качественный уровень его спектаклей даже не приближается к тому, к чему мы привыкли на борту «Очарования Миральдры»».

Вильвер-Водомер прибавил: «А, старая добрая труппа! Где они, счастливые дни?»

Тимас сказал: «Пеплошторм привез нас обратно в Кобль, это правда, но теперь я рассматриваю возможность трудоустройства в другом театре».

Вильвер-Водомер задумчиво заметил: «Если бы мне представилась возможность присоединиться к старой труппе, я немедленно сложил бы с себя полномочия, обременяющие меня в «Золотом фантазме». Что скажете, маэстро Замп? Почему бы нам не возродить славные традиции былого?»

«Никогда не руководствуйтесь сентиментальными побуждениями! — посоветовал Замп. — Рекомендую продолжать ваше сотрудничество с Гартом Пеплоштормом — по меньшей мере, он предлагает надежный заработок и увольняет, насколько мне известно, только исключительно бездарных и бесполезных исполнителей».

«Пеплошторм предъявляет чрезмерные требования, — проворчал Вильвер. — Он хочет, чтобы я ходил по воде без стеклянных ходулей, что затруднительно».

«Все мы столкнулись со сходными проблемами в театре Пеплошторма, — поддакнул Тимас. — Например, в его спектакле «Необычайный сон графини Урсулы» Гандольф и я вынуждены изображать фантастических зверей в сомнительных позах».

«Учитывая все обстоятельства, я не отказался бы принять предложение маэстро Зампа», — заключил Гандольф.

«Я придерживаюсь того же мнения».

«И я».

Замп пожал плечами: «Как вам угодно. В настоящее время мне не требуется актер, ходящий по воде — Вильверу придется удовольствоваться ролью в кордебалете уродов. Кроме того, вам придется выполнять дополнительные обязанности по уходу за волами. Так как маэстро Гассун — человек практичный и экономный, не ожидайте щедрой оплаты. Можете принести свои пожитки и приступить к работе немедленно».

Вильвер, Гандольф и Тимас медленно спустились по трапу, обмениваясь вполголоса недовольными фразами.

На ежегодную ярмарку съезжались жители всех селений побережья Догадочного залива и обширной дельты Висселя; прибывали обитатели городов, расположенных в верховьях Висселя, таких, как Ветербург, а также гости из мест еще более удаленных — из Ионы на Суаноле, из Объездны на Вержансе, из Трусовой Роши на Ланте — и даже странники из западных пределов, приходившие пешком в Нестор на Мёрне, а оттуда уже сплавлявшиеся вниз по течению. Гостиницы и таверны Кобля внезапно заполнила пестрая толпа, на Прибрежном проспекте спешили в обе стороны, едва не сталкиваясь, бесконечные потоки людей во всевозможных нарядах. В передвижных ларьках на причалах торговали сувенирами, древностями, маслами, эссенциями и бальзамами, копчеными колбасками из Верлори на Мёрне, горшочками с тушеными тростниковыми порхунчиками из Порт-Оптимо, имбирными цукатами и розгом в рассоле из Каллу, с противоположного берега Догадочного залива. Лантинские стеклодувы предлагали кухонную утварь, фляги, бутылки, чашки, миски и тарелки, а также игрушки и маленькие стеклянные статуэтки животных. В палатках кожевников из Крысиного Фитиля на длинных стойках красовались ароматные дубленые шкуры; торговые агенты ткачей из Париковска развесили образцы разноцветных тканей на веревках, протянутых между стволами деревьев; сапожники и портные, обосновавшиеся в Кобле, сбывали чужеземцам туфли, сандалии и сапоги, шляпы, плащи и бриджи, куртки, блузы и рубахи.

Все утро Гарт Пеплошторм рекламировал свои представления фейерверками, воздушными шарами и парадами актеров, маршировавших под звуки оркестра взад и вперед по набережной; на его послеполуденном спектакле зал был набит битком. Теодорус Гассун презрительно отзывался о подобной «бестолковой и крикливой мишуре». «Мы не заинтересованы в тех, кто ищет сенсационных зрелищ, — говорил он Зампу. — Пусть выкидывают железо на ветер!» Тем не менее, когда многочисленные зрители, покинув «Золотой фантазм Фиронзелле», стали подниматься на борт «Очарования Миральдры» и платить за вход, Гассун рад был услышать звон железа.

По мнению Зампа, представление более или менее удалось, хотя мадемуазель Бланш-Астер все еще придавала кровавой роли ле-

ди Макбет изящно-любезный характер, приводивший Гассуна в исступление. Публика, однако, не заметила этот недостаток — если его можно было назвать недостатком. Зрители сидели, как зачарованные, хотя и в некотором замешательстве; судя по всему, они были убеждены в том, что столь редкостное произведение заслуживало серьезного внимания, и вежливо аплодировали, когда занавес опустился после заключительной сцены — хотя и не проявили буйный энтузиазм. В общем и в целом спектакль и принесенный им доход способствовали существенному улучшению настроения Гассуна, несмотря на то, что, по его мнению, предусмотренные Зампом музыкальные и сценические эффекты пользовались незаслуженным одобрением аудитории.

Наутро после закрытия ярмарки новая «Миральдра» отчалила из Кобля. В последнюю минуту Гассун разнервничался и объявил, что судно еще не готово к дальнему плаванию. Задыхаясь от нетерпения, Замп настаивал на том, что никакие дальнейшие приготовления не нужны: «Муссон дует вверх по течению, время не ждет! Пора отправляться в путь!»

Гассун раздраженно взмахнул руками; матросы истолковали этот жест как распоряжение отдать причальные концы. Волы налегли на спицы воротов, гребное колесо застонало и заскрипело; огромное судно потихоньку отплыло от причала Байнума на середину реки. Паруса плескались на ветру, но вскоре надулись, когда матросы выбрали шкоты. «Миральдра» двинулась на север.

Глава 11

Три дня «Миральдру» подгонял настолько свежий попутный ветер, что даже Гассун не испытывал никакого желания где-либо останавливаться; города Блесковер, Париковск и Моисеев Порт проплыли мимо и остались за кормой.

Гарт Пеплошторм, направлявшийся к селениям Верхнего Суаноя под Лорнамайскими холмами, покинул Кобль на сутки раньше «Миральдры». Замп и Гассун обнаружили «Золотой фантазм» у единственного причала в Крысином Фитиле. Оба партнера решили, что не имело смысла бросать якорь посреди реки и ждать, пока судно Пеплошторма не освободит причал; «Миральдра» продолжила плавание вверх по течению.

Ближе к вечеру, когда ветер стал ослабевать, Гассун распорядился обогнуть продолговатый Предвестный остров, чтобы дать представление в Чисте, где плавучие театры обычно избегали останавливаться в связи с бедностью местного населения и не слишком удобным расположением гавани. «Речной справочник» отзывался о Чисте следующим образом:

«В общем и в целом мирное селение, где живут примерно пятьсот человек; первоначально основано бандой искаженцев-фундаменталистов, бежавших от преследований из Великого Доктрината в Чиазме, что в Центральном фестоне XXIII. Чистяне придерживаются принципов матриархата и соблюдают ряд необычных запретов, хотя ни одно из их табу не должно вызывать особого беспокойства у предусмотрительного судовладельца. Постольку, поскольку особенности местного уклада жизни никак не затрагиваются, обитатели Чиста составляют дисциплинированную и внимательную аудиторию. В Чисте не следует ожидать, однако, извлечения существенного дохода, так как местные жители платят даже за развлечения исключительно посредством натурального обмена».

Игнорируя лишённые энтузиазма предупреждения Зампа, Гассун приказал пришвартовать плавучий театр к ветхому причалу Чиста. Как только спустили трап, пара поющих девушек-зазывал спустилась на причал с плакатами в руках. На одном был изображен воин в кольчуге, рубящий противника мечом пополам, с надписью:

«МАКБЕТ»
Этическая трагедия Древней Земли!»

На другом плакате женщина с развевающимися желтыми волосами держала в поднятой руке окровавленный кинжал. Надпись гласила:

«МАКБЕТ»
Кровавые обычаи Древней Земли!»

Гассун вышел на верхнюю площадку трапа, чтобы обратиться к собравшейся толпе чистян. По этому случаю он нарядился в черный плащ и высокий черный цилиндр с узкими полями, из-под которого выбивались во все стороны пучки его белых волос. Гассун повелительно воздел руки к небу: «Достопочтенные и уважаемые чистяне! Меня зовут Теодорус Гассун. Мне выпала честь предложить вашему вниманию мой чудесный плавучий театр и его труппу актеров и музыкантов. Приготовьтесь к эмоциональным переживаниям, подобных которым вы никогда не испытывали! Мы намерены представить перед вами настоящую драму Древней Земли!»

Старуха, стоявшая поблизости, громко спросила: «Кого-нибудь на самом деле убьют?»

«Конечно нет, дражайшая леди!»

Старуха сплюнула в сторону плакатов: «Тогда чего стоит вся ваша мазня?»

Несколько озадаченный, Гассун спустился по трапу и рассмотрел плакаты — он их еще не видел. Зампу пришлось признать, что Гассун нашелся в этой ситуации с завидным апломбом. «Эти плакаты, — заявил он, — изображают основу сюжета «Макбета» в смелом символическом стиле. А символы никогда не следует рассматривать как точное воспроизведение продукции, которую они рекламируют».

Деловито вмешалась другая старуха: «Что ж, давайте тогда, договоритесь сразу со всем поселком — сколько вы возьмете за представление, со всеми его символами и фальшивыми убийствами?»

«Наши расценки исключительно справедливы, — отозвался Гассун. — Насколько я понимаю, под «всем поселком» вы имеете в виду полный зал?»

В конечном счете Гассун согласился принять, взамен железа, тонну корма для волов, шесть сорокалитровых амфор сиропа из болотного тростника и несколько бочек копченых угрей.

В сумерках зажгли фонари, и обитатели поселка — мужчины, женщины и дети — тут же стали подниматься на борт; вскоре на скамьях не осталось свободных мест, хотя обусловленные в качестве оплаты продукты еще не были доставлены. Гассун пожаловался на это старухе, возглавлявшей местный матриархат. Та раздражен-

но задрала нос: «Мы никогда не платим, пока не опробуем товар. Если, как вы сами утверждаете, представление носит в основном символический характер, то и оплата будет чисто символической».

«Это неприемлемо! — бушевал Гассун. — Доставьте корм для волов, сироп и копченых угрей — или вы не увидите никакого представления!»

Предводительница чистян отказывалась, заявляя, что ее не проведешь на мякине; тем не менее, один из местных жителей, видевший однажды представление на борту «Двух Варминиев» в Ветербурге, заверил ее в том, что в условиях Гассуна не было ничего необычного или подозрительного. В конце концов продукты доставили и погрузили в трюм. Гассун подал сигнал: литаврист ударил в гонг, и оркестр заиграл воодушевляющую мелодию, которую Замп выбрал и обработал в качестве увертюры.

Занавес раздвинулся; взорам зрителей открылась мрачная каменистая пустошь. Острые скалы устремлялись в черное небо; сцену озаряла пара пылающих факелов. У котла, бурлящего над костром, сгорбились три ведьмы. Вместо того, чтобы немедленно приступить к диалогу, который Замп считал преждевременным, ведьмы исполнили угловатый кривляющийся танец, то подступая к огню, то отскакивая от него и подчеркивая дикой, но синхронизированной жестикуляцией целенаправленную одержимость всемогущим злом. Наконец, истощенные лихорадочной пляской, ведьмы подковыляли к костру и осели бесформенными грудями черного и коричневого тряпья.

Музыка смолкла; на сцене воцарилась давящая мертвая тишина. Первая ведьма произнесла язвительно-ласковым голосом:

*«Когда блеск молний, дождь и гром
Сведут нас заново втроем?»*

Наблюдая за публикой из-за кулис, Замп заметил, что вступительная сцена вызвала у зрителей возрастающее напряжение. Танец ведьм сопровождался плохо скрываемыми усмешками мужской половины аудитории и шипением женщин, негодующе втягивавших воздух носом.

*«Добро и зло — один обман:
Летим в предательский туман!»*

Одна из старух-матриархов вскочила, выбежала вперед, широко раскинув руки, и остановила исполнение: «Мы заплатили не за то, чтобы над нами издевались!»

Гассун в ярости поспешил ей навстречу: «Будьте добры, займите свое место, мадам! Вы прерываете представление!»

«Это наше представление! Мы за него рассчитались!»

«Так-то оно так, но...»

«А поэтому мы требуем, чтобы спектакль изменили. Нас оскорбляют ваши карикатуры!»

«Невозможно! — звенящим голосом заявил Гассун. — Мы дословно следуем авторскому тексту. Снова прошу вас, займите свое место. Исполнение продолжится».

Старуха раздраженно вернулась на скамью. Декорации сменили, и на сцену вышел Гассун в роли Дункана:

*«Кто этот воин, весь в крови? Он мог бы
Нам рассказать, чем завершилась битва
С повстанцами».*

Продолжая наблюдать из-за кулис, Замп заметил, что зрители необычно увлечены происходящим: они сидели, напряженно выпрямившись, в глазах у них мерцали отражения факелов.

В третьей сцене снова появились ведьмы. Несколько молодых людей, сидевших в зале, уже не могли сдерживать веселье. Старуха-матриарх поднялась во весь рост и принялась стучать посохом в пол: «С меня довольно! Верните наши продукты! Я так и знала — это сплошное издевательство!»

Гассун выскочил на сцену: «Замолчите, тихо! Вернитесь на свои места! Пусть будет по-вашему — мы исполним трагедию без участия ведьм!»

Распоряжения Зампа, в отличие от Гассуна накопившего горький практический опыт, были другими: «Отдать концы! Матросы — к помпам! Труп — поднимайте палубу!»

Судно отплыло от причала; разъяренных чистян смыли с палубы струями воды. Завертелось гребное колесо, и плавучий театр живо устремился вверх по течению, огибая Предвестный остров и возвращаясь в главное русло Висселя. Поздно вечером наступил мертвый штиль; судно бросило якорь посреди реки, и остаток ночи «Миральдра» провела спокойно.

Во второй половине следующего дня Гассун привел «Очарование Миральдры» в Порт-Оптимю, чтобы дать еще одно представление «Макбета». Замп проконсультировался с «Речным справочником» и снова обратился к Гассуну с рекомендациями: «Здесь ситуация не столь очевидна, как в Чисте, но я нахожу убедительные причины для одного или двух изменений. Например, жители Порт-Оптимю находят отвратительными любые спиртные напитки. Поэтому Макбет должен отравить Дункана, предложив ему рюмку коньяку. Кроме того, вместо ведьм лучше всего было бы использовать водяных».

Поначалу Гассун не мог найти слов: «Будет нарушена целостность всего произведения!»

«В справочнике упоминается, что в гавани Порт-Оптимю содержатся в постоянной готовности три скороходных баркаса, ос-

нащенных арбалетами, стреляющими зажигательными гарпунами. В этом городе смывать публику с палубы было бы непредусмотрительно».

Гассун воздел длинные руки к небу, словно пытаясь схватиться за воображаемую перекладину: «Вносите только совершенно необходимые правки».

Благодаря импровизациям Зампа — или вопреки им — вечернее представление заслужило одобрение зрителей. Гассун, однако, не был удовлетворен. Его возмущал пир в третьем акте, на котором Макбет, в качестве короля, приказал жонглерам, танцовщицам и акробатам развлекать придворных, каковые развлечения продолжались почти целый час. Кроме того, Гассун критиковал сцены супружеской нежности, вставленные в трагедию по настоянию Зампа.

На следующий день «Миральдра» под парусами, полными попутным ветром, проплыла на север мимо Ветербурга и прибыла в Фвиль, где уже пришвартовались театры «Памеллисса» и «Мелодичный час»; в сложившихся обстоятельствах Гассун отказался от намерения представлять «Макбета».

Севернее Фвилья ветры стали капризничать. Во второй половине третьего дня плавания «Миральдра» величественно обогнула Стеклодувный мыс, пересекла широкий водоворот, образованный течением Ланта и причалила к пристани Лантина, где Замп и Гассун согласились провести два-три дня.

На следующее утро Гассун открыл свой музей для лантинских посетителей, а Замп воспользовался его занятостью и пригласил мадемуазель Бланш-Астер провести с ним вечер. Сначала она сухо отказалась, но затем, поразмыслив о перспективе просидеть целый день в скуке и одиночестве, спросила, как именно Замп намеревался проводить вечер.

Замп еще не составил никаких определенных планов; не придумав ничего лучшего, он предложил первое, что пришло в голову — посетить стекольный завод.

«Хорошо, пойдемте. Это далеко отсюда?»

«Нет, сразу за холмом. Давайте уйдем поскорее, пока Гассун не придумал нам какое-нибудь занятие».

Мадемуазель Бланш-Астер рассмеялась так весело и беззаботно, что Замп удивился ее необычной несдержанности. Теперь она, казалось, разделяла настроение Зампа — подобно проказливым школьникам-прогульщикам, они потихоньку сбежали из театра на набережную.

Теперь вместо того, чтобы отправиться на экскурсию по стекольному заводу, мадемуазель Бланш-Астер пожелала взобраться на холм. Замп с готовностью согласился, и они повернули на дорожку, зигзагами поднимавшуюся на Стеклодувный утес между живыми изгородями и низкими стенами, выложенными из камня.

Сегодня, по какому-то капризу или в приступе необъяснимого оптимизма, мадемуазель Бланш-Астер сбросила оковы аристократической чопорности. Замп еще никогда не видел ее в подобном оживлении. Ее бледные светлые волосы развевались на ветру, глаза горели ясным серо-голубым блеском горного озера; в длинном белом платье она напоминала простую деревенскую девушку, и Аполлон Замп находил ее неотразимой. Задержавшись, чтобы полюбоваться причудливым маленьким коттеджем, построенным из пузатых зеленых бутылей, она похвалила аккуратный цветник и даже поворковала с ребенком, игравшим на крыльце со стеклянными статуэтками зверей.

Они продолжили путь по дороге, постепенно превратившейся в тропу, вьющуюся по склону мимо загонов и пастбищ, а под конец круто поднимавшуюся на последний утес — под самое небо, где плыли на север обрывки облаков. Позабыв о всяком достоинстве, мадемуазель Бланш-Астер побежала вверх по тропе, останавливаясь, чтобы сорвать дикие цветы или бросить пару камешков с обрыва. Аполлон Замп бодро маршировал вслед за ней, испытывая жгучее желание присоединиться к ее детским забавам, но опасаясь навязываться без приглашения. Они взошли на вершину и стояли, открытые солнечному свету и ветру; далеко внизу бежали наперегонки тени облаков. Домики Лантина тянулись неровной полосой по берегу Ланта от «Речной усадьбы» у западного пирса до таверны «Зеленая звезда» на кривых сваях восточной приливной отмели.

Мадемуазель Бланш-Астер взобралась на скалу и обозревала горизонт, причем ее взор чаще всего устремлялся на север — туда, откуда струился могучий Виссель. Она наклонилась, чтобы спуститься с камня. Замп оказался под рукой, и ему не стоило никакого труда подхватить ее, когда она соскочила вниз. На какое-то мгновение показалось, что красавица стала податливой; но она тут же напряглась и выскользнула из рук Зампа. Антрепренер был раздосадован; судя по всему, поддавшись мимолетному настроению, его спутница вообразила, что находится на холме с кем-то другим, о ком она мечтала — но тут же вспомнила, что ее сопровождает всего лишь Аполлон Замп.

Мадемуазель Бланш-Астер присела там, где скала защищала ее от ветра. Замп присоединился к ней и, опьяненный ее близостью, обнял ее рукой за талию.

Мадемуазель Бланш-Астер бросила на него ледяной вопросительный взгляд и поднялась на ноги; Замп обнял ее ноги и умоляюще поднял к ней лицо: «Почему вы так холодны и жестоки? Вы любите кого-то другого?»

«Я никого не люблю».

«Поклянитесь! Скажите мне правду!»

«Мазетро Замп, будьте добры, сдерживайтесь. Вы слишком расчувствовались».

«Расчувствовался? Я дрожу, я горю в лихорадке! У меня в голове словно лабиринт кривых зеркал вроде того, по которому водят за нос посетителей «Огнехрустальной призмы» — ваше лицо смотрит на меня отовсюду. Я изнываю, я страдаю, я болен от любви! Ваша чудесная красота — все, о чем я могу думать!»

Мадемуазель Бланш-Астер рассмеялась: «Маэстро Замп, вы и вправду позволяете себе нелепости».

«Нелепости? Подумайте о том, как вы себя ведете. Вот уж, действительно, нелепость! Как вы можете быть так бесчувственны? По сравнению с вами ледяная статуя святой Имолы — сумасбродная шалунья!»

Мадемуазель Бланш-Астер высвободила ноги из объятия Зампа: «Ваши выводы поистине удивительны! Как будто я существую только для того, чтобы удовлетворять ваши вожеления! А если я не желаю служить этой цели, значит, весь мир сошел с ума?»

«Это не просто вожеление! — воскликнул Замп. — Я очарован, я заколдован, я холодею от ужаса...»

Только что признавшись в полном безразличии, мадемуазель Бланш-Астер, тем не менее, удивилась: «От ужаса? Почему?»

«Я страшусь того времени — а оно когда-нибудь наступит, пусть даже через сто лет — когда я увижу вас в последний раз. Я способен существовать только в вашем присутствии. Я перед вами преклоняюсь! По сути дела, пусть будет так! Я готов официально назвать вас своей супругой».

«Боюсь, маэстро Замп, что вы пали жертвой своего воспаленного воображения».

«Ни в коей мере! Мы плывем в Морнун — обещайте мне, что вернетесь оттуда вместе со мной!»

Мадемуазель Бланш-Астер не внимала: «У меня свои надежды, свои мечты».

Замп в отчаянии схватился за голову: «Что ждет вас в Морнуне? Что для вас настолько важно, что вы игнорируете пыл Аполлона Зампа?»

«Все очень просто. Я покинула Морнун, чтобы не выходить замуж за человека, которого я презираю. Теперь он мертв, и я могу вернуться домой».

«Потрясающе! — Замп вскочил на ноги. — Гассун считает, что вы унаследовали сундук с редчайшими книгами. Раньше вы говорили мне, что вам нужно освободить старого больного отца, томящегося в темнице. А теперь, оказывается, что вы бежали от ненавистного жениха?»

Мадемуазель Бланш-Астер смотрела на север; на ее лице появилась странная улыбка: «Меня подводит рассеянность — я забываю, кому и что я объясняла».

Замп зашипел от досады: «Ваши тайны — и ваши чары — довели меня до крайности! Пора с этим покончить — здесь и сейчас!» Замп сделал шаг вперед, заключил красавицу в объятия — и получил такой удар по голове, что у него слезы брызнули из глаз. Над ним закружилось небо. У него в ушах прозвенел гнусавый голос: «Предатель! Дерьмо собачье! Я все слышал! Неужели ты надеешься обвести меня вокруг пальца? Никогда этому не бывать! Приготовься умереть — здесь и сейчас!»

Глаза оглушенного Зампа еще не успели сосредоточиться, но он заметил, что Гассун выхватил увесистый кривой клинок. Замп поспешно отпрыгнул и откатился в сторону — сабля Гассуна просвистела в воздухе.

Замп попытался подняться на ноги, споткнулся и снова растянулся на земле — что позволило ему избежать второго удара сабли. Мадемуазель Бланш-Астер подбежала к Гассуну и схватила его за руку: «Теодорус! Одумайтесь! Вложите оружие в ножны!»

«Паразита нужно уничтожить! — кричал Гассун. — Сегодня утром он вышел за пределы дозволенного!»

«Он сделал глупость, но без злого умысла. И не забывайте, что только Замп может обеспечить безопасное плавание по Бездонному озеру!»

«Вполне возможно, что нам не потребуются его услуги», — мрачно пробормотал Гассун. Еще раз сверкнув в воздухе саблей, он обернулся к Зампу: «Считай, что ты воскрес из мертвых!»

Вне себя от ярости, Аполлон Замп вскочил на ноги и выхватил рапиру: «Ну-ка покажи, на что ты способен, костлявый выкидыш бродячей собаки! Посмотрим, чья жизнь висит на волоске! Как ты смеешь сажать с мной подглядывать, бездарный заморыш?» Замп сделал шаг вперед, но Гассун ударил по его рапире саблей и отрубил ее стальной наконечник; Замп остался с одним эфесом в руке.

Мадемуазель Бланш-Астер взяла Гассуна под локоть: «Пойдемте, Теодорус. Не обращайте внимания на маэстро Зампа — он не в себе и потерял способность соображать». Она повела Гассуна вниз по тропе. Замп присел на выступ скалы, растирая шишку на голове. Весь постыдный эпизод казался воспоминанием о сновидении. Как могла женщина — живая, здоровая женщина! — оставаться глухой к мольбам Аполлона Зампа? Неважно! Плавание еще не закончилось. Замп вспомнил тот мимолетный миг, когда мадемуазель Бланш-Астер, казалось, растаяла у него в руках. Положительный признак! Зампу надлежало удвоить усилия. Он завоюет привязанность этого изысканного создания такой галантностью, такой доблестью, каких еще не видел мир! Ее ледяное сердце растает, когда она увидит, на что он способен! Он оживит ее кровь музыкой, он воспламенит ее ум поэзией! Она поймет, что он незаменим, и сама придет к нему, излучая любовь и надеясь привлечь его внимание...

Замп поднялся на ноги и нашел свою шляпу. Нахлобучив ее на голову, он стал спускаться с холма.

Вернувшись к «Миральдре», Замп с достоинством поднялся по трапу. Гассун приветствовал его холодно, но без открытой враждебности. Вечернее представление завершилось успешно, и Гассун, казалось, даже одобрил некоторые внедренные Зампом развлекательные дополнения, которые ранее он уже заклеил как «противоречащие авторскому замыслу и духу оригинала».

На следующее утро Замп заметил, что, вопреки его указаниям, на борт не были доставлены некоторые существенные припасы. Он сразу же направился в кабинет Гассуна, но кабинет пустовал — владелец судна находился в музее и показывал коллекцию древних костюмов группе местных матрон. Гассун демонстративно игнорировал жестикуляцию Зампа, пытавшегося привлечь его внимание, в связи с чем Зампу пришлось ждать, пока Гассун любовно разворачивал перед глазами восхищенных супругов стеклодувов античные наряды — роскошные платья императриц, украшенные орнаментальной вязью передники, черную рясу королевского улана из Сканна, воздушные шелковые одеяния лалюстринской нимфы, скафандр древнего астронавта и любимый экспонат Гассуна: ветхую от древности зеленую мантию, великолепно расшитую потемневшими золотыми узорами. Гассун монотонно обсуждал каждый экспонат пронзительно-поучительным тоном, пока Замп не потерял терпение. Усмехнувшись в усы, Замп направился в кабинет Гассуна и закрыл за собой дверь.

Уже через полминуты он услышал приближающиеся поспешные шаги — появился Гассун: «Что вы здесь делаете? Это мой частный кабинет, я не приветствую непрошенных посетителей!»

«Прошу прощения, маэстро Гассун, но я хотел бы посоветоваться с вами по вопросу, требующему неотложного решения».

«Допустим, что это так. Какой вопрос вы хотели бы обсудить?»

«Судя по всему, я недостаточно разъяснил наши потребности местным торговым агентам. Вчера я распорядился добавить четырех волов к нашим восьмерым, а также погрузить в трюм десять тонн корма для волов. Ничего, однако, не сделано, и я хотел бы, чтобы вы лично проследили за выполнением заказа».

«Я отменил заказ, — сообщил Гассун. — Чем и объясняется ситуация, вызвавшая ваше беспокойство».

«Я заказал дополнительных волов не из прихоти и не для того, чтобы позволить себе такую роскошь, — возразил Замп. — Муссон слабеет, а путь далек; нам не следует отдаваться на волю изменчивых ветров».

Гассун решительно отмахнулся возражения взмахом большой белой ладони: «Издержки превосходят наши скромные возможности — такова нелицеприятная истина. Более того, у меня возникли серь-

езные сомнения по поводу всей сумасбродной авантюры. Что, если мы прибудем в Морнун и не победим на конкурсе? Мы потратим огромные деньги и останемся с носом».

«Но мы победим!»

Гассун упрямо качал головой: «Это слишком рискованный проект — тем более, что попутный ветер слабеет».

«Если мы отчалим сейчас, у нас будет достаточно времени, несмотря на отсутствие попутного ветра».

И снова Гассун покачал головой: «Честно говоря, я разочаровался во всей затее. Мои надежды на исполнение классической трагедии не сбываются: с каждым представлением вы прибавляете что-нибудь новое, и ваши ухищрения меня больше не удивляют — только огорчают. Какой смысл продолжать?» Гассун расхаживал из угла в угол, заложив руки за спину: «Увы, я расстался с иллюзиями. По существу, вы можете покинуть мое судно сегодня же».

«Понятно. А что думает по этому поводу мадемуазель Бланш-Астер?»

«Вам нет никакого дела до ее побуждений. Надо полагать, ей, так же как и мне, наскучили безрассудные приключения и невозможные путешествия. Мы останемся на пару недель здесь, в Лантине, после чего не спеша вернемся в Кобль. А теперь будьте так любезны, сойдите на набережную — или мне придется приказать Турлиману выдворить вас в шею».

«Одну минуту! — покинув кабинет владельца музея, Замп прошел по коридору к каюте мадемуазели Бланш-Астер и постучал в дверь. Она выглянула наружу.

«Вам следует безотлагательно явиться в кабинет маэстро Гассуна, — сообщил Замп. — Он желает выступить с любопытным заявлением».

Мадемуазель Бланш-Астер, вновь холодная и чопорная, сопроводила Зампа к кабинету Гассуна. Приветствуя Гассуна беспечным взмахом руки, Замп сказал: «Давайте снова обсудим наши планы — теперь присутствуют все заинтересованные стороны».

«Нам нечего обсуждать! — заявил Гассун голосом, напоминающим средний регистр гобоя. — Я решил, что плавание в Морнун не только непрактично и непредусмотрительно — оно опасно. Вы, Аполлон Замп — явно нежелательный партнер; вам надлежит немедленно покинуть мое судно. Мадемуазель Бланш-Астер, мы неоднократно отмечали и праздновали нашу духовную близость; пожалуй, настало время формально скрепить наши узы и воплотить в жизнь союз, ниспосланный судьбой».

Мадемуазель Бланш-Астер немного поразмыслила, после чего произнесла не характерным для нее неуверенным тоном: «Возможно, ваше заключение вполне обосновано, Теодорус. Путь на север труден, особенно для такого судна, как ваше».

Гассун мрачно кивнул и бросил желчный взгляд в сторону Зампа.

Мадемуазель Бланш-Астер задумчиво продолжала: «Как вам известно, в Морнуне меня ждут дела, которые должны быть завершены прежде, чем я смогу уделить внимание упомянутым вами возможностям. Наши цели не совпадают — тем не менее, я считаю, что их можно совместить. Будьте добры, верните мне килограмм железа, который я передала вам в Кобле. Маэстро Замп воспользуется этими деньгами, чтобы приобрести фелуку. Под управлением маэстро Зампа парусная фелука быстро доставит нас в Морнун. Там я закончу свои дела, а маэстро Замп сможет принять участие в конкурсе с моей посильной помощью — возможно, нам удастся исполнить сцены из «Макбета» или представить программу комических пантомим. Затем, по окончании фестиваля, мы вернемся и присоединимся к вам здесь, в Лантине».

На шее Гассуна выступили жилы; он открыл рот, но только прохрипел нечто нечленораздельное.

«Такой план представляется мне целесообразным, — глубоко-мысленно заметил Замп. — По сути дела, у нас нет другого выхода, если маэстро Гассун не желает подвергать свое судно риску дальнейшего плавания на север». Повернувшись непосредственно к мадемуазели Бланш-Астер, Замп слегка поклонился: «Я пойду, поищу подходящую лодку. А вы помогите маэстро Гассуну взвесить килограмм железа».

Гассун сделал два шага вперед: «Один момент, маэстро Замп! Будьте любезны, не спешите. Возникла абсурдная ситуация. Неужели вы думаете, что я ношу килограмм железа в кармане?»

«Не знаю, как вы носите свое железо, маэстро Гассун. Знаю только то, что у нас не осталось времени на споры и рассуждения. Муссон скоро исчезнет, а нам придется плыть в Морнун под парусом».

Гассун гневно крикнул, признавая поражение: «Прикажете привести на борт ваших четырех волов и погрузить их корм. Мы отправимся на север без задержек».

За час до отплытия в Лантин доставили тревожную весть, не обрадовавшую даже Аполлона Зампа — Гассун же отозвался на нее стоном отчаяния. На Суаноле, в окрестностях Синешкуры, банда димнатиков-чернострелов устроила засаду «Золотому фантазму». Разбойники захватили в плен Гарта Пеплошторма и всю его труппу, а судно потопили.

Глава 12

Стеклодувный мыс превратился в синевато-серый треугольник над горизонтом и постепенно растворился в дымке, как давнее воспоминание в слабеющем уме. Впереди между низкими берегами простирался Виссель — порой не больше полукилометра в ширину, а иногда разливавшийся настолько, что вся Вселенная казалась состоящей из воды и неба. Консультируясь с «Речным справочником», Замп обнаружил, что в нем упоминались только три существенных населенных пункта на всем оставшемся пути до Бездонного озера: городок Скивари в месте слияния Висселя и Пелоруса, Гаркен — рыночный город работоторговцев и конечная станция караванов — а также Погромная Излучина. Айидентус, Степной Простор и Порт-Венобль были отмечены на карте колечками, а не кружками, что указывало на отсутствие надежной информации. За Порт-Веноблем на триста километров тянулись дикие, необжитые места — болота, степи и рукав Тартаркского леса; наконец, за базальтовыми столбами Мандаманскими Палисадов начиналось Бездонное озеро.

На протяжении всего первого дня после отплытия из Лантина дул свежий ветер, обрывки перистых облаков спешили по небу, и «Миральдра» бодро продвигалась вверх по течению, вспенивая белые «усы» поперек мутной коричневатой реки.

На следующий день ветер подул еще сильнее. По небу тянулись длинные гребенчатые вереницы слоистых облаков, а к полудню с юга надвинулась угрожающая масса дождевых туч. Гассун нервно приказал поднять фок и бизань и взять рифы на гроте — подрагивая, судно боролось с вечерним штормом, пока Замп репетировал версию «Макбета», предназначенную для исполнения в Морнуне. Гассун наблюдал за репетицией, выпятив губы, после чего, с отвращением покачав головой, удалился к себе в кабинет. В дополнение к танцу ведьм и развлечениям на пиру Замп вставил танец с саблями, коронационное шествие и целый ряд эпизодов, разъяснявших побуждения ведьм, заморочивших голову Макбету. В начале новой сцены три ведьмы завывали заклинания вокруг огромного котла, скакали, дурачились и кувыркались, ломая руки и жонглируя шарами голубого пламени, и в конце концов произвели на свет обнаженную длинноволосую ламию (в исполнении Денеис, младшей из девушек-мимов); ламия должна была высасывать кровь леди Макбет в качестве предварительной расплаты за предназна-

нованную судьбу Макбета. Проснувшись, леди Макбет обнаружила стоящую на коленях и склонившуюся над ней ламию; ламия убегала, но ее преследовали и убивали в лесу — этот эпизод Замп находил самым впечатляющим. Пылая жаждой мести, ведьмы предупреждали Макдуфа о том, что во время осады Дунсинана его армия должна была нести с собой ветви из Бирнамского леса. После смерти Макбета и его супруги по настоянию Зампа была предусмотрена сцена, полная мрачного величия: коронация нового короля Малькольма в Сконе. Здесь Малькольм клянется искоренить колдовство, и в финале снова изображается каменистая пустошь в грозовых сумерках. Три ведьмы ворожат вокруг костра, кудахчут и давятся от смеха, издеваясь над тщетными потугами Малькольма, после чего сосредоточивают внимание на изобретении новых интриг и кровопролитий.

Верста за верстой река убегала за корму, неизменно и монотонно. Иногда на берегу виднелась хижина рыбака или деревня из дюжины потрепанных непогодой избушек, откуда высыпали стайки детей со взъерошенными волосами, с изумлением провожавших глазами плавучий театр, вздымающий волну на речной глади.

На четвертый день после отплытия из Лантина река внезапно превратилась в обширный разлив почти стоячей воды, мерцавшей мелкой рябью в солнечных лучах, и вскоре можно было различить устье Пелоруса, еще одного могучего притока, вливавшегося в Виссель с северо-запада. На мысу, разделявшем две реки, гнездились беспорядочное скопление беленых домиков — Скивари.

По сведениям «Речного справочника», обитатели Скивари были потомками немногих выживших беженцев из страны Дуновений Смерти, находившейся далеко на востоке, в фестоне XXV. Знамения, истолкованные их ведунами, заставили их мигрировать. Через сто лет тридцать четыре человека — все оставшиеся в живых переселенцы — прибыли на берега Висселя, где новые знамения побудили их осесть. Благодаря особым навыкам они заслужили уважение разбойничающих кочевников и вскоре добились завидного благополучия. Ныне мастера-татуировщики из Скивари, пользовавшиеся иглами из рыбных позвонков и чернилами секретного состава, обслуживали все племена степи Тинзит-Ала. В скиварийском «Колледже благородных девиц» дочерей рыцарей-кочевников обучали хорошим манерам, коварству, изготовлению седел, танцу из четырех па и танцу из восьми па. «Речной справочник» приписывал скиварийцам такие качества, как приветливость, незлобивость и терпимость. Невзирая на все свидетельства обратного, скиварийцы считали себя представителями сверхчеловеческой расы, превосходящей все народы Большой Планеты и несовместимой с ними. Посвященная Скивари статья «Речного справочника» заканчивалась, однако, следующим леденящим кровь предупреждением:

«Берегите и бдительно охраняйте детей! Ни в коем случае не позволяйте им бродить без присмотра по закоулкам Скивари! Не испытывая ни малейшего сострадания, местные жители хватают чужого ребенка, сворачивают ему шею, разделявают, сдабривают приправами, готовят и подают в виде одного из дюжины традиционных блюд. Никакого чувства вины и никаких угрызений совести поедание детей у них не вызывает. Подробное описание обычаев этого странного племени не входит в намерения авторов справочника».

Гассун решил остановиться в Скивари — как для того, чтобы получить доход от спектакля, так и для того, чтобы приобрести свежие овощи и зелень, составлявшие основу диеты владельца музея; в Лантине они были слишком дороги. Замп не возражал, и во второй половине дня матросы «Миральдры» накинули швартовы на причальные тумбы Скивари. Замп выставил плакаты и выступил с объявлением о предстоящем вечернем представлении, а Гассун немедленно направился на рынок, чтобы познакомиться с ассортиментом местной сельской продукции.

До начала спектакля оставалось еще часа два, и Замп решил прогуляться по городку в компании фокусника Виливега. Улицы Скивари, постоянно продуваемые речными ветрами, выглядели пустынными. Все беленые каменные дома, лишенные каких-либо украшений или росписей, были обращены фасадами на юг, но их взаимное расположение казалось случайным, так как место строительства определялось знамениями. В тщательно спланированном квартале, прилегавшем к побережью Висселя, находились ателье татуировщиков, три гостиницы, пять пивных под открытым небом и пустырь, где посетители городка могли расставлять палатки и шатры. Замп заметил представителей более чем десятка различных племен в характерных традиционных костюмах: димнатигов, варлей более чем двухметрового роста, гончо, полностью прятавших головы под конструкциями из кожи и дерева, хулов с кожей чернее беззвездной ночи, лалюков, нацепивших ритуальные хвосты — все они приехали в Скивари издалека, чтобы их разукрасили татуировками. Как правило, кочевники держались с настороженной вежливостью и говорили только тогда, когда это было необходимо, ограничиваясь минимальным количеством слов; все они носили с собой оружие, соответствовавшее особым обычаям их племени, бросая пронзительно-вызывающие взгляды на традиционных врагов, но удерживаясь от насилия согласно строгим правилам татуировщиков, не желавших, чтобы междоусобицы и вендетты препятствовали их доходному ремеслу. Горожане Скивари — упитанные, с круглыми невыразительными лицами и редкими волосами имбирного оттенка — ничем не походили на своих клиентов. Если скиварийцы считали себя богоподобными пришельцами со звезд, Замп не намеревался их в этом разубеждать — постольку, поскольку они исправно платили за вход полновесным чугуном.

Вернувшись к плавучему театру, Замп обнаружил, что именно чугун стал предметом спора между Гассуном и местным должностным лицом, утверждавшим, что запрашиваемая Гассуном плата была чрезмерной и превосходила всякое разумение.

«Вы ошибаетесь! — заявлял Гассун. — Подумайте! Я вложил немалые средства в свое судно и театральное имущество. Кроме того, мне приходится находить, нанимать, обучать, кормить и снабжать деньгами разношерстную многочисленную толпу актеров, музыкантов и матросов. В-третьих, я проделал невероятно долгий путь вверх по этой бесконечной реке и не извлек практически никаких доходов до прибытия в Скивари. Почему вас удивляет мое возмущение вашим требованием о снижении расценок?»

«В том, что вы говорите, есть некоторый смысл, — согласился чиновник. — Тем не менее, в Скивари редко предлагают развлечения, и здесь каждый хотел бы присутствовать в вашем спектакле. Но почему бы кто-нибудь решил потратить дневной заработок на двухчасовое бездеятельное времяпровождение?»

Гассун упрямо мотал головой: «Мои расценки никак нельзя назвать завышенными. Возможно, местные ставки заработной платы ниже общепринятых».

«Что ж, посмотрим, посмотрим, — благодушно отозвался чиновник. — В конце концов, какое это имеет значение? Назначайте любую плату за вход — свободных мест у вас не останется в любом случае».

Вскоре после захода солнца Гассун открыл окошко кассовой будки на нижней площадке трапа; оркестр на квартердеке играл бодрые джиги и тарантеллы. Сразу начали собираться скиварийцы — они вносили указанную Гассуном плату, поднимались на борт и вскоре заполнили все места на скамьях театрального зала.

Замп подготовил три вступительных номера на авансцене — акробатов, балансировавших на длинных шестах, Виливега с его надувательством на стеклянных ходулях и клоунов, исполнивших комический танец спасения от уродов, переодевшихся в огрей. После этого поднялся занавес и началась первая сцена «Макбета».

Замп остался доволен эффектом, произведенным его нововведениями. Зрители сидели смирно, с застывшими на лицах улыбками безмятежного удовольствия. По окончании пьесы скиварийцы не выразили бурного одобрения, но покинули судно тихо и дисциплинированно.

К Гассуну тут же подошел чиновник, возражавший против дорогостоящего представления: «Прекрасный спектакль, просто замечательный! Вы не поскупились на декорации, и продолжительность представления не оставляет желать ничего лучшего. Оркестранты не сбивались и не фальшивили, а трагедия отличалась глубиной содержания и даже злободневностью».

Гассун был приятно удивлен: «Не ожидал от вас столь похвального отзыва после состоявшейся между нами дискуссии по поводу платы за вход».

Чиновник вежливо поклонился: «Зачем упоминать о таких мелочах? Пока я здесь, однако, будет лучше всего, если мы сразу решим вопрос о портовом сборе — я рассчитал его во время представления». Он передал Гассуну листок бумаги: «Вот ваша квитанция. Будьте добры, уплатите эту сумму железом».

Гассун возмущенно отступил на пару шагов: «Портовый сбор? С плавучих театров не взимают портовые сборы! Беспрецедентная наглость! Почему бы я стал платить такие деньги? Это же не меньше половины наших сегодняшних поступлений!»

Продолжая улыбаться, чиновник кивнул: «Сумма сбора рассчитывалась именно на упомянутой вами основе. В нашем мире, полном неопределенностей и недоразумений, простая и четкая концепция «половины» внушает незыблемую уверенность в завтрашнем дне».

Гассун не мог дождаться рассвета. Как только над горизонтом появились первые намеки на утреннюю зарю, он приказал поднять и взять на рифы все паруса — несмотря на то, что они бессильно обвисли в безветренных серебристых сумерках. Наконец появилась величественная Федра, и на речные воды легла полоса красно-оранжевого света. Воздух тут же оживился, и поверхность реки покрылась мелкой рябью. Паруса захлопали и надулись; швартовы сбросили с причальных тумб — судно неохотно отчалило, едва преодолевая течение. Чтобы плыть быстрее — и чтобы волны не привыкли бездельничать — Замп приказал пустить в ход гребное колесо, чем заслужил обжигающий гневный взгляд Гассуна, ненавидевшего любое присвоение его полномочий.

Виссель, теперь уже заметно менее полноводный, начинал виться излучинами — назад, вперед, кругом и около; матросы поворачивали рей, чтобы ставить паруса то одним галсом, то другим, а гребное колесо прилежно вспенивало воду за кормой. Берега украсились чудесным разнообразием деревьев и кустарников: огромные черноствольные просвирияки вздымали в небо кроны, напоминавшие облака бледно-зеленого пуха; ниже темнели плотными купами чернильные деревья, заросли черники и плакучие ивы. Изредка попадался гигантский тамариск со стволом семиметрового диаметра и могучими ветвями, сплошь покрытыми блестящими белыми древесными прилипаниями.

Во второй половине дня река обогнула группу древних вулканических останцев — согласно «Речному справочнику», в этих местах часто находили кристаллы пирита. С берега за проплывающим мимо судном следил отряд верховых кочевников. Они неподвижно сидели на длинноногих черных лошадях, никак не приветствуя необычное зрелище и не обмениваясь никакими замечаниями

— их оцепенение производило зловещее впечатление. Рассматривая эту банду в подзорную трубу Гассуна, Замп никак не мог определить происхождение этих всадников. Они отличались смуглой, почти темной кожей, выступающими острыми скулами и подбородками и странными, надвинутыми почти на горящие черные глаза черными шапками с высокими острыми наверху и торчащими в стороны длинными наушниками. Чужеземцы напоминали злобных сказочных персонажей; ветер доносил с берега их отчетливый запах, напоминавший о мускусе, лакрице и дыме тлеющего ароматического дерева.

Налившись желчью от раздражения, Гассун подошел сзади и отобрал у Зампа подзорную трубу: «Я предпочел бы, маэстро Замп, чтобы вы не пользовались моими инструментами — они дороги и требуют осторожного обращения».

Замп вздохнул, но ничего не ответил. Гассун тоже рассмотрел кочевников в трубу: «У них отталкивающая внешность. Рад, что мы не бросили якорь у берега — у них нет возможности напасть. Иначе нас могла постигнуть судьба несчастного Гарта Пеплошторма. Поистине, отправляясь в это плавание, я допустил безрассудную, непростительную оплошность!»

Кочевники развернули коней и скрылись. Замп взобрался в «воронье гнездо» и, к своему облегчению, увидел, что бандиты скачут на юг.

День прошел без особых происшествий. Отмели и песчаные косы затрудняли навигацию, и Гассуну пришлось уделять все внимание управлению судном.

Два дня ветры капризно меняли направление, после чего снова подул настойчивый южный муссон; на четвертый день после отплытия из Скивари новая «Миральдра» прибыла в Гаркен — укрепленный город побольше, чем Скивари, служивший конечной станцией караванных путей, ведущих на северо-восток в Центральный фестон XXIV и на запад, к берегам Неизведанного океана в фестоне XXII. У причалов стояли два небольших купеческих судна с зелеными, желтыми и черными вымпелами на мачтах. Заглянув в приложение VIII «Речного справочника», Замп определил по расцветке флагов, что суда эти принадлежали «Малу-Мандаман-Лакустринскому товариществу грузовых и пассажирских перевозок по Верхнему Висселю».

В том, что касалось Гаркена, «Речной справочник» содержал лишь следующие скудные сведения:

«Город, хорошо защищенный оборонительными сооружениями от нападений мандаманских василисков и различных прочих племен, кочующих по степи Тинзит-Ала́. В Гаркене находятся погрузочно-разгрузочные площадки и рыночная складская база караванов, привозящих и увозящих минералы, масла, рабов, ценные породы дерева, лантинское стекло, музыкальные

инструменты из Кобля, бальзам из Бей-Нары, мандаманский «эликсир бессмертия», гранатовые кристаллы из Нового Сегеда и десятки других товаров. Гаркенский базар — исключительно красочное, захватывающее зрелище; здесь производится обмен коммерческими грузами астрономической стоимости, причем сделки заключаются практически без слов: одному купцу достаточно подмигнуть другому, кивнуть или, если предложенная цена недостаточна, покачать пальцем.

Купеческий синдикат содержит эффективную, знаменитую своей строгостью полицию, создающую почти нереальное ощущение спокойствия и безопасности в этом оазисе посреди степи, кишащей разбойниками. В Гаркене нет бандитов, воров или дерзких головорезов; их хватают, как только они появляются в городе, и подвергают скорой и решительной расправе. Поэтому Гаркен считается убежищем справедливости и добросовестности; если вам дорога жизнь, ни в коем случае не пытайтесь заключать незаконные сделки, мошенничать, приставать к женщинам или прибегать к насилию».

Замп выразительно прочел вслух эти параграфы, бросая многозначительные взгляды на Гассуна; тот с возмущением уставился на партнера: «Почему бы я стал опасаться гаркенских бюстителей порядка? За всю жизнь я ни разу не нарушил закон!»

«Не начинайте преступную карьеру в Гаркене, — посоветовал Замп. — Иначе многие годы вашего самообуздания пойдут коту под хвост».

«Нет никаких поводов для беспокойства, — отозвался Гассун. — Мы объявим программу, как обычно, и будем давать представления — если сборы окажутся достаточными. Мне не терпится извлечь хоть какой-нибудь доход из этого разорительного путешествия».

«Мы можем провести здесь пару дней, не больше, — предупредил Замп. — Сроки поджимают».

«Посмотрим!»

«Миральдра» приблизилась к причалу Гаркена и пришвартовалась, почти не привлекая внимания находящихся на набережной. Замп выставил плакаты, оркестр заиграл веселые мелодии, девушки-мимы стали прохаживаться по верхней палубе — но лишь несколько портовых зевак остановились, чтобы взглянуть на плавучий театр.

«Странно! — заметил Гассун. — Даже любопытно. Гаркен — достаточно многонаселенный город. Причем местные жители, надо полагать, не страдают от избытка развлечений».

«Простая реклама делает чудеса, — подбодрил его Замп. — Устроим парад с музыкой, и все будет хорошо».

«Надеюсь, — проворчал Гассун. — В противном случае мы потеряем зря целый день и весь вечер».

Замп положил в чемоданчик несколько пачек билетов, построил музыкантов в колонну и поручил трем девушкам-мимам идти с плакатами в руках справа от колонны, а трем другим — слева. Замп подал знак рукой — оркестр стал маршировать по набережной, и вскоре музыканты заиграли бодрую мелодию. Встревоженный, Замп выбежал вперед и замахал руками, призывая к молчанию: «Еще не время! Здесь может быть запрещено исполнять громкую музыку по утрам или что-нибудь в этом роде. Давайте сначала убедимся в том, что мы не нарушаем никаких правил. Пойдем вперед — строем, в ногу! Девушки, поднимите плакаты повыше! Мы продаем билеты, а не разглядываем прохожих!»

Замп провел рекламную демонстрацию по широкой улице на центральную площадь, где создавали оживленную красочную суматоху многочисленные торговцы в палатках и лавках, с лотками и тележками. По обеим сторонам главной улицы тянулись вереницы гостиниц и таверн; в следующем квартале под сенью дубильно-ореховых деревьев расположились загоны для рабов — одни пустовали, другие были буквально набиты людьми. Прямо напротив через огромные ворота в массивной стене из черного кирпича открывался вид на бескрайнюю степь.

Замп остановил парадное шествие, уже начинавшее привлекать внимание. Поблизости стоял высокий темноволосый человек с болезненно желтоватой физиономией, обвисшими щеками и хищным горбатым носом — сочетание этих особенностей придавало ему исключительно мрачный вид. На нем была кираса из полированных стеблей черного бамбука, а его хитроумно устроенная кожаная шляпа с десятками фигурных вмятин и складок, по-видимому, свидетельствовала о каком-то должностном статусе. Замп подошел к нему, будучи уверен, что тот сможет предоставить достоверную информацию.

«Мы еще никогда не бывали в Гаркене, — сказал Замп. — По существу, мы только что прибыли на плавучем театре под наименованием «Очарование Миральдры» и хотели бы рекламировать предлагаемую нами развлекательную программу. Нарушим ли мы какие-нибудь местные постановления, если будем исполнять музыку и делать объявления?»

«Это не приведет к нарушениям, — ответил человек в черной кирасе. — Могу вас официально в этом заверить, так как я — один из городских магистратов».

«В таком случае я хотел бы предложить вам привилегию приобретения нашего первого билета, проданного в Гаркене, — Замп раскрыл чемоданчик. — Всего лишь за полгроша».

Магистрат поразмышлял несколько секунд, после чего согласился: «Не откажусь. По сути дела, я куплю сразу четыре билета».

Он вынул из поясной сумки стопку бумаг толщиной в два пальца, скрепил одну из бумаг черной печатью, пользуясь карманным устройством, и передал ее Зампу: «Два гроша — насколько я понижаю, такова цена четырех билетов?»

Замп с сомнением взглянул на листок бумаги: «Откровенно говоря, я предпочел бы получить плату полновесным железом».

«Вексель служит эквивалентом железа, — решительно возразил магистрат. — Он подлежит обмену на любые товары в городской черте Гаркена. У нас все сделки заключаются на этой основе».

«Изобретательная концепция! — заметил Замп. — Могу ли я обменять эту бумагу на два железных гроша — и, если это возможно, где производится такой обмен?»

«В большом здании из черного кирпича, — магистрат указал на упомянутое строение пальцем, длиной и бледностью соперничавшим с пальцами Гассуна. — Это банк, где любые местные векселя можно обменивать на наличные деньги».

«В таком случае благодарю вас — как за предоставленные сведения, так и за покупку», — сказал Замп. Он подал знак оркестру, тут же заигравшему веселую мелодию. Установив плакаты, девушки-мимы принялись исполнять сложный танец, кружась по одиночке и взявшись за руки, прыгая из стороны в сторону, приседая и кувыркаясь в воздухе. Стали собираться зрители; Замп время от времени прерывал оркестрантов и танцовщиц, громко объявляя о предстоящем вечернем исполнении высококачественной развлекательной программы на борту «Очарования Миральдры». Ему удалось продать много билетов, причем все покупатели расплачивались листками бумаги с проставленными на них печатями.

Внимание Зампа отвлекли отчаянная жестикация и выкрики группы рабов, столпившихся в загоне под дубильно-ореховым деревом. Любопытствуя, Замп подошел к бамбуковой ограде. За ней он обнаружил Гарта Пеплошторма и многочисленных участников его трупы.

Почти прикасаясь лицом к прутьям бамбуковой решетки, Замп серьезно произнес: «Маэстро Пеплошторм! Никак не ожидал встретить вас в Гаркене».

«Мы здесь не по своей воле! — слегка дрожащим голосом воскликнул Пеплошторм. — Нас схватили, нам угрожали, нас погоняли, как скотину, и привезли сюда, чтобы продать в рабство! Можете ли вы представить себе такую нелепость? Какую радость, какое неопишемое облегчение я ощутил, как только вас заметил!»

«Всегда приятно увидеть знакомое лицо в чужой стране, — кивнул Замп. — Но прошу меня извинить, мне нужно продавать билеты на вечернее представление».

Замп вернулся к оркестрантам, обратился к толпе с громким объявлением и продал почти сотню билетов.

Гарт Пеплошторм продолжал возбужденно жестикулировать, и Замп вернулся к загону: «Маэстро Пеплошторм, вы меня звали?»

«Конечно! Когда вы сможете вызволить нас из этой клетки? Нам не терпится выкупаться и плотно закусить».

Замп скорбно улыбнулся: «У вас преувеличенное представление о моих возможностях. Я ничего не могу для вас сделать».

Гарт Пеплошторм ошеломленно отшатнулся: «Как? Вы намерены бросить нас в беде?»

«У меня нет другого выбора».

«Но вы могли бы, конечно же, заключить какое-нибудь соглашение с работорговцем!»

Замп с сожалением покачал головой: «Зачем мне столько рабов — даже если бы я мог за них заплатить?»

Помолчав несколько секунд, Пеплошторм холодно произнес: «Если вы поможете нам в этой безвыходной ситуации, можете не сомневаться в том, что ваше железо будет возвращено с благодарностью».

«У меня нет железа, — возразил Замп. — Все, что у меня было, осталось у разбойников в Голодном Порту. Возможно, поэтическая справедливость так-таки существует».

«А маэстро Гассун? У него тоже нет денег?»

Замп задумчиво погладил козлиную бородку: «Могу сделать одно предложение. Нам не хватает четырех волов — но вы, надо полагать, не желаете спать в хлеву и толкать ворот?»

Пеплошторм глубоко вздохнул: «Если не остается ничего другого — придется с этим смириться».

Замп направился размашистыми шагами к конторе работорговца, тучного субъекта в темно-красной мантии. Тот сердечно приветствовал антрепренера: «Чем я могу вам помочь?»

«Примерно через неделю, — ответил Замп, — я мог бы продать дюжину рабов. Сколько вы согласились бы за них заплатить?»

«Все зависит от качества товара. Не могу назвать определенную сумму, пока не произведу осмотр».

«Исключительно для сравнения — скажем, они примерно напоминают ту группу в бамбуковом загоне».

«Это невыносливый сброд без полезных навыков, на тяжелой работе они не продержатся и нескольких недель. На таких нет особого спроса — мне их сбыли по пятнадцать грошей за голову».

«Даже так! — удивился Замп. — Никак бы не подумал, что рабов можно купить так дешево. А по какой цене они продаются?»

Работорговец поджал губы: «Я уступил бы их по сорок грошей за каждого. Так вы продаете или покупаете?»

«Сегодня, если вы назовете разумную цену, я мог бы их купить. Но не могу предложить больше двадцати грошей за голову».

Томно полузакрытые глаза работорговца раскрылись и потрясенно выпучились: «Как может прокормиться коммерсант, если он покрывает издержки на содержание товара, а потом продает его в убыток себе? Легкомыслие в нашем деле неуместно».

В конце концов торговец согласился получить по двадцать шесть с половиной грошей за голову, то есть ровно пятьсот грошей за всю партию рабов. «Теперь поговорим об оплате, — деловито продолжил Замп. — Вот пачка заверенных ценных бумаг, переданных мне жителями Гаркена, общей стоимостью шестьдесят три гроша. Я вручаю ее вам, после чего с меня причитаются еще четырехста двадцать семь грошей». Замп открыл чемоданчик с билетами: «Таким образом, я должен уплатить вам восемьсот пятьдесят четыре векселя по полгроша каждый, подобных ценным бумагам, имеющим хождение в Гаркене — как вы можете видеть, на каждом выдавлена официальная эмблема знаменитого плавучего театра «Очарование Миральдры». Предъявив любой такой вексель у трапа, можно получить право на вход, причем он сохраняет стоимость бессрочно, вплоть до обмена».

Работорговец внимательно рассмотрел билеты, полученные от Зампа: «Меня приводит в некоторое замешательство назначение этих векселей. Их можно обменять на железо?»

«На железо, если таково будет решение маэстро Гассуна, на какой-либо товар или на услугу эквивалентной стоимости — например, предъявителю векселя предоставляется право присутствовать на представлении трагедии «Макбет». По вашему усмотрению, вы можете извлечь прибыль, предлагая эти векселя степным кочевникам по цене, в два раза превышающей их номинальную стоимость».

«Хорошо. Рабы — ваши. Но я не могу предоставить никаких гарантий, сбывая их с такой скидкой».

«Придется рискнуть, — пожал плечами Замп. — Мне потребуются веревка, чтобы привязать их друг к другу, шея к шее, и тем самым предотвратить возможность побега».

«О каком побеге может идти речь? Тем не менее, вот крепкий шнур, вполне соответствующий вашим целям».

Замп повел бывших рабов к плавучему театру, а марширующие оркестранты и девушки-мимы завершали шествие. Все они шеренгой поднялись по трапу на главную палубу; остановившись, Гарт Пеплошторм произнес срывающимся от волнения голосом: «Аполлон Замп! В свое время между нами возникали расхождения, но сегодня вы сделали поистине доброе дело. Будьте уверены в том, что по меньшей мере я никогда об этом не забуду!»

«Я тоже! — заявил Ально, выступавший главным акробатом в бывшей труппе Зампа. — Гип-гип-ура! Качать Аполлона Зампа, нашего благородного избавителя!»

«Всею свое время, — удержал акробата Пеплошторм. — В данный момент я настолько проголодался и ослаб, что просто не способен веселиться. Не могу дожидаться возможности принять ванну, переодеться в чистое белье, хорошенько поужинать, а затем, наконец, растянуться на кровати и отдохнуть!»

«Не спешите, — с мрачной усмешкой заметил Замп. — Небезызвестные события на реке Лант и в таверне «Зеленая звезда» все еще не стерлись из моей памяти».

«Будет вам, дружище Замп! — с укоризной отозвался Пеплошторм. — Я, например, готов обо всем забыть — что было, то прошло!»

«Не сомневаюсь, что со временем все забудется, но прежде всего следует помнить о сиюминутных проблемах. Выкупив вас из рабства, я понес существенные расходы».

«Разумеется! Мы всецело признаём нашу задолженность, — с готовностью подтвердил Пеплошторм. — Каждый из нас обязуется вернуть свою долю выкупа».

«Прекрасно! — кивнул Замп. — Вы можете сейчас же выписать на мое имя безотзывный банковский аккредитив на тысячу железных грошей, после чего каждый из ваших спутников вернет вам свою долю выкупа в соответствии с принятыми обязательствами».

Гарт Пеплошторм начал было громко протестовать, но Замп остановил его резким жестом: «Само собой разумеется, что, пока упомянутая сумма не будет вручена мне полновесным железом, ваша задолженность остается в силе, и всем вам придется толкать ворот».

«Вы меня огорчаете, — заметил Пеплошторм. — У вашего сострадания желчный привкус».

Замп хотел было холодно возразить, но его прервал звенящий возглас Гассуна: «Маэстро Замп, чем объясняется это вторжение?»

«Одну минуту, — сказал Замп и подозвал боцмана. — Отведите этих людей на нижнюю палубу и проследите за тем, чтобы они никуда оттуда не выходили».

Боцман увел Пеплошторма и других выкупленных рабов, после чего Замп присоединился к Гассуну на квартердеке.

«Может быть, вы сообразовали объяснить мне происходящее?» — потребовал Гассун.

«Объясню. Разве вы не узнали Гарта Пеплошторма и его труп-пу? Я нашел их в загоне для рабов!»

Гассун вопросительно поднял брови: «И каким образом, не располагая денежными средствами, вы их освободили? Надеюсь, вы не прибегали к насилию или мошенничеству?»

Замп ответил надменно-ледяным тоном: «Ввиду отсутствия денежных средств мне пришлось положиться на изобретательность и убедительное красноречие».

Гассун схватился за голову — пучки растрепанных белых волос встали торчком у него между пальцами: «Ваши слова чреватые зловещими последствиями!»

«Я честно заключил сделку на самых недвусмысленных условиях, — спокойно, с достоинством возразил Замп. — По существу, работорговец назначен нашим агентом по продаже билетов. На мой взгляд, это самый удовлетворительный результат для всех заинтересованных сторон».

Гассун, казалось, обреченно обмяк. Он спросил, выдавливая слова, как металлическую проволоку: «Каковы конкретные условия этой сделки?»

«Я выдал торговцу определенное количество билетов, совокупная стоимость каковых точно соответствовала запрашиваемой цене».

Гассун застонал: «Сколько билетов?»

«В общей сложности восемьсот пятьдесят четыре».

«Восемьсот пятьдесят четыре билета! Даже если все билеты раскупят сразу, нам придется давать три представления, не получив за это ни гроша!»

«Не обязательно, — возразил Замп. — У агента есть несколько возможностей. Он может прибыльно продавать билеты с наценкой, распределять их среди друзей и знакомых или даже обменивать на железо у нас на борту».

Гассун возопил, пронзительно и гнусаво: «И я буду вынужден платить железом за мои собственные билеты? Да вы с ума сошли! У меня просто нет таких денег!»

«До этого дело не дойдет, — успокоил его Замп. — Возникшая ситуация отличается многими преимуществами. Маэстро Пеплошторм и его товарищи вызвались выполнять работу недостающих волов. Кроме того, они возместят нам издержки, когда мы вернемся в Кобль. Как мы можем что-либо потерять?»

Гассун воздел руки к небу и скрылся у себя в кабинете.

Когда началось вечернее представление, зал наполовину пустовал. Присутствовали работорговец в красной мантии, магистрат в черной бамбуковой кирасе и другие обитатели Гаркена, заплатившие за билеты бумажными сертификатами на площади, человек тридцать, обменивавших проштампованные бумажные векселя на билеты, поднимаясь по трапу, и еще дюжина зрителей, повидимому купивших билеты у работорговца.

Гассун мрачно взирал на пустые места: «Если дело пойдет таким образом, нам придется торчать на причале в Гаркене две недели и давать по два представления в день — ничего при этом не зарабатывая».

«Это было бы нецелесообразно, — заметил Замп. — Возможно...» Антрепренер замолчал, задумчиво подергивая козлиную бородку.

«Возможно — что?»

Прежде, чем Замп успел ответить, к нему приблизились магистрат и работорговец.

«Прекрасный спектакль, — похвалил магистрат, — хотя, на мой взгляд, в какой-то мере мрачноватый и тягостный. Что вы будете показывать завтра?»

«То же самое», — буркнул Замп.

Работорговец недовольно покачал головой: «Я не смогу распродать билеты на такое унылое представление. Здесь, в Гаркене, любят веселые, легкомысленные развлечения — даже, можно сказать, в какой-то мере непристойные, хотя и не выходящие за грани дозволенного. Думаю, что мне придется обменять ваши векселя на железо».

Гассун поднял глаза к небу. Замп любезно ответил: «Наши векселя — так же, как местные бумажные сертификаты — можно обменять на железо в банке».

Работорговец начал было возражать, но вмешался магистрат: «Это вполне разумное решение вопроса. Кто станет рисковать суровыми последствиями мошенничества из-за какой-то жалкой кучки железных грошей?»

«Конечно, никто, — согласился работорговец. — Но день банковских расчетов наступит только через шесть месяцев!»

«Как это так? — мгновенно разъярился Гассун. — Прощампованные бумажки, которые вы всучили кассиру у трапа, нельзя обменять на железо раньше, чем через шесть месяцев?»

«В связи с особыми обстоятельствами, — уступил магистрат, — я попрошу банковских служащих обменять на железо как бумажные сертификаты, полученные театром, так и векселя, выданные от имени театра, уже завтра утром. Не беспокойтесь о своем железе, господа — в Гаркене такие вопросы решаются методично и добросовестно. У тех, кто не придерживался этого правила, давно нет никаких вопросов».

Как только магистрат и работорговец удалились, Замп и Гассун тревожно переглянулись. Аполлон Замп сказал: «Выход из положения очевиден».

На этот раз Гассуну пришлось согласиться. Владелец судна позвонил боцмана: «Запрячь волов. Поднять паруса и отдать концы. Мы покидаем Гаркен сию же минуту».

Глава 13

С юга дул настойчивый прохладный ветер; появившиеся было звезды скоро скрылись за летящими клочьями облаков. Руководствуясь почти невидимыми очертаниями низких берегов, команда «Миральдры» направляла судно вверх по течению полноводной реки.

К полуночи ветер ослаб. Волы крутили два ворота, а Гарта Пешлошторма и его труппу, невзирая на их протесты, заставили толкать спицы третьего, и судно продолжало упорно плыть на север.

На рассвете ветер снова наполнил паруса, и кормовое гребное колесо подняли из воды. Часа через четыре на восточном берегу появились шестеро скачущих на юг всадников — заметив плавучий театр, они развернулись и принялись догонять судно, крича и размахивая руками. Гассун предусмотрительно держался поближе к западному берегу и притворялся, что не замечает возбужденную жестикуляцию. В конце концов всадникам надоело бесполезное преследование, и они разочарованно продолжили путь на юг. Зампу, наблюдавшему за ними в подзорную трубу, показалось, что он узнал тучную фигуру работаровца, хотя просторный капюшон почти полностью закрывал его лицо.

«Мы достаточно далеко от Гаркена, — заметил он, повернувшись к Гассуну. — Но местные жители отличаются мелочным и злобным характером, у них нет никакого чувства юмора. Как только перед ними открывается возможность воспользоваться каким-либо преимуществом, они ни перед чем не останавливаются».

«Тем не менее, — прорывал Гассун, — моя безукоризненная репутация, приобретенная с таким трудом, отныне запятнана».

«Не обязательно, — возразил Замп. — Гаркенский банк может действительно обменять наши билеты на железо, в каковом случае никто не останется в проигрыше».

Вечером следующего дня плавучий театр приблизился к Погромной Излучине, о которой в «Речном справочнике» не было вообще никаких сведений. Гассун хотел дать пару представлений, чтобы поправить финансовые дела; Замп подозревал, однако, что всадники из Гаркена могли опередить судно и поджидать его в Погромной Излучине, что было бы чревато нежелательными последствиями. Между партнерами завязался длительный и возбужденный спор.

Вопрос решился сам собой, когда в поле зрения показалась Огромная Излучина — полуразрушенный, покинутый жителями поселок. Гассун подвел судно поближе к обвалившимся причалам, чтобы получше рассмотреть городок в подзорную трубу. На пустынных улицах не было ни души — хотя Гассуну показалось, что в тених украдкой перемещались какие-то фигуры. Так или иначе, представление здесь никак не могло принести какой-либо доход, и «Миральдра» поплыла дальше.

Окружающая местность превратилась в бескрайнюю степь, по плоской поверхности которой Виссель растекся подобно гигантскому спуту, мягкому и ленивому. «Миральдра» почти беззвучно парила на воде, как во сне, под нежнейшими солнечно-голубыми небесами. Несколько раз показывались шайки кочевников — иногда они молча сидели в седлах, провожая глазами плавучий театр, иногда скакали за ним по берегу со свистом и улюлюканьем, размахивая шапками.

«Речной справочник» уже почти не позволял получить какие-нибудь полезные сведения, хотя на карте было обозначено примерное местонахождение нескольких населенных пунктов: Степного Простора, Айдентуса, Порт-Венобля и замка Банури. Несмотря на предупреждения Зампа, все еще опасавшегося погони из Гаркена, Гассун настоял на остановке в Степном Просторе. Поселок состоял, по-видимому, не более чем из пристани, склада и горстки фермерских жилищ; тем не менее, местная публика пришла в восторг от «Макбета», и Гассун оказался настолько доволен как реакцией зрителей, так и кассовыми поступлениями, что хотел остаться в Степном Просторе на несколько дней. Замп, однако, твердо наложил вето, ссылаясь на недостаток времени.

На следующий день после отплытия из Степного Простора на берегу появилась банда кочевников; понаблюдав за судном несколько секунд, они поспешили вверх по течению, пришпоривая коней с целеустремленностью, показавшейся Зампу зловещей. Гассун, увлеченно обсуждавший поэзию с мадемуазелью Бланш-Астер, презрительно отмахнулся от Зампа, когда тот попытался объяснить причину своего беспокойства. Через два часа «Миральдру», огибавшую очередной плоский мыс, встретила целая флотилия из дюжины сплетенных из ивняка и обтянутых кожей лодок — в лодках сидели встревожившие Зампа кочевники, вооруженные луками и стрелами, боевыми топорами и абордажными крюками.

Нисколько не успокоенный безмятежной уверенностью Гассуна, Замп поднял всеобщую тревогу, и команда немедленно приняла предусмотренные им заранее оборонные меры. Подняли щиты, предохранявшие от стрел рулевой и ворота — к спицам уже пристегнули волов. На носу верхней палубы Замп навел на цель пушку из цементированного стекловолокна и поднес горящую спичку к запалу; пушка изрыгнула разрушительный веер кремневых голышей и потопила три кожаные лодки сразу. Пеплошорма и его

труппу приставили к планширям; им приказали немедленно хватать и сбрасывать за борт любые абордажные крюки. Тем временем команда принялась обстреливать разбойничьи лодки из катапульти-бурдюками, наполненными летучим эфирным маслом. Как только поверхность реки между лодками покрылась разлившейся маслянистой пленкой, в нее метнули из тех же катапульти оханки горящего мусора. Почти взрывообразно возникла сплошная стена огня. Горе-разбойники отчаянно вопили, бросались в воду и плыли к берегу. Замп перезарядил пушку и разрядил ее в направлении еще остававшихся на плаву лодок — нападение было отражено практически сразу после того, как началось.

Гассун ворчливо признал эффективность оборонительных маневров Зампа, но считал, что они, вероятно, были преждевременными: «Думаю, что их можно было бы отпугнуть грозным предупреждением или просто какой-нибудь демонстрацией наших возможностей. Ненавижу излишнее кровопролитие, зрелище человеческой смерти меня удручает».

«Зато теперь на обратном пути будет меньше кровожадных бездельников, готовых перерезать вам глотку и пустить ко дну все ваши экспонаты, не испытывая ни малейших угрызений совести», — парировал Замп.

Гассун что-то пробормотал себе под нос и скрылся в кабинете.

Через час над степью воцарился мертвый штиль. С севера, где уже высились неясные темные очертания Мандаманских гор, надвигались клубящиеся тучи. Справа и слева молнии ударили в безразличную равнину, и тут же налетел шквал холодного ливня. Но уже через пять минут гроза разлетелась во все стороны, словно кто-то ударил по тучам кулаком. Открылось ясное небо, и легкий бриз стал подталкивать «Миральдру» вверх по течению.

Перед заходом солнца на восточном берегу показался небольшой городок. Сверившись с картой, Замп заявил, что это Айдентус. В связи с полным отсутствием информации Замп хотел продолжать плавание и как можно незаметнее миновать этот поселок, но Гассун приказал пришвартоваться к местному причалу — не только для того, чтобы дать представление и тем самым пополнить кассу, но и потому, что он боялся провести ночь, бросив якорь посередине реки.

Замп мог противопоставить этим аргументам лишь общее ощущение беспокойства, вызвавшее со стороны Гассуна презрительные насмешки. Команда спустила паруса, и «Миральдра», потихоньку перемещаясь поперек течения, причалила к пристани Айдентуса.

На пристани немедленно собралась толпа местных жителей — крепко сколоченных субъектов с румяными физиономиями, волосами соломенного оттенка и открытыми, непринужденными мане-

рами. Особенно очаровательно вели себя дети, бросавшие цветы на палубу плавучего театра.

Когда Гассун вышел на верхнюю площадку трапа, чтобы представиться и объяснить назначение своего прибытия, айденцы приветствовали его с энтузиазмом. Они сообщили, что «Очарование Миральдры» — первый плавучий театр, посетивший их городок; по их словам, их редко навещали какие-либо суда.

При виде столь доброжелательно настроенной публики опасения Зампа рассеялись. На вечернем представлении скамьи ломились — казалось, в зале собралось все население Айденгуса. Кроме того, к вящему удовлетворению Гассуна, айденцы платили звонким холодным чугуном.

Местные жители остались довольны трагедией — настолько довольны, что после того, как закрылся занавес, Гассун счел необходимым выйти на сцену: «Благодарю вас за энтузиазм — очень приятно видеть, что вам понравилась пьеса. Я на самом деле считаю, что вы, проницательные и восприимчивые горожане Айденгуса, в полной мере постигли глубину и сложность содержания шекспировского шедевра».

Гассун с улыбкой поднял руку, чтобы остановить поток доносившихся из зала выкриков: «Бис, бис! Еще раз!»

«Мы устали, нам нужно отдохнуть — хотя, если кто-нибудь из горожан пропустил сегодняшнее представление, я не вижу причины, по которой мы не могли бы повторить спектакль завтра утром — перед тем, как нам придется, к сожалению, покинуть ваше замечательное селение!»

Наконец публика покинула плавучий театр; Гассун, благодаря судьбу, подсчитал извлеченный за вечер солидный доход и переместил железо из кассы в сейф.

Наутро во всем городке явно преобладало праздничное настроение. Дети сплели гирлянды из льняных метелок и соцветий бобадилья и украсили ими все судно, от носа до кормы вдоль обоих бортов; гребное колесо оказалось опутано таким количеством листьев и цветов, что Замп встревожился — гирлянды могли воспрепятствовать навигации.

Гассун, по такому случаю надевший поверх обычных черных брюк «выходной» сюртук с красновато-коричневыми отворотами, возбужденно воскликнул, обращаясь к Зампу: «Наконец мы нашли то, что я уже почти отчаялся найти: поистине проницательную, отзывчивую аудиторию! Смешно подумать, что вас снедали опасения по поводу остановки в Айденгусе!»

«Вы совершенно правы, — отозвался Замп. — Но время не ждет — давайте поскорее покончим с утренним спектаклем».

К Гассуну подошел городской старейшина: «Разумеется, я никак не могу распоряжаться вашими делами, но вчера вечером мы

потратили все железо, накопленное за несколько лет. Короче говоря, у нас больше не осталось никаких денег. Тем не менее...»

Замп сразу нашелся: «Вы могли бы заплатить свежими пищевыми продуктами и кормом для волов».

Старейшина почесал в затылке: «Корма для скота у нас нет, а что касается овощей и прочего, вы же не станете отнимать у друзей последнюю корку хлеба? Пусть начинается представление! А о расценках и прибылях мы побеспокоимся как-нибудь в другой раз. В конце концов, разве все это так уж важно? Через три дня мы устроим в вашу честь настоящий пир горой! Каждый принесет все лучшее, что у него есть, каждый наестся от пуза и напьется по горло. Мы уже заказали шесть бочек медовухи, шилликов и печависов для грилей, целую телегу леденцов и цукатов — устроим празднество, подобного которому не было во всей истории Айидентуса!»

«Подготовка такого фестиваля обойдется недешево, — заметил Замп. — Как вы намерены за все это заплатить, если у вас кончилось железо?»

«Как-нибудь справимся. Безоговорочная щедрость у нас считается первой добродетелью — в Айидентусе никто никогда не скупится и не прячет от других свое добро. Накопить кучу железа и не поделиться с товарищем, у которого ничего нет и который не может за что-нибудь заплатить — что может быть подлее и отвратительнее?» На какое-то мгновение глаза старейшины сверкнули — он казался почти возмущенным.

«Благородный принцип!» — задумчиво отозвался Гассун.

«Тем временем, начинайте представление! Насладимся вполне каждым мгновением нашей слишком скоротечной жизни!»

«Хорошо! — уступил Замп. — Одно последнее представление, после чего мы сразу отчалим — нас ждут важные дела в других местах!»

Шокированный, старейшина разочарованно всплеснул руками: «Неужели вы нас покинете, не дожидаясь роскошного пира?»

«У нас нет выбора, — объяснил Замп. — Как я уже упомянул, нас ждут срочные дела».

«Да, — поддержал партнера Гассун. — В высшей степени срочные. Неотложные!»

«Это всех огорчит необычайно, — опустил голову старейшина. — Мы надеялись развлечься от души и познакомиться со всем вашим репертуаром. А теперь получается, что нам придется довольствоваться единственной вчерашней трагедией — весьма меланхолического характера, надо сказать».

«В нашем репертуаре больше ничего нет, — возразил Замп. — Сегодня мы исполним ту же самую пьесу. Мы готовы поднять занавес — пожалуйста, занимайте места».

И опять на сцене стали разворачиваться события, неизменно приводившие к кровавой кончине Макбета и несопоставимые с фестивальной атмосферой городка и веселым убранством судна — тем более, что Замп на этот раз сократил представление, выкроив несколько сцен, вставленных для того, чтобы несколько оживить мрачность сюжета. На этот раз аплодисментам айдеентов, все еще искренним и продолжительным, не хватало вчерашней восторженности.

Как только занавес опустился, Гассун снова вышел на сцену: «Нам очень жаль, но теперь мы должны отправиться в путь. Мы понимаем, что провели в Айдеентусе слишком мало времени — тем не менее...»

Из зала послышались выкрики: «Не уезжайте! Оставайтесь у нас! Оставайтесь навсегда и развлекайте нас каждый день! Дайте еще одно представление! Сыграйте другую пьесу! У вас большой репертуар — сыграйте что-нибудь другое!»

Улыбаясь, Гассун поднял руки, чтобы утихомирить публику: «Нам очень льстит ваше внимание, но мы должны вас покинуть. Будьте добры, уберите гирлянды и цветы, украшающие судно, чтобы мы могли отчалить без промедления».

«Это не гирлянды, это «пряди любви»! — возразил старейшина. — Никто из нас не посмеет их сорвать».

Замп тоже вышел на сцену: «Нас переполняет чувство благодарности за ваше понимание драматического искусства и за вашу щедрость — нам не остается ничего другого, как уступить вашим пожеланиям. Поэтому мы дадим еще одно представление величественной трагедии «Макбет»».

«Опять «Макбет»?» — не веря своим ушам, спросил старейшина.

«Смысловое содержание этого шедевра отличается неисчерпаемой глубиной, — заявил Замп. — Для того, чтобы по заслугам оценить его всесторонние преимущества, требуется неистощимое терпение».

Актерам пришлось снова произносить реплики персонажей «Макбета»; на сей раз Замп полностью устранил пение, пляски и завывания, придававшие остроту ведьмовским сценам, а монологи приказал повторять дважды. Те зрители, у кого были дела в городе, пытались потихоньку уйти, но обнаружили, что трап убрали — им пришлось остаться в зале.

Когда трагедия закончилась, Замп снова появился на сцене и объявил: «Невозможно допустить, чтобы кто-либо превзошел нас в братском великодушии и расточительстве! Не поднимайтесь с мест — мы повторим представление в третий раз, и совершенно бесплатно. Итак — сцена первая первого акта! Прошу уделить должное внимание богатству и сложности языка, а также философскому резонансу неоднозначных эмоциональных переживаний, мастерски

выраженных с тонкостью, отражающей непревзойденное понимание человеческой природы!»

Теперь в первой сцене ведьмы сидели на стульях в повседневных платьях и напоминали сплетничающих после работы уставших уборщиц, все монологи произносились по три раза, а музыкальное сопровождение ограничивалось, по мере сюжетной необходимости, имитацией фанфар на одиноком ревгорне, скупым воспроизведением раскатов грома и редкой барабанной дробью. Как только занавес опустился по окончании последней сцены, он тут же взметнулся, снова предлагая взорам публики ночную вересковую пустошь.

Зрители начинали беспокоиться; многие встали со скамей и стояли в проходах, в связи с чем Замп прервал один из бесконечных монологов и выступил на авансцену: «Дорогие друзья! Пожалуйста, не мешайте исполнению! Мы делаем все, что в наших силах, и намерены прилагать дальнейшие усилия неустанно!»

«Будьте добры, спустите трап! — попросил старейшина. — Меня ждут дела на берегу».

«Мы можем оставаться в Айдентусе так долго, как потребуются — все время, пока вы уделяете нашему спектаклю свое просвещенное внимание! — продолжал Замп. — Поэтому будьте любезны, вернитесь на свое место».

«Исполните что-нибудь другое! Нам надоела эта выспренность, претенциозная драма».

«Мы исполняем только «Макбет» — это все, что мы умеем».

«В таком случае вам придется покинуть Айдентус, — с внезапной решительностью заявил старейшина. — И забирайте с собой вашего осточертевшего «Макбета»!»

В восьмидесяти километрах к северу от Айдентуса Виссель струился среди скалистых холмов и зеленых лугов, осененных доисторическими вязами, одинокими чернотравными сираксами и тремблантами с трепетной серо-зеленой листвой, отливавшей серебром; ландшафт был ласков и приятен для глаз, как потерянная блаженная Аркадия, но полон зловещей тишины — даже ветер умолк, а речная вода казалась вязкой, как сироп. Гассун приказал привести в действие гребное колесо; волов, в компании Гарта Пеплошторма и его актеров, заставили крутить ворот, и судно продолжало плыть вверх по все еще полноводной реке. Замп сидел на четвердеке, прихлебывая вино и посматривая то на пейзаж, то на вспотевшего Пеплошторма, налегавшего на спицу ворота.

Там, где к самому берегу подступал высокий темный лес, приютился городок, состоявший из бревенчатых домов, выкрашенных в ярко-синий и ярко-красный цвета; по мнению Зампа, это был Порт-Венобль. Так как уже приближалась ночь, а ветра не было, Гассун решил причалить и дать представление, надеясь что-нибудь заработать. Замп снова позволил себе выразить опасения: «Мы ни-

чего не знаем о местных жителях — надеюсь, что опыт, приобретенный по пути, научил вас осторожности».

Гассун разглядывал городок в подзорную трубу: «Не вижу ничего, что могло бы вызвать тревогу. Горожане — люди среднего роста, у них нет ни клыков, ни рогов, ни хвостов. Должен заметить, Аполлон Замп, что вы в некоторой степени предрасположены к малодушию и автоматически относитесь с недоверием ко всем и каждому — достойная сожаления черта характера».

Замп не нашел слов, позволявших опровергнуть это заключение, и Гассун торжествующе отправился давать указания рулевому. «Миральдра» повернула поперек реки и осторожно приблизилась к причалу.

Немногочисленная группа серьезных угрюмых субъектов собралась выслушать Гассуна, выступавшего с объявлением на верхней площадке трапа: «Перед вами чудесный плавучий театр, «Очарование Миральдры», и мы готовы исполнить для вашего развлечения классическую трагедию средневековой Земли под наименованием «Макбет». Но прежде всего я должен познакомиться с местными правилами и с тем, как они могут применяться по отношению к нашему театру. Например, взимаете ли вы портовые сборы?»

Представитель населения Порт-Венобля — а этот поселок назывался именно так — заверил Гассуна в том, что в их городской черте не действовали какие-либо необычные или чрезмерно обременительные правила: «Тем не менее, у нас считается традиционным проявлением вежливости распределение бесплатных билетов среди муниципальных чиновников и их ближайших родственников».

Гассун погладил длинный подбородок: «И сколько у вас таких муниципальных чиновников?»

«Примерно тридцать человек».

«И каково, в среднем, количество лиц, считающихся ближайшими родственниками?»

«В Порт-Венобле семья, как правило, состоит из одиннадцати или двенадцати человек».

«Любопытно! — заметил Гассун. — Таким образом, в вашем городке преобладают исключительно тесные и устойчивые семейные связи».

«Именно так».

Рассматривая поселок в подзорную трубу, Гассун примерно оценил численность местного населения — здесь не могли проживать больше четырехсот человек. «Мы сделаем еще более щедрую уступку! — торжественно заявил он. — Как правило, в нашем театре плата за вход составляет один грош. Но сегодня вечером вместо того, чтобы распределять бесплатные билеты, мы будем взимать с каждого зрителя в два раза меньше — всего лишь по пол-

гроша. Это будет выгодно каждому местному жителю, независимо от уровня его дохода».

«Рад слышать! — отозвался гражданин Порт-Венобля. — В наше время редко можно встретить такую бескорыстную готовность пойти навстречу потребностям общины!»

Гассун немедленно занялся продажей билетов, а Замп направился в находившуюся на пристани таверну. Там ему сообщили, что до Бездонного озера оставалось плыть еще не меньше ста пятидесяти километров, причем по диким местам, кишевшим разбойниками.

«К северу от Порт-Венобля нашли пристанище изгнанники из Сойванесса, — указал один из посетителей таверны. — Хуже всех — барон Банури, поселившийся в замке над Мандаманскими Воротами. С такого театра, как ваш, барон потребует огромную пошлину — не меньше двухсот грошей. А если вы откажетесь платить, он сбросит на ваше судно каменные глыбы, когда вы будете плыть по ущелью».

Замп надул щеки от огорчения: «И такая пошлина взимается последовательно, с каждого судна?»

«Так же последовательно, как пиво льется из бочки в кружку, из кружки в желудок, а затем в мочевой пузырь, каковой затем опорожняется общеизвестным способом».

«Мой партнер, Теодорус Гассун, неохотно подчиняется произвольным требованиям самозванных сборщиков податей, — заметил Замп. — Он может отказаться от плавания под Мандаманскими Воротами или даже не пожелает приближаться к ущелью».

«Вольному воля, как говорится».

Вечернее представление ни в чем нельзя было упрекнуть, и зрители подходили к Гассуну, высказывая красноречивые комплименты по поводу мастерства и правдоподобности актерской игры. Замп находился поблизости и внимательно прислушивался к замечаниям местных жителей. Кто-то сказал: «Как жаль, что возникла постыдная ситуация, в которой барон Банури позволяет себе...»

Замп не позволил говорившему закончить фразу: «Да-да, мы надеемся посетить Порт-Венобль снова и предложить вам другой репертуар».

Удрученно пожившись, еще один комментатор решил поделиться сходным наблюдением: «Замки древней Земли, такие, как Гламис, несомненно отличались мрачной суровостью, но если сравнить их с замком барона...»

Замп поспешно вмешался: «На обратном пути вниз по течению Висселя мы обязательно снова остановимся в Порт-Венобле и дадим здесь несколько представлений».

«Ди-ди, разумеется, — пробормотал несколько озадаченный Гассун. — Но кто этот барон?»

Замп прикоснулся к локтю партнера: «Прошу прощения, маэстро Гассун — пока вы принимаете заслуженные поздравления достопочтенных граждан, мадемуазель Бланш-Астер и я пойдем пропустим пару стаканчиков в местной таверне».

«Подождите-ка! — взревел Гассун. — Мне нужно срочно обсудить с ней несколько важных вопросов, а ваше присутствие сделает такое обсуждение неудобным как для меня, так и для нее. Идите, пьянствуйте в компании Виливега или кого-нибудь еще из ваших закадычных приятелей». Извинившись перед горожанами, Гассун отправился искать надменную красавицу.

На рассвете «Миральдра» отчалила от пристани Порт-Венобля и поспешила на север под всеми парусами, подгоняемая то крепчавшим, то ослабевавшим ветром — сезон муссонов подходил к концу. Замп пригласил судового инженера, Итэна Квэйнера, плотника Балтропа и еще нескольких человек собраться в трюме под тем участком палубы, где находился зрительный зал, и приказал изменить конструкцию домкратов, позволявших поднимать и наклонять секции палубы, сбрасывая в реку разбушевавшуюся публику.

Гассун не преминул услышать стук и тяжелые глухие удары, раздававшиеся под палубой, и потребовал объяснений. Замп сообщил сухопарому владельцу судна, что потребовалось отремонтировать кое-какие укосины и стойки: «Возможно, вам следует спуститься в трюм и проследить за производством работ, пока они не будут закончены. Конечно, я мог бы это сделать сам... — тут Замп покосился на квартердек, где стояла мадемуазель Бланш-Астер, празднично наблюдавшая за проплывающими мимо берегами — ...но у меня есть другие дела».

Гассун заметил направление взгляда Зампа и холодно сказал: «Ваших способностей вполне достаточно для выполнения этой функции».

«Как вам будет угодно».

Шло время, и окружающая местность становилась все более дикой и пустынной. Прямо впереди показались Мандаманские Палисады — издали казалось, что отвесные утесы перегородили русло реки. По берегам то и дело появлялись банды всадников-дикарей, изумленно провожавших глазами диковинное судно. Когда сгустились сумерки, вместо того, чтобы бросать якорь и подвергаться риску нападения, Гассун решил продолжать плавание вверх по течению, маневрируя при свете звезд, отбрасывавших слабые отблески на поверхности реки.

На следующее утро Мандаманские базальтовые столбы уже словно упирались вершинами в северное небо, а к полудню стало

очевидно, что их расщепляло глубокое ущелье, по которому Виссель вытекал из Бездонного озера. Не более чем в километре от ущелья, словно выросший из невысокого скального уступа, гнезвился замок, состоявший из внутренней цитадели, шести башен различной высоты и внешней крепостной стены с узким арочным проходом, перегороженным бревенчатыми воротами.

Как только «Миральдра» стала приближаться к замку, от находившегося неподалеку причала отделился черный баркас, с которого громко прокричали в рупор: «Эй, на борту! Уберите паруса, встаньте на якорь и приготовьтесь платить пошлину барону Банури!»

Гассун бешено откинул голову назад, как норовистая лошадь: «Какая такая пошлина? Что за чепуха? Мы плывем в Морнун!»

«Неважно. Спускайте лестницу!»

Гассун неохотно подал знак боцману, и тот опустил висевшую на крюках приставную лестницу. На палубу взобрался грузный человек в черных латах с лиловыми узорами. Гассун вышел ему навстречу: «Ни о каких пошлинах не может быть речи! Мы здесь по приглашению короля Вальдемара, гарантировавшего нам освобождение от любых путевых сборов».

«Протестовать бесполезно. Самому Вальдемару тоже пришлось бы платить. Барон Банури контролирует Мандаманские Ворота. Если вы желаете плыть дальше, вам придется выложить пятьсот грошей».

Гассун словно подавился, не находя слов: «Ничего подобного! Вы не получите ни гроша! Это неприкрытое, бессовестное вымогательство! Мне остается только развернуться и плыть обратно в Кобль!»

Замп подошел к человеку в латах: «Вы — барон Банури?»

«Я — сэр Арбан, благородный рыцарь, начальник охраны, хранитель Ворот и главный сборщик податей!»

«Как вы можете видеть, вы находитесь на палубе плавучего театра, — сказал Замп. — Мы направляемся в Морнун, чтобы участвовать в фестивале, и не можем заплатить такую невероятную пошлину».

«Тогда мы не позволим вам плыть дальше».

«Может быть, вы позволите нам дать представление вместо того, чтобы платить пошлину? Оно позволило бы развлечься и вам, и барону Банури, а также его придворным дамам и господам».

«Ага! Вы не отделаетесь так дешево!»

«Насколько уменьшится сумма пошлины, если мы дадим такое представление?»

Сэр Арбан задумался: «Если я получу соответствующее разрешение барона, пошлина уменьшится в десять раз. Но вам придется подавать закуски и напитки!»

Гассун яростно застонал: «Ваши требования непомерны!»

«Так или иначе, — успокоительно произнес Замп, — мы исполним перед бароном и его приближенными нашу величественную трагедию — возможно, это в какой-то степени утолит их жажду к наживе».

Сэр Арбан усмехнулся: «Если ваш спектакль настолько великолепен, насколько цветисто вы выражаетесь, мы проведем приятный вечер. Поворачивайте судно и швартуйтесь к причалу».

«С удовольствием! — отозвался Замп. — Представление начнется ровно через час».

Гребное колесо «Миральдры» лениво вращалось, едва преодолевая течение Висселя — плавучий театр мало-помалу протиснулся к причалу. Над головой возвышалась крепостная стена, за ней тянулись в небо шесть башен. По бокам арочных ворот из стены торчала пара сторожевых башенок-бартизанов; у амбразур, наблюдая за приближением необычного длинного судна, толпились любопытствующие. «Миральдру» привязали к швартовным тумбам; как только опустился трап, Замп установил на причале рекламные плакаты, после чего вернулся на палубу, чтобы своими глазами удостовериться в готовности предусмотренных им приспособлений.

К нему подбежал дрожащий от волнения Гассун: «Почему не расставляют скамьи? Хаскель говорит, что вы приказали ни в коем случае их не устанавливать!»

«Совершенно верно. Я знаю, как справиться с бароном-вымогателем — надеюсь, после нашей встречи у него поубавится наглости. В конце концов, разве мы — не Аполлон Замп и Теодорус Гассун, отважные капитаны плавучих театров и повелители Висселя?»

Длинные белые зубы Гассуна обнажились в нервной усмешке: «Когда нас бросят в темницу, вы сможете утешаться такими фантазиями. Нет, Замп! Как всегда, вы валяете дурака в погоне за химерой! Наша единственная надежда на избавление от грабительской пошлости — в том, чтобы вести себя вежливо, проявлять стремление к сотрудничеству и всячески провоцировать дружелюбие. Если этого окажется недостаточно — что ж, так тому и быть, придется вернуться в Кобль. Хаскель! Расставьте скамьи! И оберните их декоративными полотнищами!»

«Возможно, вы правы, — сказал Замп. — Но я хотел бы продемонстрировать вам одно важное примечание в «Речном справочнике». Он отвел владельца судна на корму, к двери его кабинета, и вежливо пропустил Гассуна внутрь, после чего захлопнул дверь у него за спиной. Не обращая внимания на вопли изумленного партнера, Замп крепко заклинил дверь кабинета двумя шестами, упиравшимися в основание противоположной перегородки — шесты

были измерены, обтесаны и приготовлены утром именно с этой целью.

Продолжая игнорировать возмущенные возгласы Гассуна, Замп вернулся на главную палубу и отменил последний приказ, полученный Хаскелем. Уже через пять минут распахнулись бревенчатые ворота в проходе нависшей над судном стены, и вниз по дороге двинулась роскошная процессия, возглавляемая парой герольдов в сиреневых лосинах и серых камзолах. Они медленно маршировали церемониальными длинными шагами и несли пару высоко развевающихся черных хоругвей с пурпурными гербами. За ними важно спускались знатные придворные в кирасах и шлемах из лиловой, зеленой, темно-красной и черной отвержденной кожи, лакированной и полированной, украшенной серебристыми розетками и блестками. На дамах были расшитые узорами длинные платья, мягкие кожаные туфли и хитроумные головные уборы невероятно сложной конструкции. На некоторых рыцарях постарше, сохранявших непреклонно-язвительное выражение лиц, были костюмы из блестящего черного бархата и черные цилиндры с узкими полями. С кистей многих придворных свисали на плетеных шелковых шнурках драгоценные футляры с ароматическими шариками, какие они то и дело деликатно подносили к носу — так, словно легкий речной ветерок был слишком свеж и раздражал их чувствительные натуры.

Вслед за аристократами маршировала группа совсем иного сорта — приземистые мускулистые увальни в черных с лиловыми полосками униформах, вооруженные алебардами и мечами. Их круглые мясистые физиономии, безразличные, как маски из засохшей овсяной каши, с наморщенными носами, маленькими прищуренными глазками и брезгливо искривленными ртами, настолько подходили одна на другую, что можно было смело предположить наличие в окрестностях замка клана, размножавшегося в условиях близкородственного скрещивания. Охранники шли точно в ногу, не глядя по сторонам и сосредоточенно следя только за тем, куда и когда опускались подошвы их тяжелых сапог.

Герольды задержались у трапа; пока знатные придворные с ленивым любопытством разглядывали театральные плакаты, Замп предположительно определил, кто из них мог быть бароном Банури — скорее всего, дородный субъект средних лет, приземистый, с кудрявыми темно-рыжими волосами и усами того же оттенка. Голова его спутницы, тучной и высокой, поддерживала потрясающее сооружение из пучков, спиралей, волнистых каскадов и завитых локонов.

Капитан охраны поднес к губам свисток; прозвучала оглушительная короткая трель — близнецы в черных униформах взбежали вверх по трапу, чтобы проверить палубу, сцену, кулисы и проходы на наличие признаков предательской засады. Не обнаружив ничего подозрительного, они вернулись на причал и выстроились по стой-

ке «смирно». Только после этого барон Банури и его свита соблаговолили подняться по трапу.

Замп выступил им навстречу: «Команда и труппа «Очарования Миральдры» приветствуют барона Банури и других высокопоставленных гостей на борту нашего плавучего театра! Мы надеемся заслужить благоволение барона Банури, достаточное для освобождения нашего судна от его обычной пошлины. С этой целью мы подготовили развлекательную программу из нескольких забавных номеров и музыкальных фантазий».

«Я — барон Банури! — заявил дородный рыжий господин. — Ваши намерения понятны, но я вынужден настаивать на уплате обычной пошлины — хотя бы для того, чтобы не создавать нежелательный прецедент».

Замп ответил любезным жестом: «Высокочитимый барон, мне тоже понятны как ваши намерения, так и вопрос, ожидающий вашего решения. Тем не менее, уплата требуемой пошлины приведет к нашему разорению — по сути дела, я сомневаюсь, что нам вообще удалось бы собрать такую сумму».

Барон Банури протянул руку, указывая на Мандаманские Палисады: «Поднимите глаза к вершине утеса. Что вы видите на фоне неба?»

Замп прищурился и рассмотрел вереницу приспособлений, черневших вдоль края отвесного утеса: «Насколько я понимаю, это какие-то перекладины, установленные на столбах с укосинами. Человек, предположенный к мрачным догадкам, сказал бы, что они напоминают виселицы».

Барон Банури кивнул: «Я указываю на эти устройства всего лишь для того, чтобы продемонстрировать серьезность моего подхода к погашению финансовых задолженностей. Тот, кто желает проплыть через Мандаманские ворота, обязан за это платить».

Замп слегка поклонился: «Но вы, разумеется, не откажетесь щедро вознаградить нас за представление?»

«Посмотрим, посмотрим! — барон Банури снова протянул руку, на этот раз в направлении пустующего участка палубы перед сценой. — Почему для нас не приготовили сиденья?»

«Наш вступительный номер — павана. Благородным господам и дамам, как правило, нравится этот величавый танец». Замп повернулся лицом к сцене: «Пусть звучит музыка! Барон Банури желает танцевать!»

Поднялся занавес: сидевший на сцене оркестр заиграл степенную, торжественно-грациозную мелодию.

Барон Банури не проявил ни малейшего желания танцевать, но подошел к авансцене вместе со свитой, чтобы взглянуть на оркестр поближе. Аполлон Замп поднял руку: музыка тотчас же смолкла. Стоявшие в трюме боцман и плотник Балтроп размахнулись кувал-

дами и выбили пару опор, поддерживавших половины внутреннего участка палубы. Слегка раздвинувшись посередине, секции палубы обрушились вниз, повиснув на петлях. Барон Банури и весь его антураж провалились в образовавшийся проем. Волы налегли на спицы воротов — тросы натянулись, закрипели шкивы; из трюма поднялась большая грузовая сеть, набитая трепыхающимися телами барона, надушенных кавалеров и носительниц потрясающих образов парикмахерского искусства. Несколько секунд стоявший на причале отряд наблюдал за происходящим с тупым изумлением, после чего, разразившись хриплыми яростными возгласами, охранники бросились на квартердек, но их встретили в упор и смыли за борт мощные струи воды.

«Отдать концы! — приказал Замп. — Поднять паруса! Погонщики волов — полный вперед! Нам предстоит проплыть через знаменитые Мандаманские Ворота!»

«Миральдра» устремилась вверх по течению. Теперь Замп обратил внимание на содержимое грузовой сети, болтавшейся на конце поворотной стрелы в семи метрах над нижней палубой. Вглядываясь в плотно стиснутую мешанину рук, ног, задниц и перекошенных от напряжения лиц, он пытался определить местонахождение барона Банури и наконец нашел его в нижней части сети — тяжеловесная супруга сидела у барона на шее, тогда как нога, принадлежавшая, по-видимому, сэру Арбану, не слишком любезно перекинулась через ее плечо, не говоря уже о том, что чей-то локоть непоправимо нарушил целостность ее многоэтажной прически. Сеть дрожала и пучилась, сотрясаемая судорожными движениями пленников — те, что оказались внизу, тщетно пытались избавиться от веса тел, навалившихся на них сверху. У барона Банури, прижатого к сети ягодицами супруги, не было почти никакой возможности пошевелиться. Выгнув шею и подняв глаза, Замп сумел заглянуть в лицо барона. Но в таком положении разговаривать было неудобно, в связи с чем Замп приказал поднять живой груз повыше и повернуть стрелу так, чтобы сеть повисла над верхней палубой.

Перекрикивая стоны и ругательства, Замп обратился к барону: «Весьма сожалею о необходимости причинять вам такое неудобство — но, как вы сами знаете, в некоторых ситуациях такие меры неизбежны».

Побагровевший барон не смог ответить членораздельно.

Вспомнив о Гассуне, Замп поручил стюарду открыть дверь кабинета. Гассун раздраженно поднялся на палубу и остановился, дико озираясь по сторонам. Заметив качающуюся над головой сеть, Гассун испуганно пригнулся и отскочил.

Облокотившись на поручень квартердека, Замп сказал: «Перед вами барон Банури собственной персоной и его свита — они будут сопровождать нас в плавании через Мандаманские Ворота. По сути дела, они будут у нас гостить до самого Морнуна».

Несмотря на явный успех замысла Зампа, Гассун не смог удержаться от упреков; Замп спокойно отвечал на них, приводя самые разумные доводы.

Судно приближалось к внушающей трепет базальтовой стене Палисадов. Отвесные скалы поднимались из реки, за миллионы лет прорубившей себе путь через горы.

Течение ускорилося, и «Миральдра» практически остановилась. Замп приказал Гарту Пеплошторму и его труппе налечь на спицы воротов и помогать волам — плавучий театр стал с трудом продвигаться по ущелью, завоевывая пядь за пядью, шаг за шагом. Темная молчаливая вода, вязкая, как сахарная меласса, струилась вдоль бортов, безжалостно толкая судно назад.

Так они проплыли километра полтора, после чего ущелье сузилось пуще прежнего — теперь нависшие над водой скалы словно смыкались где-то в вышине. Обратив лицо к небу, Замп почувствовал головокружение и поспешно перевел взгляд на грузовую сеть: обитателям замка Банури удалось наконец переместиться так, чтобы барон мог занять более удобное положение. Заметив, что Замп на него смотрит, Банури закричал: «Опустите сеть! Дайте нам выйти на палубу!»

«В свое время вы поможете волам крутить вороты. До тех пор наберитесь терпения».

«Мерзавец! Тебе не пройдет даром это предательство!»

Угрозы не производили на Зампа никакого впечатления.

Стены ущелья сошлись настолько, что русло реки вряд ли было в два раза шире судна. Тем не менее, здесь течение парадоксально замедлилось — вода казалась почти стоячей. Замп пытался представить себе, насколько глубоким должен был быть провал для того, чтобы такое явление стало возможным.

Теперь «Миральдра» приобрела беззаботную подвижность, бурно рассекая темную холодную воду. Впереди утесы уже расходились — открылся вид на безмятежные дали под небесами сонливого жемчужного оттенка. Уже через несколько минут судно покинуло Виссель и vyplыло на простор Бездонного озера.

Глава 14

Карты, которыми Зампу удалось запастись в Кобле, противоречили одна другой практически во всем. На одной Бездонное озеро изображалось в виде округлого водоема, со всех сторон окруженного горными пиками. На другой озеро напоминало в плане вытянутую человеческую руку с пятью кривыми фьордами, начинавшими разветвляться примерно посередине пути с юга на север. Указанные на картах размеры озера также варьировали в широких пределах — судя по карте с круглым озером, его диаметр составлял не меньше ста пятидесяти километров; на другую карту явно нельзя было полагаться, потому что, если бы она была достоверна, Бездонное озеро должно было быть не больше мельничного пруда. Один теоретик называл Бездонное озеро естественным отверстием, ведущим в утробу одушевленной планеты. Другой предполагал, что этот провал образовался в результате взрыва древнего вулкана, в подтверждение чего ссылался на признаки деформации рельефа окружающих горных хребтов — тем не менее, другой авторитетный источник подвергал такой взгляд на вещи безжалостной критике на теософических основаниях.

Замп приказал наконец опустить грузовую сеть и позволил барону Банури и его придворным высвободиться по одному — каждого разоружали, освобождали от кошельков, драгоценностей, металлических украшений, ароматических футляров, флаконов с духами и тому подобного имущества. На всем протяжении этого процесса Гассун презрительно стоял в стороне, хотя и соблаговолил приблизиться к накопившейся груде конфискованного добра, чтобы оценить ее стоимость.

Замп спросил барона Банури: «Каковы географические особенности этого озера? Где, например, находится Морнун?»

Барон притворился, что почти ничего не знает о таких вещах: «Город где-то там, дальше — столица подлого и капризного тирана. Если я попадусь ему в руки, он скормит меня священным филинам. Если вы собираетесь взять нас в Морнун, лучше утопите меня сразу, здесь и сейчас — или, что гораздо лучше, разрешите мне воспользоваться небольшой шляпкой, чтобы я мог вернуться к себе в замок».

«Ваше предложение практически нецелесообразно. Я хорошо помню, какую неуступчивость вы проявили, угрожая нам виселицами».

«Таким образом, вы осуждаете нас на мучительную казнь?»

«Никто не живет вечно. Вам следовало задуматься о такой возможности перед тем, как вы решили нас ограбить. Вы и ваши прихлебатели можете пройти к правому вороту и заменить работающих там волов».

«Неужели мы должны тянуть лямку, как животные? — возмутился наконец барон. — Неужели вы лишены всякого благородства? Наши дамы даже представить себе не могут, что такое физический труд!»

«Это очень просто, — пожал плечами Замп. — Один человек налегает на спицу вóрота всем весом, пока она не начинает двигаться, после чего другой подходит к следующей спице и делает то же самое. Вы быстро приобретете необходимый навык — невелика наука».

Бывших аристократов, безутешно жалующихся на судьбу, отвели к вороту и заставили выполнять новые обязанности.

Мадемуазель Бланш-Астер, как всегда, держалась в стороне и не вмешивалась. В данный момент ее не было на палубе, и Замп спустился в коридор, ведущий к ее каюте. По какой-то случайности дверь ее каюты приоткрылась; заглянув в щель, Замп обнаружил, что мадемуазель примеряла тот предмет одежды, который Замп заметил еще в таверне «Зеленая звезда» в Ланте, а именно расшитую сложным золотым узором синюю накидку, некогда элегантную и роскошную, но теперь уже слегка помятую и потрепанную. Судя по всему, девушка осталась недовольной своей внешностью, так как сняла накидку и вместо нее надела темно-синюю блузу попроще.

Замп постучал. Мадемуазель Бланш-Астер вздрогнула от неожиданности, после чего выглянула в коридор: «Что вам угодно?»

«Я хотел бы с вами посоветоваться — мне нужны дополнительные сведения. Мы заблудились посреди Бездонного озера».

Не говоря ни слова, мадемуазель вышла в коридор, и Замп последовал за ней на квартердек.

«Самые выдающиеся географы фестона XXIII противоречат друг другу в том, что относится к этому достопримечательному водоему, — сказал Замп. — Мы не можем решить, в каком направлении нам следует плыть».

«Возьмите курс туда, — мадемуазель Бланш-Астер протянула руку на северо-восток. — До северного берега не больше шестидесяти километров. Отсюда, если присмотреться, уже можно заметить Мирмонт — под этой горой, на берегу Синтианского залива, находится Морнун».

Пока они разговаривали, из туманных теней под восточными утесами появилась длинная черная галера, с внушительной скоростью приближавшаяся к «Миральдре». Замп тут же приказал навести на галеру пушку.

Мадемуазель Бланш-Астер порекомендовала не демонстрировать враждебные намерения: «Это один из патрулей короля Вальдемара — достаточно предъявить им табличку с охранной грамотой. Ни в коем случае, однако, не упоминайте им о моем присутствии!»

Тридцативесельная галера быстро пересекла озерную гладь и остановилась параллельно левому борту «Миральдры». Замп опустил приставную лестницу, и на палубу поднялся темноволосый, сверкающий глазами молодой офицер в красивой зеленой форме с лиловыми отворотами и черными эполетами: «Чужеземцам запрещено плавание по этому озеру, — заявил он. — Нам приказано топить все вторгающиеся в королевство суда. Приготовьтесь тонуть».

Замп предъявил охранную грамоту, заработанную некогда — уже давно — в Лантине. Офицер внимательно прочел текст на металлической табличке: «Вы — Аполлон Замп?»

«Он самый».

«И это судно — «Очарование Миральдры»?»

«Вы сами видели надпись на носу».

«Одну минуту», — офицер подошел к лестнице и приказал кому-то из оставшихся на галере: «Передайте мне реестр действительных пропусков». Ожидая выполнения этого поручения, он обратился к Зампу: «Вы должны извинить строгость наших порядков. Окрестности кишат всевозможной нечистью, в том числе мятежниками, политическими и нравственными извращенцами, а также подонками низкого происхождения. Мы не допускаем этот сброд на территорию королевства — если, конечно, не вынуждены это делать по предъявлении такого документа, как ваш».

«Ваше замечание поддается неоднозначному истолкованию, — надменно произнес Замп. — Так как я не подпадаю под определение повстанца, надо полагать, вы причисляете меня к категории извращенцев или подонков низкого происхождения?»

«Толкуйте мои замечания, как вам заблагорассудится, — пожал плечами офицер. — Меня беспокоит только безошибочное удостоверение вашей личности». Получив реестр от помощника, поднявшегося по лестнице, он взглянул на геральдический символ, выгравированный на табличке Зампа, и углубился в чтение ведомости: «В городе Лантине человек по имени Аполлон Замп получил вызов и приглашение с тем, чтобы он привез с собой труппу арлекинов и дать представление в присутствии короля Вальдемара. Следует описание отличительных признаков этого человека...» Офицер продолжал читать про себя, сравнивая перечисленные признаки с внешностью Зампа как такового: «Хорошо! Можете продолжать

плавание. Держите курс на вершину Мирмонта — у подножия этой горы находится Синтианский залив».

Офицер спустился на галеру; Замп подал сигнал боцману, а тот, в свою очередь, принялся понукать волов и их помощников, то есть Гарта Пеплошторма с его труппой и барона Банури с его придворными. Вороты закрутились, кормовое колесо стало с плеском загребать воду, и судно поплыло по озерной глади. Замп, праздно развалившийся в кресле на квартердеке, считал скорость передвижения «Миральдры» неудовлетворительной и подумывал уже об организации соревнования между должниками и пленниками, но прежде, чем он сумел сформулировать условия такого состязания, подул вечерний бриз, наморщивший озеро рябью и надувший паруса. Замп приказал прекратить все работы у ворот и поднять гребное колесо.

Федра закатилась за базальтовые палисады, и на Бездонное озеро спустилась ночь. В ясном небе ярко блестели знакомые светила, и рулевой уверенно правил судном, руководствуясь созвездием Одноглазого Ормаза. За два часа до полуночи ветер превратился в едва ощутимое дуновение, и судно продолжало бесшумно скользить по озеру не быстрее ползущего человека.

Замп, неспособный заснуть или даже расслабиться, продолжал бродить по палубам и нашел мадемуазель Бланш-Астер, стоящую на носу. Та никак не приветствовала его присутствие, но Замп, тем не менее, к ней присоединился. Некоторое время они стояли в молчании, глядя на темное зеркало вод. Звезды и их почти неподвижные отражения создавали ощущение беззвучного полета в глубинах всеобъемлющего космоса.

Замп вежливо спросил: «Как вы думаете, почему еще не видно огней Морнуна?»

«Отсюда их не увидишь — город начинается за холмом».

«Теперь вы скоро вернетесь домой, и ваши проблемы будут решены — надо полагать, вы испытываете радость и облегчение?»

Замп не мог не заметить, как поежились плечи его собеседницы, озаренные бледным светом звезд. «Я боюсь», — пробормотала она.

Немного помолчав, Замп отозвался: «С моей стороны было бы бесполезно давать вам советы. Вы снова придумаете какую-нибудь небылицу, и тем дело кончится».

Мадемуазель Бланш-Астер тихо рассмеялась: «Я не придумывала никаких небылиц. Может быть, я кое-что приукрасила или о чем-то не упомянула. Но то, что мне предстоит сделать, я обязана сделать сама». Она повернулась к Зампу лицом: «Только, пожалуйста, не вынуждайте меня действовать против воли!»

Теперь и Зампу пришлось печально рассмеяться: «Мы уже обсуждали этот вопрос десятки раз, и я никогда вас ни к чему не принуждал. Что вызывает ваше беспокойство теперь?»

«Я имею в виду — не вынуждайте меня ни к чему в Морнуне или в связи с представлением... Отнеситесь с терпением к моим причудам».

Замп пожал плечами: «В той мере, в какой это не помешает нам получить награду короля Вальдемара...»

Мадемуазель Бланш-Астер усмехнулась — скорее презрительно, нежели сочувственно: «Вы не получите никакой награды! Бедняга Аполлон Замп! Вы не имеете представления о вкусах короля Вальдемара! Ни кривляния ваших ведьм, ни героические монологи не произведут на него ни малейшего впечатления!»

Замп глубоко вздохнул: «Теперь уже поздно вносить изменения... Если вам известны предпочтения короля, почему вы ни словом не обмолвились об этом в Кобле? Или вы нисколько не сочувствуете нашим целям?»

Мадемуазель Бланш-Астер неподвижно смотрела на север: «Я никому не сочувствую. Ко мне никто никогда не проявлял никакого сочувствия — кроме, пожалуй, Теодоруса Гассуна».

На это Замп ничего не ответил. Ночной воздух внезапно показался ему зябким. Мадемуазель Бланш-Астер продолжала глухим, слегка сдавленным тоном: «Я знаю, что вы обо мне думаете. Не забывайте, однако — я с самого начала предупреждала вас, что действую исключительно в своих интересах!»

«Хей-хо! — сказал Замп. — Итак, мы прибываем в Морнун, и нам придется играть «Макбета» перед королем Вальдемаром, даже если он подохнет от скуки». Отвернувшись, он медленно направился на корму, оставив мадемуазель Бланш-Астер изображать статую на носу. Поднявшись на четвердек, Замп попросил стюарда заварить чай и просидел целый час, глядя на бледные паруса, вяло плещущие под звездами, и прислушиваясь к скрипам и шорохам старого судна.

Гассун тоже не спал. Поднявшись из кабинета, он остановился и прищурился, рассматривая темную фигуру в кресле: «А, это вы, Замп! Отдыхаете в одиночестве?»

«У нас был трудный день».

«О да! Но мы преодолели все препятствия. А завтра, надеюсь, приблизимся наконец к нашей цели».

«Надо надеяться».

«Как может быть иначе? — спросил Гассун. — Должен признаться, я нахожусь в состоянии возбужденного ожидания».

«Мы проделали долгий путь, — отозвался Замп. — Возвращение в Кобль тоже будет долгим и трудным».

Рассвет окрасил небо, окаймленное туманной дымкой, в цвета жемчужно-белого опала, и озерная гладь задрожала от прикосновения прохладного света, как чувствительная кожа.

За ночь «Миральдра» преодолела незначительное расстояние; теперь, по расчетам Зампа, они находились примерно в центре озера, о черных глубинах которого не хотелось даже задумываться. Замп приставил к воротам волов и две бригады их помощников. Наблюдая за Гартом Пеплоштормом и бароном Банури, налегавшими на спицы, Замп подумал, что, невзирая на все перипетии этого путешествия, некоторые воспоминания будут утешать его до окончания дней.

Федра поднималась по небосклону. Туманы рассеялись; воздух прояснился, и впереди, под громадной тенью Мирмонта, уже виделось устье Синтианского залива. Оттуда к плавучему театру понесли две черные галеры, оснащенные кассетными трубчатыми установками для запуска ракет. Зампа снова заставили предъявить охранную грамоту и подвергнуться допросу. Офицеры почти неохотно удалились, позволив «Миральдре» продолжать путь.

Через час судно обогнуло крутой мыс, образованный плечом Мирмонта, и оказалось в Синтианском заливе. На склонах появились террасы белых дворцов под темными кронами высоких сираксов: город Морнун.

Вдоль побережья залива тянулась длинная белокаменная пристань, где уже пришвартовались полдюжины судов. По-видимому, многие из них выполняли функцию плавучих театров, хотя они отличались конструкцией от любых судов такого типа, встречавшихся Зампу ниже по течению или даже известных ему по зарисовкам.

Широкую набережную, параллельную пристани, отделяла балюстрада из резного камня. Через равные промежутки длиной примерно пятнадцать метров балюстраду прерывали огромные вазы на высоких постаментах — из этих ваз почти до самой мостовой спускались каскады коричневой и черной листвы с ярко-алыми соцветиями. Дальше вдоль набережной блестели высокие стеклянные витрины всевозможных лавок и факторий. Выше на склонах теснились дворцы, утопавшие в листве сираксов, джангалов, иссиня-черных древовидных папоротников, лавролистных дубов. Пристань и набережная продолжались на север не меньше трех километров, исчезая за выступом береговой линии. Там Синтианский залив постепенно сужался, а его берега становились пологими — крутые холмы, обступившие Морнун, расходились в стороны, и залив превращался в широкую реку, струившуюся из бескрайних северных просторов.

По набережной прогуливались местные жители в костюмах элегантного, но простого покроя. Лишь немногие из них бросали любопытствующие взгляды в сторону «Очарования Миральдры», но и те не задерживались.

На пристань вышли четыре человека в черных, расшитых золотом униформах. Остановившись, они рассматривали «Миральдру» с серьезной сосредоточенностью покупателей, заметивших редкий товар неизвестного назначения. Наконец один из них, в черной фу-

ражке с козырьком, тоже украшенным замысловатым золотым узором, просмотрел несколько страниц ведомости в кожаной обложке. Обменявшись с коллегами парой саркастических замечаний, он поднялся по трапу.

Замп вышел ему навстречу. Гассун, стоявший на четвердеке, наблюдал за происходящим с презрительным безразличием.

Чиновник представился: «Я — начальник столичной пристани. Будьте добры назвать себя и свое судно».

Слегка раздраженный негостеприимным обращением, Замп заносчиво выпрямился: «Перед вами — маэстро Аполлон Замп, и вы находитесь на палубе знаменитого плавучего театра «Очарование Миральдры»». Замп предъявил серебряную табличку — уже в третий раз: «Как вам, несомненно, должно быть известно, наш порт приписки — Кобль на берегу Догадочного залива».

Чиновник с недоумением взглянул на Зампа, пожал плечами и открыл ведомость, чтобы сравнить надпись на табличке со своими записями. Снова рассмотрев Зампа с головы до ног, он сверился с описанием его внешности в ведомости. Наконец он кивнул: «Судя по всему, вам разрешено находиться в порту. Должен заметить, однако, что вы почти опоздали — а это свидетельствует о легкомысленном отношении к королевскому приглашению, хотя, конечно, я не стану делать вам официальный выговор. Фестиваль искусств и развлечений начинается завтра».

«Постольку, поскольку мы не опоздали, ваши замечания излишни», — обронил Замп.

Чиновник снова смерил Зампа безразличным взглядом: «Ваше имя, разумеется, будет внесено в список участников фестиваля. Если бы вы прибыли завтра, весь проделанный вами путь оказался бы напрасным».

«Наше позднее прибытие не свидетельствует о каком-либо неуважении к королевскому приглашению, — чопорно возразил Замп. — Плавание от Кобля до Морнуна занимает несколько недель, а на сезонные ветры не всегда можно положиться».

«Разумеется, разумеется, — начальник столичной пристани хлопнул ведомостью по бедру. — Как бы то ни было, так как вы успели причалить вовремя, но позже всех остальных, ваше выступление будет шестым и последним по счету».

«Расписание спектаклей, естественно, определяется местными властями».

«Завтра утром состоится торжественное открытие фестиваля. Рекомендую украсить ваше судно черными, алыми и золотыми полотнищами, соответствующими геральдическим цветам королевской династии».

Замп поблагодарил чиновника за совет: «Мы хотели бы присутствовать на представлениях других театров. Надеюсь, вы смо-

жете выполнить свои обязанности и сделать необходимые приготовления».

«На каждом этапе конкурса вам разрешено занимать два места в зрительном зале, — сдержанно, хотя и несколько напряженно ответил начальник пристани. — Первый спектакль начнется завтра в полдень на борту плавучего театра «Воюз»».

Чиновник церемонно отдал честь и удалился. Замп нашел Гассуна и передал ему полученные сведения. Гассун, охваченный приступом уныния и подавленности, практически пропускал мимо ушей все, что ему говорили: «Вся эта экспедиция — дурацкая, бесшабашная затея! На что вы надеетесь? Здесь мы явно имеем дело с людьми язвительными, циничными, принимающими нас за нищих дикарей. Они будут издеваться над нашими попытками воссоздать подлинную древнюю трагедию. Не думаю, что у нас есть какой-нибудь шанс завоевать расположение местной публики».

«На подготовку другого спектакля нет времени, — усомнился Замп. — Хотя, конечно, я мог бы...»

«Нет! — с внезапной энергией прохрипел Гассун. — Пусть насмеются! Пусть задирают нос! Я никогда не поступлюсь чистой искусством — тем более ради денег. Пропави пропадом их хваленый приз!»

«Ради денег я поступился бы чистотой искусства своей бабушки, — пробормотал себе под нос Аполлон Замп.

«Прошу прощения? — встрепнулся Гассун. — Что вы сказали?»

«Ничего особенного. Нам разрешили занять два места в зрительном зале театра под наименованием «Воюз». Желаете ли вы присутствовать на первом представлении, или другое место займет мадемуазель Бланш-Астер?»

«Если нам выделили только два места, вам следует остаться на борту, чтобы подготовить сцену и труппу к нашему спектаклю».

Мадемуазель Бланш-Астер, однако, положила конец назревавшему конфликту: «Я не буду присутствовать на представлениях других театров. Вам придется развлекаться без меня».

Клиперский форштевень придавал изящному силуэту «Воюза» сходство с лебедем; дороговизна конструкционных материалов и пышность интерьеров этого плавучего театра свидетельствовали о том, что его владелец несколько не беспокоился о расходах, но уделял исключительное внимание удобствам и эстетическому комфорту. Палубная надстройка была обшита светлым деревом «саноз», покрытым невероятно детальной ажурной резьбой. Зрители сидели на скамьях, обитых подушками, у них под ногами был мягкий ворсистый розовый ковер, а сверху — навес из узорчатого шелка, защищавший от дневного света.

Замп и Гассун взошли на борт «Воюза» за час до начала представления; их провел к сиденьям в заднем ряду подобострастный билетер в бледно-зеленой ливрее, и уже через несколько секунд девушка в темно-зеленом трико принесла им на подносе две влажные надушенные салфетки, чтобы они могли освежить лица. И Гассуна, и Зампа впечатлило роскошное убранство судна, хотя Гассун считал темно-розовый ковер признаком показного бахвальства, так как поддержание таких ковров в чистоте требовало непомерных затрат времени и труда: «Как выглядел бы этот зрительный зал после вечернего спектакля где-нибудь в Чисте или Фьюдурте? Его пришлось бы мыть и драить всю ночь!»

Пропорции сцены заставили Зампа усомниться в ее акустических достоинствах. «Звук не может далеко распространяться из такого резонатора, — заметил он, повернувшись к Гассуну. — Свод слишком высок для относительно небольшой сцены. Если актеры не будут орать во всю мочь, как вислобрюхи в сезон течки, мы услышим только неразборчивое бормотание».

«Декор театра должен быть строгим, сосредоточивающим внимание, а не отвлекающим его, — продолжал критиковать конкурента Гассун. — Драгоценный камень выглядит лучше всего на фоне черного бархата; сходным образом, театральное представление производит наибольший эффект в ненавязчивом окружении. Я нахожу всю эту роскошь невыносимо вульгарной». Гассун подчеркнул свои слова презрительным жестом, словно отмахиваясь от невидимой мухи.

«Не думаю, что нам предстоит увидеть мастерски исполненный спектакль, — согласился с партнером Замп. — Скорее всего, они ограничатся набором эротических пантомим или простецким фарсом вроде комедии «Мсть рогоносца», которой я когда-то смешил деревенщину. По меньшей мере, будет любопытно пронаблюдать за реакцией публики».

«В особенности за реакцией короля Вальдемара — хотя вряд ли он позволит распознать себя уже на первом этапе конкурса».

Зал стали заполнять осанистые, полные достоинства господа и дамы. Игнорируя Зампа и Гассуна так, словно два антрепренера не существовали, горожане приветствовали знакомых сдержанными поклонами. Замп не преминул заметить, что публику рассаживали согласно какому-то неукоснительному протоколу, находившему отражение в манере одеваться. С точки зрения Зампа, странно и даже в какой-то степени нелепо смотрелись блестящие кокарды на маленьких жестких шляпах зрителей мужского пола: справа — зеленые с позолотой, слева — красные с позолотой. Плюмажи, закрепленные в прическах дам, отличались той же расцветкой: зеленые с позолотой справа, красные с позолотой слева.

По соседству с Зампом уселся дородный человек в темно-рыжем с оранжевыми нашивками сюртуке, перевязанном широким черным поясом; между ними сразу завязался разговор. Новопри-

бывший представился как Роальд Таш, владелец и режиссер плавучего театра «Благоухающий олиолус». Некоторое время коллеги обсуждали и сравнивали опасности, подстерегавшие суда, плававшие по Синтиане и по Нижнему Висселю; оказалось, что в обоих случаях нередко наблюдались сходные условия.

Замп, однако, никогда не имел дела с публикой того типа, что окружала их теперь, тогда как Таш, выражаясь с неожиданной для Зампа откровенностью, не испытывал ни малейшего энтузиазма по поводу Морнуна и его обитателей: «Им чрезвычайно трудно угождать. Несмотря на их богатство, особой щедрости от них не ожидайте — если они вообще соблаговолят посетить ваш театр».

«Вы подтвердили мое интуитивное заключение, — сказал Замп. — Никогда еще я не видел настолько щепетильную публику. Закажите, с какой точностью они отмеряют угол наклона головы, приветствуя друг друга!»

«Тончайшие нюансы их поведения имеют большое значение, — пояснил Таш. — Не стану удручать вас подробным разъяснением их этикета, но поверьте мне на слово — это очень сложные люди, изощренные во многих отношениях. В частности, вместе с нами в зале находятся принцы, герцоги, графы, бароны и рыцари, каждый из которых тщательно соразмеряет свое поведение со своим статусом, общаясь с окружающими. Тем не менее, на взгляд чужеземца, незнакомого с ситуацией, они не слишком отличаются друг от друга».

«Должен признаться, я именно такой чужеземец, — развел руками Замп. — По каким признакам их следует отличать? По кокарам и перьям?»

Таш с улыбкой покачал головой: «Зеленые украшения с золотыми узорами символизируют почтение к памяти династии Доро. То были короли-герои, победившие доминаторов из рода Сигуальдов, основавшие Сойванесское королевство, добывавшие железо в Черной Топи и построившие Чудо-прялку, соткавшую Судьбоносную Плащаницу из зеленых и золотых нитей».

«Любопытная легенда, нечего сказать. Король Вальдемар претендует на происхождение от этой династии?»

«Он не посмел бы заикнуться об этом, так как не располагает зелено-золотой Судьбоносной Плащаницей. По сути дела, линия престолонаследия прервалась двести лет тому назад, когда Шимрод-Узурпатор утопил в Бездонном озере зелено-золотую плащаницу, а вместе с ней и последнего представителя рода Доро. Вам уже, наверное, наскучила моя историческая диссертация?»

«Ни в коей мере! — заявил Замп. — Я очень хотел бы что-нибудь узнать о местной истории, по нескольким причинам. Кто же унаследовал королевство после Шимрода?»

«Чудо-прялка соткала из синих и золотых нитей геральдическую плащаницу клана Эрме. Шимрода уничтожили, и представи-

тели рода Эрме правили страной, пока король Робль не погиб в битве при Земайле. Сине-золотая плащаница была потеряна в обстоятельствах, о которых не следует даже догадываться, так как неизвестно, соткала ли Чудо-прялка в самом деле красно-золотую плащаницу, облегающую ныне плечи короля Вальдемара. Между прочим, говорить об этих вещах опасно; я ни в коем случае не стал бы их обсуждать с местными жителями — но вы прибыли издалека, и к тому же мне всегда приятно обменяться с коллегой полезной информацией. Так или иначе, цвета украшений, которые вы видите на шляпах и прическах, свидетельствуют о беззаветной преданности памяти зелено-золотой династии, но в то же время отдают должное красно-золотой символике короля Вальдемара. Таков многословный и неоднозначный ответ на ваш простой вопрос».

«Все более или менее понятно, — отозвался Замп, — за исключением Чудо-прялки».

«Если вы пожелаете взглянуть своими глазами на глубины Бездонного озера, вам стоит только взобраться на вершину Мирмон-та».

«Я любопытен, но не опрометчив!» — поспешил заверить собеседника Замп.

«Ваша заинтересованность вполне естественна, — сказал Таш. — Меня тоже охватило любопытство, когда я впервые узнал о Чудо-прялке. По существу, о ней не известно ничего, кроме мифических слухов. Прялка эта якобы находится на попечении девяти норн — капризных истерических женщин, слепых, глухих или немых от рождения. Умирая, каждая норна назначает преемницу, насылая на восьмерых подруг одинаковые сны, подтверждающие ее выбор, после чего новая норна нарекается именем предшественницы».

«Таким образом, судьбы Сойванесса определяются Чудо-прялкой?» — предположил Замп.

«Не все так просто. Тем не менее, когда появится король Вальдемар, присутствующие выразят почтение к его геральдической плащанице не в меньшей степени, чем к нему как к человеку, обладающему властью».

Замп повернулся к партнеру: «Маэстро Гассун, вы слышали достопримечательный рассказ нашего коллеги с берегов Синтияны? Насколько я понимаю, для того, чтобы заслужить награду, мы должны впечатлять и развлекать расшитый золотом плащ, а не человека, скрывающегося под плащом!»

Таш торопливо приложил палец к губам: «Не шутите о таких вещах — в Морнуне слухи о крамоле немедленно привлекают внимание властей. Мы и так уже далеко вышли за пределы дозволенного... А вот и король Вальдемар! Вы должны встать и сохранять ритуальную позу: колени полусогнуты, голова наклонена лицом

вниз, руки заложены за спину — именно так! Теперь молчите! Вальдемар знаменит вспышками раздражения».

Наступила мертвая тишина — король Вальдемар вошел в зрительный зал: человек среднего роста, довольно-таки упитанный; его круглое бледное лицо окаймляли аккуратно завитые колечки влажных черных волос. Остановившись у входа, над ступенчатыми рядами скамей, он обозревал собравшихся беспокойно бегающими черными глазами. Замп исподтишка изучал короткий плащ, который король носил поверх роскошного сарафана из блестящего красного атласа; плащ этот, из плотного черного шелка, был расшит алыми и золотыми звездами.

Вальдемар что-то пробормотал через плечо, обращаясь к сопровождавшим его знатным приближенным, после чего стал спускаться по проходу и уселся на троне, установленном посередине первого ряда. Почтительно подождав еще несколько секунд, зрители снова заняли свои места.

Фонари, освещавшие зал, потускнели. Перед занавесом появился высокий стройный человек в янтарной мантии, с длинной блестящей бородой того же янтарного оттенка. Поклонившись публике, он произнес — тихо, но отчетливо: «Надеясь доставить удовольствие милостивому королю Вальдемару и заслужить его благосклонное одобрение, а также одобрение благородных граждан Сойванесса, мы решили отметить начало праздничного фестиваля инсценировкой цикла легенд, составляющих часть книги второй «Риатического мифа». Наша символика следует заповедям Фригиуса Маэстора, а наше музыкальное сопровождение исполняется в четвертом ладу, который многие из присутствующих, разумеется, смогут распознать без моих пояснений. Прислушайтесь к первому аккорду, оповещающему о зарождении порядка в изначальном хаосе!»

В ответ на широкий взмах руки конференсье из неизвестного источника послышался шепчущий звук, постепенно становившийся все громче и превратившийся в великолепное переливчатое сочетание множества тонов. Занавес распахнулся, открывая взорам картину колоссальных руин, озаренных тремя солнцами: багровым, бледно-зеленым и белым. Из развалин стали выпрыгивать, один за другим, красивые мужчины и женщины в фиолетовых набедренных повязках, с припорошенной белой пудрой кожей. Они станцевали церемонный, полный достоинства балет под музыку лютен, тамбуринов и гобоев. Прозвенел удар гонга: откуда-то сверху налетел рой человекообразных чешуйчатых зеленых тварей с головами василисков; они повалили мужчин и женщин на землю и вырвали их языки. Зеленые василиски горделиво исполнили торжествующую павану, мало-помалу переходившую в лихорадочную топочущую пляску; тем временем три солнца меняли окраску — теперь в небе сценической панорама дрожали красное, темно-оранжевое и черное светила. Музыку прервало позвякивание колокольчиков;

обрушился ливень белых пламенных искр, испепеливших василисков, взрывавшихся облаками пара. Снова появились мужчины и женщины, державшие в руках черные диски диаметром чуть выше их роста. Пользуясь этими дисками, они изобразили последовательность быстрых вихреобразных перемещений. Красное и оранжевое солнца мало-помалу тускнели; танцоры совмещали черные диски и скрывались за ними, пока посреди сцены не остался единственный черный диск. Диск повернулся ребром к зрителям — за ним все исчезло, и сцена погрузилась в темноту.

На второй стадии цикла открылась перспектива унылой равнины: руины из первого акта превратились в далекие тени на горизонте. Под пульсирующие настойчивые звуки, казалось, готовые в любой момент потерять ритм и сплотиться в хаотический шум, на сцене стало извиваться, скручиваясь в узлы, бесполое существо. Вскидывая трепещущие руки, оно взывало к небесам, и ослепительный луч белого света, пронизанный серебристыми мерцающими нитями, поверг существо на землю, тут же его поглотившую. Из того места, куда провалилось существо, стало расти черное дерево с зеленой листвой, распустившее белый цветок. Второй луч цвета поразил этот цветок — будучи таким образом оплодотворен, цветок сомкнулся и превратился в стручок. На несколько секунд наступило тяжелое, напряженное молчание, после чего послышался тихий, хрустально звенящий звук. Стручок распался — внутри него оказалась блещущая золотой кожей нимфа. Она стояла в оцепенении, опустив руки по бокам. Раздался резкий клич фанфар: слева приближался черный воин-атлет, справа — красный; на них были только набедренные повязки и великолепные шлемы. Герои стали биться на мечах, и победил черный воин. Он подошел к нимфе, чтобы завладеть своим трофеем, и прикоснулся к ней: сцена вспыхнула фейерверком слепящих искр — черный воин задрожал всем телом и упал замертво. Нимфа исполнила несколько радостных пируэтов, вращаясь все быстрее и быстрее; диковая воющая музыка становилась все более возбужденной — и на сцене снова воцарился мрак.

На последней стадии представления танцоры соорудили святилище из трех столбов и алтаря, после чего сформировали из множества металлических прутьев каркас и стали облеплять его черной глиной, изобразив в конечном счете чудовищное лицо. Другие персонажи принесли факелы и стали обжигать глиняное лицо пламенем — лицо взревело от боли. Его огромные глаза открылись, спокойно поглядывая налево и направо, в то время как люди, построившие святилище, размахивали факелами и судорожно танцевали под столь же конвульсивную музыку. Гигантское лицо принялось распевать гимн, хрипло и гулко — сначала это был просто поток бессвязных протяжных слов, но постепенно, словно проникаясь неким пониманием, песнопение черного лица становилось все более мелодичным и звучным, пока наконец непреодолимая сила му-

зыки не заставила танцоров двигаться в такт гимнической мелодии — тем временем воздух на сцене становился все более задымленным, грязно-коричневым, мрачным; обильно потеющие танцоры дергались, словно подверженные приступам эпилептической боли. Гигантское черное лицо испустило оглушительный вибрирующий вопль — танцоры повалились друг на друга, образуя груды безжизненных тел. На алтаре вспыхнуло пламя, и замершая сцена погрузилась в тишину.

Занавес упал; стройный человек в янтарной мантии вышел на авансцену и серьезно поклонился: «Благодарю вас за внимание. Таков был наш артистический манифест — надеюсь, он произвел на вас должное впечатление». Конферансье снова поклонился.

Король Вальдемар поднялся на ноги — его неподвижное лицо напоминало маску; все зрители тут же встали и сохраняли позу церемониального почтения, пока правитель страны не удалился из зала.

Роальд Таш повернулся к Зампу: «Ну, что вы об этом думаете?» «Внушительно! И в высшей степени изобретательно», — пробормотал Замп.

Гассун блекло отозвался: «На мой взгляд, все это слишком надуманно и напыщенно».

Таш рассмеялся: ««Воюз» знаменит достопримечательными эффектами. Кроме того, каково бы ни было наше собственное мнение, следует задать себе вопрос: насколько это представление понравилось Вальдемару? Говорят, ему нравится любоваться нарядными миловидными актрисами — все эти искры, взрывы и вопли прямо у него перед носом могли его даже напугать. В свое время, конечно, мы узнаем о его решении. Что теперь? Завтра вечером нам предстоит увидеть спектакль на палубе «Звездной пряди», принадлежащей Лулу Шалю, а затем — добро пожаловать на борт моего «Благоухающего олиолуса»! Надеюсь, вам понравятся какие-нибудь из моих новинок... Насколько я понимаю, вы будете давать представление в последнюю очередь? Вполне может быть, что это своего рода преимущество. Какой спектакль вы предложите королевскому вниманию?»

«Классическую трагедию древней Земли, — ответил Замп. — По мнению критиков, она отличается глубиной наблюдений над человеческой природой и все еще актуальна».

«Ха-ха! Не рассчитывайте на глубину восприятия Вальдемара! Он только и делает, что вынюхивает малейшие признаки крамолы. Кто знает, какого цвета нити плетет сегодня Чудо-прялка?»

Представление на борту «Звездной пряди» отличалось не меньшим полетом воображения, не меньшей технической виртуозностью и не менее кропотливым вниманием к деталям, чем артистическая фантазия «Воюза». Опять же, смысл сюжета не совсем

поддавался пониманию — по меньшей мере, пониманию Зампа — и лишь смутно угадывался в красочном калейдоскопе зрелищ. Бородатый бард пел, аккомпанируя на арфе прекрасным девам, танцующим в чертоге древнего замка. От струн его инструмента исходили волшебные испарения — развеиваясь, они открывали взору сцены из его эпической баллады. В первом акте банда великанов — по сути дела, актеров на ходулях — исполняла причудливый танец в саду из деревьев с серой и зеленой листвой. На ветвях сидели и распевали песни дети в костюмах фантастических птиц, поглощавшие золотые фрукты.

В другом эпизоде джинн-волшебник исполнял желания пары праздно мечтающих детей. Дети хотели богатств и дворцов, роскошных доспехов и быстроногих скакунов; они хотели быть сильными, могущественными и мудрыми. Дети стали соревноваться — и каждый начал опасаться преобладания соперника; в конце концов оба они превратились в пару рычащих демонов, сражавшихся в космосе среди кружащихся миров — демоны ловили планеты и швыряли их друг в друга. Белый демон схватил черного и погрузил голову врага в солнце... Туманы наполнили сцену и развеялись — двое детей снова лежали на солнечном лугу. Поднявшись на ноги, они испуганно смотрели друг на друга; тем временем между ними и зрителями опускалась мерцающая серо-фиолетовая завеса. На нижнем ярусе сцены бард продолжал петь, окруженный серьезными молодыми слушателями.

Гассун и Замп вернулись на палубу «Миральдры» в безутешном молчании. Они зашли в кабинет Гассуна, чтобы подбодриться рюмкой-другой крепкой настойки, и некоторое время обсуждали постановки конкурентов. Гассун ворчал по поводу блестящих технических достижений «Воюза» и «Звездной пряди»: «На мой взгляд, фанатическое внимание к деталям разоблачает почти примитивную близорукость, отсутствие интереса к более существенным концепциям. Хотя...» — владелец музея задумался и замолчал.

Замп вздохнул: «Боюсь, наш спектакль покажется сравнительно убогим. Наши декорации обветшали, костюмы сшиты на живую нитку. Откровенно говоря, мы продешевили — понадеялись на успех, не затратив достаточных средств. Нас назовут халтурщиками, и поделом».

Гассун, обычно не злоупотреблявший спиртным, опорожнил рюмку и налил себе другую. «Нам нечего стыдиться, — глухо произнес он. — Наша трагедия отражает крайности человеческой натуры, мы поставили пьесу со сложнейшим сюжетом, ограничиваясь театральными условностями той эпохи, когда она была написана. Да, у нас не такие роскошные декорации и не столь впечатляющие эффекты и костюмы. Что с того? Мы — творческие интеллектуалы, а не педанты!»

Замп задумчиво сказал: «Король Вальдемар — ни в коем случае не педант, но подозреваю, что он в еще меньшей степени интеллеktуал».

Гассун взглянул на сидящего напротив партнера с холодной неприязнью: «Аполлон Замп, вы несете ответственность за провал нашего проекта! Вы устроили дела таким образом, что надо мной смеются на борту моего собственного судна!»

Замп примирительно поднял ладонь: «Успокойтесь, маэстро Гассун! Мы еще не понесли поражение».

«Не хочу больше ничего слышать! Будьте добры, удалитесь из моего кабинета».

Вместо того, чтобы возвращаться к себе, Замп спустился к каюте мадемуазели Бланш-Астер и постучался. Изнутри послышался ее голос: «Кто там?»

«Аполлон Замп».

Дверь открылась; мадемуазель Бланш-Астер выглянула наружу: «Уже поздно — чего вы хотите?»

«Меня беспокоит состояние вашего здоровья. Я вас не видел уже несколько дней».

«Я чувствую себя прекрасно, благодарю вас».

«Собираетесь ли вы сойти на берег, чтобы заняться своими делами — каковы бы они ни были?»

«Торопиться некуда. Я сделаю все, что потребуется, после окончания нашего спектакля. Спокойной ночи, маэстро Замп!» Дверь захлопнулась.

Замп поморщился и отвернулся. В таверне на набережной он заказал одинокий бокал вина и стал прислушиваться к портовым сплетням. Многие посетители считали, что постановка на борту «Звездной пряди» превзошла амбиции «Воюза» — но все они сходились в том, что суждение короля Вальдемара было непредсказуемо.

Вечером следующего дня Гассун поначалу решил остаться на борту «Миральдры», но в последний момент передумал и направился вместе с Зампом к «Благоухающему олиолусу».

Король Вальдемар прибыл точно к началу спектакля. Замп подумал, что король мог бы с таким же успехом носить маску — выражение его лица никогда не менялось. Как всегда, на Вальдемаре был черный плащ с красными и золотыми звездами — символ не только его королевской власти, но и его «маны», то есть права на обладание властью и способности ее сохранять.

Представление Роальда Таша отличалось от двух предшествующих и настроением, и манерой исполнения. Кульминацией спектакля стала заставившая зрителей затаить дыхание битва детей в красных мундирах, напоминавших надкрылья жуков, с армией бледных карликов, ошетилившихся черными шипами наподобие

морских ежей. Дети не хотели драться, но дисциплину среди них поддерживали яростные вожатые в стеганых костюмах из черной и белой кожи, понукавшие кричащих и плачущих трусов хлесткими ударами бичей.

Вечером четвертого дня Замп и Гассун поднялись на палубу огромной «Деллоры». Перед началом представления один из герольдов короля выступил с чрезвычайно обескураживающим объявлением: будучи неудовлетворен развлекательными спектаклями, предложенными его вниманию на протяжении первых дней конкурса, король Вальдемар предусмотрел дополнительное условие состязания. Победитель, как прежде, мог рассчитывать на награду, но тот режиссер, чье представление, по мнению короля, оказалось бы наименее удачным, подлежал обвинению в оскорблении королевского достоинства, каковое влекло за собой суровые наказания: владелец провинившегося театра должен был уплатить штраф в размере десятой доли стоимости своего судна, каждый участник его труппы, раздетый донага, обязан был вытерпеть пять безжалостных ударов тростью из ротанга, а носы антрепренера и всех его актеров должны были быть татуированы несмываемой голубой краской.

В связи с этой угрозой — или благодаря талантам, изначально им присущим — труппа театра «Деллора» исполнила ряд изумительных сцен, настолько же необычных, насколько маловразумительных. Стайка пульчинелл продемонстрировала бесподобную клоунаду, кордебалет экзотически грациозных танцоров изобразил живой калейдоскоп, а пятеро фокусников сотворили ряд иллюзий, приводивших Зампа в состояние озадаченного потрясения. Когда наступил финальный эпизод, всю сцену перегородила высокая ширма с множеством отверстий. Из отверстий выглядывали лица — бледные и горестно сосредоточенные, застывшие в коматозной прострации, язвительно усмехающиеся, безумно вращающие выпученными глазами и высунувшие болтающиеся языки. Перед ширмой вверх и вниз, налево и направо медленно летали, подобно мыльным пузырям, мохнатые черные сферы, прикасавшиеся к лицам — при каждом прикосновении лицо издавало скорбный мелодичный стон. Из-под сцены стал подниматься черный занавес — по мере того, как каждое лицо исчезало за занавесом, оно корчило ужасные гримасы отчаяния, а затем безжизненно цепенело.

Погрузившись в невеселые размышления, Замп и Гассун брели по набережной к «Миральдре». Гассун разразился вымученным смехом: «Вполне может быть, что у нас нет оснований для пессимизма. По меньшей мере, наш спектакль полон стихийной жизненной силы — и, в конце концов, зачем недооценивать благородную поэзию, страсть и напряжение древней трагедии? Я считаю, что в конечном счете мы станем победителями! Тем не менее, необходимо сохранять бдительность — нас может подвести, прежде всего, смехотворная напыщенность, отсутствие естественной простоты выражения. Например, меня не удовлетворяет мой костюм. Дункан

— царственный, проникновенно основательный, даже в какой-то мере доминирующий персонаж; синий мундир с белыми нашивками придает ему нежелательную легковесность. Со своей стороны, вам следует произносить реплики более глубоким, низким голосом, чтобы монологи были хорошо слышны, но чтобы не казалось, что вы кричите в зрительный зал. Рекомендую также свести к минимуму нежности между Макбетом и леди Макбет — трагедия Шекспира не посвящена радостям супружеской жизни».

«Разумеется — я сделаю все, что в моих силах», — с достоинством пообещал Замп.

В пятый вечер труппа «Заоблачного странника» устроила жизнерадостное торжество юмора и легкомыслия. Красивые девушки кувыркались высоко в воздухе, перелетая с одного трамплина на другой, сопровождаемые разноцветными огненными шлейфами; в левой части сцены клоуны занимались воскрешением четырех трупов; справа боязливый ученик кузнеца пытался подковать демонического черного коня. Из огромного яйца вылупилась толпа голых ребятишек, разбежавшихся во все стороны с длинными цветными лентами в руках; хор из двадцати мужчин и женщин в костюмах и масках, преувеличенно изображавших характерные черты различных рас, распевал сатирические куплеты, насмехаясь над привычками других народов. Клоуны наконец добились успеха в своем начинании: кадавры восстали, разъяснили свои взгляды по вопросу о разнице между бытием и небытием, после чего стали паясничать вместе с клоунами, спели несколько комических баллад и убежали со сцены, высоко взбрыкивая ногами. Под конец представления сцена озарилась непрерывными фейерверками. Две пушки, справа и слева, выстрелили двумя акробатами в белых трико; акробаты встретились в воздухе над серединой сцены, успели схватить друг друга за руки и, вихрем развернувшись, повисли, раскачиваясь на трапеции; тем временем козлоногие сатиры без устали гонялись за девушками под веселый быстрый наигрыш оркестра.

Вглядываясь в полутьму зрительного зала, Замп заметил, что лицо короля Вальдемара смягчилось улыбкой, и что он обменялся с приближенными парой явно одобрительных замечаний.

Вечером шестого дня Аполлон Замп и его труппа должны были представить королю Вальдемару и аристократам Морнуна трагедию «Макбет» на сцене «Очарования Миральдры».

Уже с утра на борту «Миральдры» преобладало подавленное напряжение. Замп проверял качество декораций, приказывал вносить изменения и улучшения, перемещал светильники. Гассун расхаживал взад и вперед, даже не пытаясь привести в порядок несимметрично растрепанную белую шевелюру; время от времени он останавливался и словно к кому-то безмолвно обращался странными жестами. В конце концов он направился в свой музей и стал рыться в сундуках, надеясь найти что-нибудь придающее более царственный вид его костюму. Мадемуазель Бланш-Астер не про-

являла интереса к подготовке спектакля. Она взошла на четвертьдек и наблюдала за происходящим с отстраненным выражением лица. Гассун присоединился к ней и с отвращением указал на Зампа: «Мы потерпим фиаско — и всё из-за него! Нам угрожают штрафами, конфискацией имущества, унижением, побоями! Неужели вы считаете, что разумным людям, таким, как вы и я, следовало пускаться в столь сумасшедшее предприятие? Мы должны сию минуту заявить, что не имеем ничего общего с их идиотским состязанием, вернуться под всеми парусами в русло безмятежного Висселя и, наконец, зажить той жизнью, для которой мы предназначены природой!»

Мадемуазель Бланш-Астер покачала головой: «Вам не позволят отказаться от участия в конкурсе. Кто знает? Может быть, «Макбет» произведет на короля благоприятное впечатление».

«Если бы только я вовремя воспротивился доводам шарлатана Зампа!» — простонал Гассун и снова спустился в свой музей.

Часа через три после полудня Замп настолько устал и переволновался, что его охватило состояние безвольной летаргии. Он больше не сомневался в провале вечерней программы — невозможно было себе представить, чтобы чудаковатые сценические манеры его актеров, их вечные запинки и непривычное для местной публики музыкальное сопровождение могли вызвать восхищение короля Вальдемара.

Так прошел остаток дня. Федра опускалась в безоблачном небе к западному горизонту. Озерная вода лениво блестела подобно голубой патине, безразлично скрывающей многокилометровые глубины.

Актеры пообедали, после чего разошлись по каютам, чтобы переодеться к спектаклю. Замп в десятый раз почистил щеткой бархатное сиденье трона короля Вальдемара, вышел на потрепанную ветром и дождем палубу, в отчаянии посмотрел вокруг и тоже спустился к себе, чтобы надеть костюм Макбета.

Солнце скрылось за холмами. Начинало темнеть, на склонах Мирмонта зажглись мерцающие огни Морнуна. На борту «Миральдры» пылали факелы; через некоторое время первые зрители стали подниматься по трапу и занимать места. Замп наблюдал за ними через смотровую щель; ему казалось, что морнунские эстеты с насмешкой поглядывали на далеко не роскошное убранство театра.

Скамьи заполнились публикой. За кулисами напряжение возросло настолько, что воздух словно потрескивал от электрических разрядов. Мадемуазель Бланш-Астер стояла в стороне, накинув серый плащ, защищавший ее от вечернего сквозняка. В последнюю минуту Гассун снова решил изменить внешний вид своего персонажа, и раздраженный Замп заглянул в гардеробную, чтобы поторопить его: «Король Вальдемар подходит к трапу!»

«Неважно! — откликнулся Гассун. — Времени достаточно — мой выход не в самом начале пьесы! Ведьмы готовы?»

«Все в наличии».

«Леди Макбет?»

«Готова».

«А вы сами?»

«Я готов».

«Тогда нет никаких проблем. Если потребуется, оркестр может сыграть увертюру дважды».

«Вот еще! — пробормотал Замп. — Ладно, сделаем все, что сможем».

Король Вальдемар поднялся на палубу, и его уже провожали к трону. Завернувшись в черный плащ, скрывавший костюм Макбета, Замп вежливо подождал минуту-другую, после чего вышел на сцену.

«Сегодня вечером, чтобы доставить удовольствие королю Вальдемару и его достопочтенным советникам, мы обращаемся к событиям далекого прошлого. «Макбет» — легенда средневековой Земли; подлинный текст этой трагедии каким-то чудом оказался в Кобле на берегу Догадочного залива и сохранился в качестве экспоната знаменитого музея Теодоруса Гассуна. Когда мы узнали о фестивале короля Вальдемара, мы поняли, что ничто не привлечет его просвещенное внимание больше, чем воссоздание архаического шедевра!

Но предоставим автору возможность самому говорить за себя — перенесемся через бездну времени и пространства на некую «пустошь» в горах Шотландии, где три бородатые ведьмы замышляют зло, приводящее в действие весь драматический сюжет», — Замп поклонился и отступил за кулисы.

Со скрипом и шорохом раскрылся занавес.

Первая ведьма: «Когда блеск молний, дождь и гром
Сведут нас заново втроем?»

Вторая ведьма: «Когда затихнет суматоха...»

Глядя через смотровую щель, Замп с удовольствием заметил, что происходящее на сцене по меньшей мере завладело вниманием короля. «Чем занимается копуша Гассун? — вспомнил Замп. — Все еще в гардеробной?» Нет, Гассун уже явился — в плаще, в сапогах и в символизирующем царственность любопытном старинном головном уборе из дерева и железа, с многочисленными зубчатыми выступами. Зампу пришлось признать, что в этом одеянии Гассун действительно внушал почтение.

Дункан: «Кто этот воин, весь в крови? Он мог бы
Нам рассказать, чем завершилась битва
С повстанцами».

Малькольм: «Он — тот сержант...»

Вторая сцена, по мнению Зампа, была исполнена неплохо. Начиналась следующая сцена, и снова на «вересковой пустоши близ Форреса» собрались ведьмы.

Первая ведьма: «Где ты была, сестра?»

Вторая ведьма: «Я резала свиней».

Третья ведьма: «А ты, сестрица?»

Первая ведьма: «С подругой моряка...»

Замп, в костюме Макбета, появился в сопровождении Банко. Они выслушали прорицания ведьм и новости, сообщенные Россом и Ангусом.

Занавес опустился, чтобы декорации можно было подготовить к пятой сцене, перемещенной и вставленной Зампом в качестве второй половины третьей сцены согласно его представлениям о драматическом контрасте — а также для того, чтобы представить в выгодном свете холодную изысканную красоту мадемуазели Бланш-Астер.

Декорации заменили; теперь они изображали английский парк у замка Гламис. Раздвинулась еще одна завеса — леди Макбет сидела за столом с гусиным пером в руке. По сценарию Зампа, она должна была произносить вслух фразы из своего письма, побуждавшие Макбета к достижению амбициозных целей. Но мадемуазель Бланш-Астер, по-видимому, решила изменить эту сцену без предупреждения. Как только перед ней открылась вторая завеса, она поднялась на ноги, сбросила серый плащ и вышла на авансцену, навстречу ярким рамповым софитам. Теперь все могли видеть, что на плечах актрисы была синяя плащаница с золотыми геральдическими узорами, подобными красно-золотым узорам плаща короля Вальдемара. Из зала послышался звук, словно порожденный порывом ветра — потрясенные зрители одновременно ахнули.

Мадемуазель Бланш-Астер сказала: «На мне сине-золотая плащаница предков. Я получила ее от отца — всем известно, кто я! В красно-золотом плаще нет никакой маны. Кто из вас признает правомочную власть сине-золотой династии Эрме?»

Король Вальдемар вскочил на ноги; на его лице возникло странное выражение нерешительности. Замп, стоявший за кулисами, оцепенел. Как он ошибался, считая морнунских аристократов бесстрастными исполнителями ритуалов, предписанных этикетом! Глаза зрителей блеснули, зубы плотно сжались, лица исказились жесткими, напряженными усмешками. Со всех сторон к Вальдема-

ру медленно приближались темные фигуры, глаза короля тревожно бегали. Он внезапно повернулся и направился к трапу.

Мадемуазель Бланш-Астер спокойно и четко произнесла: «Лорд Хэйз, лорд Броув, лорд Валикур! Задержите Вальдемара, убийцу моего отца! Посадите его в лодку, отвезите туда, где глубина озера не поддается измерению, и выполните свой долг!»

Три аристократа поклонились и преградили путь свергнутому монарху. Подхватив ошеломленного Вальдемара под локти, они вывели его из театра.

Мадемуазель Бланш-Астер продолжала стоять на авансцене, неподвижно и высокомерно. Гассун, уже готовый к выступлению в следующей сцене, заметил, что в театре наступила тишина. Выглянув из-за кулис, он увидел, что по какой-то не поддающейся пониманию причине — возможно, потому, что кто-то из сидящих в зале позволил себе грубое замечание — мадемуазель Бланш-Астер молчала и не двигалась. Охваченный приступом паники и раздражения, Гассун выбежал на авансцену и зажмурился, ослепленный софитами: «Уважаемые зрители, прошу прощения! Наше представление только началось!» Он повернулся к мадемуазели Бланш-Астер: «Дорогая моя, будьте добры, продолжайте исполнять свою роль!»

Мадемуазель Бланш-Астер смерила его ледяным надменным взглядом, но тут же широко раскрыла глаза; ее челюсть отвисла, она растерялась больше, чем несколько минут тому назад растерялся король Вальдемар. Из зала послышались странные подвывающие стоны ужаса, вызванного сверхъестественным вмешательством судьбы. Гассун, однако, не мог оторвать глаз от лица мадемуазели Бланш-Астер. Все ее самообладание испарилось — она выглядела, как испуганная девочка, не более того.

«Что случилось? — воскликнул Гассун. — Почему вы так на меня смотрите?»

Мадемуазель Бланш-Астер протянула руку, указывая на него дрожащим пальцем: «На вас легендарная зелено-золотая плащаница! Где вы ее взяли?»

Гассун недоуменно опустил глаза, рассматривая расшитый поблекшим золотом зеленый плащ, в который он только что нарядился, надеясь, что такой предмет одежды придаст Дункану некоторое сходство с королевской внешностью Вальдемара: «Это старинный музейный экспонат из моей коллекции».

Мадемуазель Бланш-Астер взялась непослушными пальцами за воротник своего сине-золотого плаща и сняла его: «Да свершится воля Чудо-прялки! Мне не суждено править Сойванессом. Отныне вы — король Сойванесса, император Фая!»

Гассун не мог найти слов: «Мне не пристало предъявлять такие притязания... Я — Теодорус Гассун».

«Теперь ваше имя и ваши желания ничего не значат. Судьба соткана Чудо-прялкой — ее решение неопровержимо и необрати-

мо. В Сойванессе испокон века ждали вашего пришествия — и невероятное стало былью! Вы покрылись славой — и обязаны взять на себя всю ответственность абсолютной власти».

Гассун с сомнением погладил длинный белый нос: «В высшей степени достопримечательный поворот событий... Аполлон Замп, вы все это слышали?»

«Да, — отозвался Замп. — Я все слышал и все видел. Что будет с нашим представлением? Имеет ли смысл его продолжать? Судя по всему, теперь выбор победителя конкурса будет зависеть от вас».

«Я уже принял решение! — заявил Гассун, внезапно охваченный диким торжеством. — Первый приз заслужили театр «Очарование Миральдры» и его великолепная труппа! Кроме того, я требую, чтобы щедрые награды получили также талантливые ансамбли «Воюза», «Звездной пряди», «Благоухающего олиолуса», «Деллоры» и «Заоблачного странника». Все представления участников конкурса были великолепны — штраф, объявленный королем Вальдемаром, отменяется! Приглашаю всех присутствующих в королевский дворец, где мы отпразднуем это удивительное событие. Кроме того, мне только что пришла в голову прекрасная идея — я назначаю, выбираю и объявляю принцессу Бланш-Астер своей царственной супругой, моей достойной восхищения спутницей жизни — мы оба надеялись, что нам представится возможность бракосочетания, и сегодня же вечером сыграем свадьбу по всем правилам. Что вы сказали, Аполлон Замп?»

«Ничего особенного, маэстро Гассун».

«В таком случае, будьте так любезны, возрадуйтесь вместе с нами чудесному стечению обстоятельств!»

«Так точно, уже радуюсь».

«Замечательно! Превосходно! Приведите сюда Гарта Пенлош-торма и его несчастную труппу! Отныне я освобождаю их от задолженности! Приведите также барона Банури и его головорезов — и посадите их в тюрьму! Им придется ответить сполна за тяжкие преступления. А вам, Аполлон Замп, я прощаю многочисленные оскорбления, мелочные придирки, притворство и мошенничество. По сути дела, я передаю вам, целиком и полностью, бессрочно и безотзывно, право собственности на плавающий театр «Очарование Миральдры» и все находящееся на его борту имущество. Мне это судно больше не понадобится».

Замп поклонился: «Чрезвычайно признателен, король Теодорус».

«Ага! — воскликнул Гассун. — Поистине неисповедимы пути Чудо-прялки! Так что же? Мы идём во дворец или нет?»

Глава 15

Многочисленные превратности судьбы внушили Зампу твердую убежденность в том, что после крупного выигрыша следовало как можно скорее выходить из игры. Как только закончились трехдневные коронационные празднества, он решил покинуть Морнун и плыть на юг по Висселю. Гассун, будучи в высшей степени великодушным монархом, разрешил Зампу отчалить в любое время, по его усмотрению. «Тем не менее, почему бы вам не остаться в Морнуне? — спросил он. — Мы старые приятели! Я могу наделить вас титулом гранда и даровать вам обширное поместье — впрочем, вы и так уже заслужили вельможные почести и усадьбу, так как они обещаны победителю конкурса прокламацией Вальдемара».

Но Зампа невозможно было переубедить: «Как вам известно, я на три четверти — бродячий менестрель, и только на одну четверть — аристократ. Капризные речные ветры у меня в крови! Если хотите, пожалуйста мне железом сумму, эквивалентную стоимости поместья, чтобы я мог построить великолепнейший плавучий театр из всех, какие когда-либо видели на берегах Висселя, Синтианы или любой другой реки!»

Гассун хотел было ответить широким щедрым жестом, но ему пришлось сдерживать размах руки — зелено-золотая плащаница тесно облекала его плечи, в связи с чем новоиспеченному королю приходилось внимательно следить за своими движениями, чтобы ветхая ткань, паче чаяния, не разорвалась. Принцесса Бланш-Астер сидела на софе из резного нефрита; на ее лице застыло отсутствующее выражение.

«Как вам будет угодно, — ответил Гассун. — Но вы должны обещать, что ваше новое великолепное судно посетит Морнун во время первого плавания, и что вы развлечете нас своими фарсами и фантазиями».

«Несомненно, так и сделаю!» — заявил Замп.

Гассун вызвал конюшего: «Немедленно отвезите двадцать слитков чугуна на борт судна «Очарование Миральдры» и передайте их в распоряжение маэстро Зампа».

Замп поклонился Гассуну, а затем и принцессе Бланш-Астер — та отозвалась безразличным кивком. Теперь она казалась Зампу скучноватой и апатичной. Ее зеленое шелковое платье было расшито жемчугом и чугунными блестками, а ее светлые волосы

дворцовые парикмахеры превратили в изощренное сооружение из завитых локонов и колечек. И для этого она вернулась в Морнун?

«Позвольте мне удалиться без лишних слов», — сказал напоследок Замп.

«Попутного ветра!» — отозвался Гассун.

Под аркой выхода Аполлон Замп остановился и обернулся, чтобы в последний раз попрощаться взмахом руки. Гассун стоял посреди гостиной: высокий и поджарый, он остался самим собой — клочки непослушных белых волос торчали между зубцами его железной короны, костлявые пальцы осторожно сжимали отвороты легендарной плащаницы.

Вернувшись на палубу «Миральдры», Замп проверил качество доставленных двадцати слитков чугуна, весивших в общей сложности почти девяносто один килограмм. Убедившись в том, что весь персонал находился на борту, он приказал отдать швартовы, поднять паруса и плыть на юг.

Бездонное озеро блестело, как плоское и гладкое зеркало; паруса безжизненно обвисли. Замп распорядился опустить в воду гребное колесо, пристегнуть волов к вороту и позвать им на помощь трупку Пеплошторма. Гарт Пеплошторм громко протестовал: «Нас освободили от задолженности! Теперь мы свободные люди, нам не пристало крутить ворот!»

«Действительно, вы свободные люди, — согласился Замп. — Но вы должны заработать сумму, достаточную для вашего содержания на всем обратном пути в Кобль — то есть, вам придется крутить ворот. Если вы предпочитаете остаться в Морнуне, прыгайте за борт и плывите к берегу!»

Ворча и ругаясь, Гарт Пеплошторм и его спутники поплелись на корму и налегли на спицы вóрота.

Теперь нос плавучего тетра шумно рассекал озерную воду. Через час Замп приказал поднять гребное колесо — нерешительный ветерок слегка надул паруса, и судно продолжало тихонько скользить на юг.

К полудню следующего дня судно промчалось через Мандамские Ворота и, продолжая плыть по течению, беспрепятственно миновало замок Банури. Справа и слева простиралась степь Тинзит-Ала́; впереди до самого горизонта струился Виссель.

Сезон муссонов уже закончился; капризные, непостоянные ветры дули то с одной, то с другой стороны. Но Замп никуда не торопился. Чтобы волы и Гарт Пеплошторм не теряли форму, он заставлял их крутить гребное колесо всего лишь один час утром и один час после полудня; все остальное время, вполне удовлетворенный спокойным дрейфом вниз по течению, он занимался подготовкой чертежей своего будущего чудесного нового судна. Замп намеревался заказать самые ценные породы дерева, нанять самых искусных резчиков, закупить самое лучшее лантинское стекло! Для

труппы и команды он предусмотрел роскошные каюты со всеми удобствами, а для себя — просторные апартаменты на корме с многостворчатыми окнами над журчащей кильватерной струей. На верхних палубах Замп собирался устроить украшенные колоннадами галереи, как на «Воюзе», сцену он намеревался оборудовать хитроумными механизмами, не уступавшими оснащению «Делло-ры», а ряды складных сидений в зале должны были напоминать те, что он видел на борту «Заоблачного странника». Главная палуба, разумеется, должна была круто подниматься, поворачиваясь на петлях, чтобы публику в случае чего можно было без промедления смыть за борт, а дополнительное потайное устройство, раскрывавшее провал посреди зрительного зала, позволяло бы сбрасывать в трюм и ловить грузовой сетью особо опасных нарушителей спокойствия. Обе системы доказали свою полезность на практике. Следовало ли установить на новом судне кормовое гребное колесо? Пару боковых гребных колес? Или гребные винты? На этот счет Замп еще не принял окончательное решение. Какой репертуар ему следовало выбрать? Классические трагедии древней Земли? Ха-ха! Откинувшись на спинку кресла, Замп смотрел на облака, плывущие по бескрайнему небу Большой Планеты.

На четвертый день после того, как «Миральдра» миновала Мандаманские Ворота, внимание Зампа привлек всадник, скакавший во весь опор по восточному берегу. Поравнявшись с судном, всадник принялся призывно размахивать руками; глядя в подозрительную трубу, Замп обнаружил, что в седле сидел Теодорус Гассун.

Замп приказал подобрать паруса и спустить шлюпку. Через некоторое время Гассун, шатавшийся от усталости, с покрасневшей от солнца и задубевшей от ветра кожей, присоединился к нему на квартердеке.

«Король Теодорус, ваше величество! — приветствовал его Замп. — Вы оказываете мне большую честь, и я чрезвычайно рад оказать вам гостеприимство, хотя и не ожидал увидеть вас так скоро».

Гассун осушил предложенный ему Зампом стакан коньяку. «Короля Теодоруса больше нет, — прохрипел он. — Я снова — Теодорус Гассун из Кобля, и не испытываю по этому поводу никаких сожалений, уверяю вас. Здесь случайно не найдется чего-нибудь съестного? Я чертовски изголодался в пути!»

Замп приказал подать хлеб, сыр, мясо и квашеный лук-порей. Пока Гассун ел, он рассказал об обстоятельствах, заставивших его вернуться на борт плавучего театра. По существу, эти обстоятельства объяснялись одним простым фактом. Геральдическая зелено-золотая плащаница, обветшавшая на протяжении веков и постоянно подвергавшаяся напряжениям в связи с тем, что ее покрой никак не соответствовал долговязкой нескладной фигуре Гассуна, в один не столь прекрасный момент разошлась по швам, после чего от нее осталось несколько отдельных лохмотьев. Гассун прекрасно пони-

мал, что он оставался королем лишь постольку, поскольку обладал мифической плащаницей, преобразившей презренного владельца развалюхи, стоявшей на приколе в устье Висселя, во всесильного правителя Сойванесса; потеря этой плащаницы должна была неминуемо привести к его обратному превращению из короля в чужеземное ничтожество.

Само собой, Гассун никому не сказал ни слова об этой катастрофе — даже своей супруге, принцессе Бланш-Астер: «Должен признаться, хотя принцесса вела себя должным образом, и мне практически не в чем ее упрекнуть, я не мог не заметить, что некоторые аспекты наших взаимоотношений не вызывали у нее никакого энтузиазма. Склонен подозревать, что наше несомненное взаимопонимание носило скорее духовный, нежели телесный характер. Откровенно говоря... хм. Так или иначе, я не распространялся о том, что случилось с плащаницей, и поспешил присоединиться к давнему надежному партнеру, Аполлону Зампу, в надежде на то, что наше сотрудничество может быть возобновлено на прежних основаниях».

Замп налил себе немного коньяку: «Наше сотрудничество нерушимо. Это судно — снова ваше, а железо, которым вы меня так щедро наградили, будет поделено между нами поровну. Я никогда не смогу потратить столько чугуна, его хватит на двоих».

Гассун лукаво подмигнул и поднял указательный палец: «С радостью снова вступлю во владение моим старым плавучим музеем, и он снова будет называться «Универсальным панкомиумом». Но железо оставьте себе». Гассун пнул седельные сумки, лежавшие рядом на палубе: «Здесь целое сокровище — алмазы, изумруды и рубины, не говоря уже об огромных черных опалах в железных оправах. Мое богатство, таким образом, не уступает вашему».

Замп наполнил коньяком оба стакана: «Наше сотрудничество оказалось прибыльным, Теодорус!»

«Не только прибыльным, но и весьма поучительным!»

Опорожнив стаканы, партнеры повернулись, повинаясь одному и тому же побуждению, чтобы взглянуть на север — туда, где над далекими излучинами Висселя еще виднелась темная тень Мандаманских Палисадов. В тот же момент паруса наполнил свежий северный ветер, вестник экваториальных пассатов. Вспенивая воду носом и оставляя за собой бурлящую струю, судно понеслось на юг вниз по течению Висселя, к далекому Коблю.

Printed in Great Britain
by Amazon

Гениальный американский писатель, не только богатством языка и воображения, но и глубиной понимания человеческой природы превосходящий большинство современных авторов, Джек (Джон Холбрук) Вэнс родился 28 августа 1916 года в Сан-Франциско. Вэнс провел детство на скотоводческой ферме, рано оставил учебу в школе и несколько лет работал на строительстве, посыльным при отеле, на консервной фабрике и на дноуглубительном снаряде, после чего посту-

пил в Университет штата Калифорния в Беркли, где получил диплом горного инженера, а также изучал физику, журналистику и английский язык; некоторое время он работал электриком в доках ВМФ США в Перл-Харборе на Гавайях (откуда вернулся в Сан-Франциско, чтобы учить японский язык, за два дня до нападения японцев).

На корабле американского торгового флота Вэнс написал свой первый рассказ. Мало-помалу его рассказы и повести начали издавать в журналах, но за них платили так мало, что Вэнсу приходилось несколько лет зарабатывать на жизнь плотницким ремеслом. В 1946 г. Вэнс встретил Норму Ингольд и женился на ней. В 1950-х годах они много путешествовали по Европе, а в 1960-х провели несколько месяцев на Таити, но главным образом жили в Окленде, в Калифорнии. Вэнс стал постоянно зарабатывать писательским трудом в конце 1940-х гг. Помимо множества известных книг и рассказов, написанных в свойственном только ему стиле сочетания детективно-приключенческой фантастики и социальной сатиры, Вэнс опубликовал ряд чисто детективных повестей, а также знаменитую трилогию «Лионесс» — мастерский образец жанра «фэнтези». К старости Вэнс ослеп, но до последнего времени продолжал писать с помощью специализированной компьютерной системы. Джек Вэнс жил в небольшом старом доме на крутом склоне, в калифорнийских холмах Окленда.

ISBN 9781517589639

9 781517 589639

90000 >

